

Сверстые сборники

издательства
"Шиповник"

книга шестая

С. П. Б.
1909

Сверные Сборники

издательства
„Шноуикъ“

книга шестая

С. П. Б.
1909

2007083024

Типографія „Т-ва В. И. Андерсонъ и Г. Д. Лойцянский“.
Спб., Вознесенскій пр., 53.

ПѢСНЬ О СИГУРДѢ.

ОТРЫВОКЪ ИЗЪ ЭДДЫ.

Переводъ съ древне-Скандинавскаго

К. Д. Бальмонта.

Пѣснь о Сигурдѣ.

(Отрывокъ изъ Эдды).

Юный Сигурдъ пришелъ ко двору властителя Гьюки, и принятъ былъ дружески.

Онъ заключилъ съ сыновьями властителя, Гуннаромъ и Хёгни, кровный союзъ побратимства, и въ бракъ вступилъ съ дочерью его, Гудрунъ.

Онъ отправился въ путь вмѣстѣ съ Гуннаромъ, чтобъ его поддержать при его сватовствѣ къ Брингильдѣ, которая, въ замкѣ, овѣянномъ пламенемъ, противилась всѣмъ женихамъ.

Нашли они залъ и огонь, и видятъ тамъ замокъ съ златою кровлей, а снаружи, кругомъ того замка, пылалъ огонь.

Гуннаръ ѣхалъ на Готи-конѣ, а у Хёгни былъ конь-Хольквиръ.

Гуннаръ горячитъ жеребца, направляя въ огонь, но конь отступаетъ, дыбясь.

Сигурдъ говоритъ: „Почему отступаешь, Гуннаръ?“ Тотъ говоритъ: „Не хочеть скакнуть въ огонь жеребецъ“.

И просить Сигурда, чтобъ ему одолжилъ коня-Грани.

„Это возможно“, промолвилъ Сигурдъ.

Ѣдетъ Гуннаръ на огонь теперь, и Грани не хочетъ идти.

Гуннаръ не возмогъ проскакать чрезъ огонь. Мѣняють они свои лики.

Ѣдетъ тогда Сигурдъ, и мечъ-Граммъ у него въ рукахъ, на ногахъ золотыя шпоры.

Огонь забился,
Какъ сумасшедшій.
До неба пламя,
Земля дрожить.

И мало кто
Изъ свиты мужа
Къ огню поѣхаль,
Чтобъ проскочить.
Сигурдъ же—Грани
Мечомъ, не шпорой,
Предъ благороднымъ
Огонь погасъ.

Предъ жаднымъ къ славѣ
Все пламя—книзу,
Сверкнула сбруя,
Звенить узда.

Сигурдъ вступилъ въ пламя, нашелъ тамъ жилище прекрасное, а въ жилищѣ сидѣла Брингильдъ.

Она вопрошаетъ, кто мужъ.

Онъ себя называетъ Гуннаръ, сынъ Гьюки.

„Ты мнѣ предназначена въ жены по твоему же рѣшенью, разъ я проскакалъ черезъ яркое пламя, разсѣкъ твой пчелиный сотъ.“

„—Не знаю я точно, какой я должна тебѣ дать отвѣтъ“, говоритъ она.

Сигурдъ на мощеномъ полу передъ ней стоитъ, опершись на мечъ, и такъ говоритъ къ Брингильдъ:—

„Великій я дамъ тебѣ свадебный выкупъ, золотомъ дамъ его и драгоценностями.“

Съ сидѣнья она своего отвѣчаетъ ему, заботой объята, словно лебедь въ волнѣ, и мечъ у нея въ рукѣ, на головѣ ея шлемъ, была она въ латахъ.

„Гуннаръ“, говоритъ она, „не говори мнѣ подобнаго, если не выше ты каждого мужа, а тогда ты долженъ убить всѣхъ тѣхъ, кто искалъ меня, если на это дерзнешь. Въ битвѣ была я съ конунгами, съ Гарда-властителями, и окрашено было оружье мое кровью мужей, и еще мнѣ желается этого.“

Онъ отвѣчалъ:—

„Много ты совершила великихъ дѣяній, но вспомни теперь свой обѣтъ, что, если чрезъ этотъ огонь на конѣ кто проскачетъ, ты пойдешь тогда съ мужемъ свершителемъ.“

Въ этомъ она получила отвѣтъ настоящій и знакъ указующій рѣчи, встала, услышавъ, и дружески кланяется.

Тамъ онъ проводитъ три ночи, и дѣлятъ они постель.

Онъ вынимаетъ мечъ - Грамъ и кладетъ обнаженнымъ его межь собою и ей.

Она вопрошаетъ его, что должно означать это.

Онъ говоритъ, что ему суждено было, чтобъ такъ онъ вступилъ со своею супругою въ бракъ, иначе же—смерть.

Тогда онъ кольцо у ней взялъ, и далъ ей другое кольцо изъ наслѣдства Фафнира - Дракона.

Онъ ѣдетъ затѣмъ черезъ тотъ же огонь къ сотоварищамъ.

И снова мѣняются они свои лики.

Былъ день, что онѣ, тѣ двѣ женщины, вмѣстѣ купаться пришли къ рѣкѣ.

Дальше Брингильдъ ушла, чѣмъ Гудрунъ. Спросила Гудрунъ, что это значитъ.

Брингильдъ говоритъ:

«Почему тебѣ въ этомъ я должна равной быть, или въ чемъ другомъ? Мнѣ казалось, отецъ мой могущественнѣй твоего, я думала также, мой мужъ совершилъ много безстрашныхъ дѣяній, и

чрезъ горячій огонь проскакалъ на конѣ. А мужъ твой—слуга у Іальпрэка конунга».

Съ гнѣвомъ Гудрунь отвѣчаетъ:

«Была бѣ ты умнѣе, когда бы молчала, чѣмъ мужа язвить моего. Слово есть всѣхъ мужей, что такого, какъ онъ, не рождалось, и порочить его не пристало тебѣ, потому что онъ первый твой мужъ, и имъ это былъ Фафниръ умерщвленъ, и онъ проскакалъ черезъ яркое пламя, гдѣ Гуннара ты конунга думаешь видѣть, и онъ это былъ, что съ тобою лежалъ, и кольцо тебѣ далъ съ руки своей, и вотъ, его можешь признать».

Брингильдъ на кольцо поглядѣла, и признала его.

Она поблѣднѣла, какъ будто бы мертвой была.

Брингильдъ домой возвратилась, и ни слова не молвила въ вечеръ.

Приходитъ Гуннаръ, вопрошаетъ, что значить ея печаль, и не можетъ ли онъ ей помочь.

Брингильдъ говоритъ:

«Жить не буду я. Потому что Сигурдъ обманулъ меня, и не меньше тебя обманулъ, когда ты дозволилъ ему войти въ постель мою. Не буду я двухъ мужей въ чертогѣ имѣть одномъ. Долженъ Сигурдъ умереть, или я, или ты, потому что онъ все разсказалъ Гудрунь, и она попрекаетъ меня.

Въ мести клянется Гуннаръ.

Къ Хёгни онъ держитъ рѣчь, о Сигурдѣ со-
вѣтуется.

«Въ чемъ преступленье»,
Промолвилъ Хёгни,
«Что ты задумалъ
Его убить?»

«—Сигурдъ далъ клятву,
Нарушилъ клятвы,
Онъ мой обманщикъ,
Хранитель клятвъ».

«—Брингильдъ на злобу
Тебя смущаетъ,
Внушаетъ злое,
Чтобъ боль свершить».
«Къ Гудрунъ въ ней зависть
За бракъ хорошій,
Тебѣ зловолить
За добрый бракъ».

Одни взялись тутъ
За волчье мясо,
Другіе взяли
Куски змѣи.
Изжаривъ, дали
Поѣсть Готторму,
Вкусилъ онъ волка
Предъ дѣломъ злымъ.

Змѣи поѣли,
Предъ тѣмъ какъ руку
Поднять на мужа,
Который мудръ.

Сигурдъ сражень былъ,
На югъ отъ Рейна,
И съ вѣтки воронъ
Такъ провѣщаль:
«Властитель Гунновъ,
Могучій Атли,
Окраситъ кровью
Свои мечи.
«Для тѣхъ кто спорщикъ
Уничтоженъ,
Въ невѣрной клятвѣ
Ударъ мечомъ».

Гудрунъ, дочь Гьюки,
Стоитъ на волѣ
И первымъ словомъ
Такъ говоритъ:
«Властитель смѣлыхъ,
Сигурдъ, Сигурдъ гдѣ?
Мои родные
Глядятъ впередъ!»
Но ей отвѣтилъ
Одинъ лишь Хёгни:

«Зарубленъ нами
Мечомъ Сигурдъ.
«Зарубленъ смѣлый,
И надъ могучимъ
Главу склоняетъ
Лишь сѣрый конь».
Брингильдъ тутъ смѣхомъ
Такъ разразилась,
Что содрогнулся
Кругомъ весь дворъ.
«Вамъ будутъ земли,
И каждый—витязь,
Затѣмъ что смѣлый
Сраженъ мечомъ».
Гудрунъ, дочь Гьюки,
Тогда сказала:
«Злодѣйски - злобны
Твои слова.
«Пусть сила злая
Сомнетъ Гуннара.
Кто жаждалъ мести,
Увидитъ месть».
Брингильдъ, дочь Будли,
Тогда сказала:
«Вамъ будутъ земли,
Вашъ будетъ мечъ.
«Но всѣмъ бы правиль
Сигурдъ, когда бъ

Еще немного
Онъ пожилъ здѣсь.
«И не пристало бѣ
Владѣть Сигурду
Наслѣдствомъ Гьюки
И Готовъ тьмой,
«Когда родилъ бы
Во власть народу
Онъ жадныхъ къ битвѣ
Пять сыновей».

Быль поздній вечеръ,
Испили много.
Была бесѣда
Какъ сладкій медъ.
И всѣ заснули,
Кто легъ въ постели,
Но всѣхъ позднѣе
Не спалъ Гуннаръ.
Ногою двигалъ,
О многомъ думалъ,
Сразитель воинствъ,
Онъ размышлялъ,
О чемъ на вѣткахъ
Тамъ говорили
Орель и воронъ
Надъ ихъ путемъ.

Брингильдъ проснулась,
Не спить дочь Будли,
Потомокъ царскій,
Предъ свѣтомъ дня.
«Хоть побуждайте,
Хоть мнѣ мѣшайте,
Бѣда случилась,
Я скорбь скажу».
Услышавъ это,
Всѣ замолчали,
Не разумѣя
Тотъ женскій крикъ.
Она же съ плачемъ
То рассказала,
Къ чему со смѣхомъ
Звала мужей.

«Гуннаръ, о, страшный
Мнѣ сонъ приснился,
Всѣ мертвы въ залѣ,
Какъ ледъ постель.
«А ты, властитель,
Лишень отрады,
Въ оковахъ ѣдешь
Въ войска враговъ.
«Весь родъ Нифлунговъ
Лишится силы,
Клятвопреступны
Вы всѣ, вы всѣ.

«Ты не подумаль,
Гуннаръ, что вмѣстѣ
Вы съ нимъ вступали
Въ кровавый слѣдъ.
«Ему ты злою
Отмѣриль мѣрой,
За то, что первымъ
Тебя призналъ.
«Сдержалъ онъ клятву
Передъ тобою,
Когда безстрашно
Пошелъ въ огонь.
«Сдержалъ онъ клятву,
Какъ мой искатель,
А ты нарушилъ,
И преступилъ.
«За тѣмъ, кто смѣлый,
Съ безстрашнымъ сердцемъ
Какъ лебедь съ влаги,
Я улечу.
«Я съ нимъ въ пыланьи
Соединилась,
И смерть судила
Намъ вмѣстѣ быть.
«Былъ мечъ межъ нами,
Мечъ закаленный,
И съ каплей яда
Вдоль лезвія.

«Съ тобой я буду,
Мечомъ сраженный,
И окруженный
Волной огня!»

Все совершилось
По предвѣщанью,
Кто былъ убійца,
Убить былъ самъ.
Гуннаръ былъ брошенъ
Во дворъ, гдѣ змѣи,
Напрасно арфой
Ихъ чаровальъ.
Грозой былъ Атли,
Рубили Гунны,
Былъ звонъ оружья,
Былъ стукъ копытъ.
Тѣснились кони,
И въ звукахъ ржанья
Промчались клики
Богатырей.
И мститель Атли,
Хмѣльной, упившись,
Былъ безоружный
Убить Гудрунь.
За братьевъ мстила,
Собака спустила,
И кровь излила

Концомъ меча,
Сожженъ былъ замокъ,
Дымились стѣны
Чертоговъ пышныхъ
И кладовыхъ.
Упали балки
На пепелище,
Сгорѣли жизни,
Пылалъ огонь.

ГУННАРЪ ГЕЙБЕРГЪ.

БАЛКОНЪ

ТРИ ДѢЙСТВІЯ.

Переводъ съ норвежскаго К. Д. Бальмонта.

ГУННАРЪ ГЕЙБЕРГЪ.

Замѣтка.

Гуннаръ Гейбергъ является самымъ выдающимся драматургомъ современной Норвегіи. Живость, драматизмъ, тонкость душевнаго анализа, своеобразіе характеровъ и положеній, неожиданность развязки при развитіи событій, казалось бы, самыхъ обыкновенныхъ, изысканное благородство языка и мѣткая иронія—основныя черты его художественной личности.

На всемъ, что написалъ Гейбергъ, лежитъ печать оригинальности. Онъ силенъ, не менѣе, чѣмъ Ибсенъ, и онъ изященъ, не менѣе, чѣмъ Гамсунъ, но онъ, будучи изящнымъ, силенъ, чѣмъ Гамсунъ, и, будучи сильнымъ, онъ изященъ, чѣмъ Ибсенъ. Ему надлежитъ, такимъ образомъ, совсѣмъ особое мѣсто, и его „Трагедія Люви“, по страшной силѣ внутренняго захвата и по тонкости отдѣлки, несомнѣнно есть лучшая Норвежская драма конца 19-го вѣка.

Творчество Гейберга распадается на двѣ группы. Въ однихъ драмахъ, какъ „Folkeraadet“, „Народное Собраніе“, „Harald Svans mor“, „Мать Гаральда Свана“, „Kjaerlighed til naesten“, „Любовь къ ближнему“, „Tante Ulrikke“, „Тетка Ульрикка“, онъ создаетъ рѣзкую общественную сатиру, и у того, кого онъ задѣнетъ своимъ бичомъ, надолго останутся глубокіе шрамы, — въ другихъ

какъ „Balkonen“, „Балконъ“, и „Kjaerlighedens Tragedie“, „Трагедія Любви“, онъ ставитъ внутреннюю проблему и, бросивъ свой лотъ глубоко на дно души,—глубже, чѣмъ кто-либо,—открываетъ въ темахъ, тысячу разъ разработанныхъ, совершенно новые углы и новыя точки зрѣнія.

Въ сборникъ статей, посвященныхъ Генрику Ибсену Норвежскими, Датскими, Шведскими и Финскими писателями, „Henrik Ibsen. Festskrift. Bergen. 1898“, есть интересная параллель Аренберга между національнымъ гениемъ трехъ Скандинавскихъ странъ. Национальную особенность Швеціи Аренбергъ видитъ въ пѣснѣ, въ лирикѣ: въ этой области, отъ напѣвной пѣсенки до псалма, диэрамба и отвлеченнаго размышленія въ ритмѣ, Шведскіе поэты создали наилучшіе свои шедевры. Национальный гений Даніи есть эпосъ. Датчане по преимуществу являются блестящими, когда они выступаютъ, какъ рассказчики, ораторы и критики. Норвежская душа есть драма съ короткими репликами. Уже въ „Эддѣ“ мы видимъ эту побѣдительную способность Норвежца—въ драматической репликѣ создавать потрясающій рассказъ, въ двухъ короткихъ стихотворныхъ строкахъ создать незабываемую драму. Тройственность Скандинавскаго гения въ историческомъ своемъ зеркалѣ вполнѣ отчетливо символизуется такими именами, какъ Тэгнеръ и Бельманъ въ Швеціи, Андерсенъ и Киркегоръ въ Даніи, Ибсенъ, Гамсунъ и Гейбергъ въ Норвегіи.

Въ переведенныхъ мною драмахъ, „Балконъ“ и „Трагедія Любви“, Гуннаръ Гейбергъ изображаетъ трагическую невозможность любви, неизбежный трагизмъ любви, именно съ тою рунической краткостью, четкостью и мѣткостью, зловѣщею мѣткостью, которая мы видимъ въ лаконическихъ строкахъ пѣсень „Эдды“. Какъ въ „Пѣснѣ о Сигурдѣ“ чувствомъ слушателя съ первыхъ словъ овладѣваетъ тревога и безпокойное ожиданіе роковой развязки,

такъ и въ любовныхъ драмахъ Гейберга. „Ну и погода“, говоритъ Эрлингъ. — „Да, такая погода“, отвѣчаетъ Женщина, „когда всѣ тролли на волѣ“. Когда, въ любви, одна душа приближается къ другой, дѣйствительно всѣ тролли на волѣ, всѣ темные духи на волѣ, и шаловливые духи, и злые духи. И добрые тоже, да. Но первыхъ больше.

Тайное вниманіе читателя или зрителя, то тайное вниманіе, которое коренится въ нашихъ чувствахъ и лежитъ за гранью нашего сознанія, сразу схвачено, и мы не можемъ не слушать, не можемъ не глядѣть.

„Прощай!“ говоритъ Авель Юліи. „Моя возлюбленная! Прощайте, мои милые глаза—не плачьте—я приду сегодня вечеромъ. Прощай, мой милый ротъ, мои бѣлые зубы. Мое маленькое ушко“. И вотъ, отъ нѣсколькихъ словъ, такъ просто и такъ искусно подобранныхъ, какъ просто и искусно подобраны звуки въ утренней пѣснѣ жаворонка, или многоцвѣтныя краски въ дрожащихъ капляхъ утренней росы, наше чувство зачаровано, мы слушаемъ, мы смотримъ, мы живемъ въ двухъ любящихъ сердцахъ, мы любимъ Авеля и Юлію.

Объ эти драмы — два теченія одной и той же рѣки, два развѣтвленія одной и той же вѣтки, но одна тянется въ солнце, а другая падаетъ въ область тѣни, и обѣ вѣтки, которыя суть одна вѣтвь, растутъ на страшномъ деревѣ, гнѣздящемся въ адскихъ областяхъ, хоть вершиной и достающемъ до неба, достигающемъ эфирностей, гдѣ уже нѣтъ нашей жизни.

Авель и Эрлингъ—два брата, какъ Юлія и Карэнъ—двѣ сестры. И чувствуется, что родные имъ братья и сестры — Майя, Гедда Габлеръ, Хильда, и предстающіе въ сѣдой древности Сигурдъ, Гуннаръ, Брингильдъ, и Гудрунъ.

Гуннаръ Гейбергъ — истинно-Скандинавскій, истинно-Норвежскій поэтъ. Какъ Норвегія есть крайняя предѣльная страна Европы, и въ этомъ ея полярное очарованіе,

такъ анализъ любви, драматически-созданный Гейбергомъ, есть предѣльный, и дальше послѣдней сцены „Трагедіи Любви“, осіянной сѣвернымъ Семизвѣздіемъ, современная душа не можетъ итти.

1908. Сентябрь. Бретань.
La Baule.—Les Oeilletts.

К. БАЛЬМОНТЪ.

Л И Ц А.

РЭССМАНЪ.

ЮЛІЯ.

АВЕЛЬ.

АНТОНІО.

ДОКТОРЪ.

СЛУГА.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Сумрачно въ большой высокой комнатѣ.

Раннее утро.

Авель и Юлія выходятъ изъ спальни, которую видно въ слабомъ освѣщеніи.

Юлія въ свободномъ, длинномъ, мягкомъ утреннемъ платьѣ.

Они идутъ къ балконной двери, но останавливаются.

Авель. Прощай! (Цѣлуетъ ее, держитъ ея голову между своихъ рукъ). Прощай!

Юлія (медленно гладитъ его вдоль руки). Я вѣдь знаю, ты долженъ уходить.

Авел Моя возлюбленная! Моя возлюбленная! (Цѣлуетъ ее въ глаза). Прощайте, мои милые глаза—не плачьте, я приду сегодня вечеромъ.—Прощай, мой милый ротъ, мои бѣлые зубы.—Мое маленькое ушко. (Цѣлуетъ ее все съ большей и большей горячностью).

Юлія. Нѣтъ. Нѣтъ. Ты долженъ уходить. Ужъ поздно сегодня. Онъ скоро придетъ. (Охва-

тываетъ руками его шею). Все въ міръ ты для меня. Какъ радостно такъ стоять съ тобой—только чувствовать тебя около себя—подумай, черезъ мгновеніе этого не будетъ—тогда такъ пусто, мрачно, холодно все вокругъ меня,—все мѣняется краски, когда ты уходишь, и я впервые узнаю опять комнаты, когда ты приходишь. Каждый день такой длинный—нигдѣ, нигдѣ нѣтъ тебя! Я люблю тебя.

А вель. Подумать, что я не могу быть всегда около тебя.

Юлія (отдергиваетъ портьеру отъ балконной двери). Ты долженъ уходить.

А вель. Нѣтъ, посмотри. (Они смотрятъ наружу вдоль рѣки. Начинаетъ свѣтать. Солнце еще не показалось)—Нѣтъ, посмотри, Юлія! Мы первые, на которыхъ солнце приходитъ свѣтить. Намъ свѣтитъ солнце. Взгляни на весь міръ! Но взгляни, Юлія. (Обнимаетъ ее).

Юлія. Съ солнцемъ ты уходишь.

А вель. Бѣдная Юлія! И онъ приходитъ!

Юлія. Это ничего не значить.

А вель. Ничего не значить?

Юлія. Я его не вижу. Я закрываю все—мое маленькое ухо, мое большое сердце, мой разумъ.

А вель. Твой малый разумъ.

Юлія. Мой большой разумъ. Я облакаюсь въ пепель и власяницу. На все я надѣваю вла-

сяницу, и посыпаю пепломъ мой жаръ. И пепломъ я покрываю эти черные жемчуга, которые ты далъ мнѣ вчера и которые я буду крѣпко держать въ рукѣ моей, когда я умру.

А в е л ь. Юлія. Юлія—подумать, что я не могу каждый день открыто приходить къ тебѣ—и быть открыто у тебя.

Юлія. Это радостно, то, что есть—теперь, въ тайнѣ.

А в е л ь. Но развѣ ты лучше не хотѣла бы—?

Юлія. Я не знаю. И открыто и тайно! Но мнѣ кажется, что это вдвойнѣ хорошо, когда это тайна.

А в е л ь. Нѣтъ. Нѣтъ!

Юлія. Нѣтъ? Вчера вечеромъ, передъ тѣмъ какъ ты пришелъ, я ходила тамъ въ комнатахъ и протягивала мои руки впередъ. Мнѣ казалось, что мѣсяць грѣлъ—это было такъ, что мнѣ стало страшно—и было все тише и тише, потому что каждый разъ, когда я проходила по лунной полосѣ, я шептала: Авель, Авель, Авель, громче и громче, и наконецъ я прошептала совсѣмъ громко: Авель. И мнѣ казалось, что мѣсяць и я, и твое имя, и все кругомъ было одной великой тайной, которой не зналъ никто.

А в е л ь. И потомъ я осторожно поднялъ тебя и отнесъ тебя туда, внутрь, на зеленый коверъ, такъ свѣтъ струился отъ висячей лампы

на дерево сирени и на твое чарующее тѣло—на твою шею, на твою грудь—на твои глаза—твои руки—твои руки! (Они сидятъ тихонько, потомъ онъ улыбается наконецъ).

Юлія. Что?

Авель. Я читаю на твоей груди. Я люблю тебя, написалъ я.

Юлія. Написалъ ты? Чѣмъ написалъ ты?

Авель. Вѣткой сирени. (Они сидятъ, щека къ щекѣ, не говоря).

Юлія (тихонько). Если бы я была красива.

Авель (тихо). Ты!

Юлія. Потому что я такъ люблю тебя. (Еще болѣе пониженнымъ голосомъ). Ты долженъ уходить. Ты долженъ уходить. О, какой ты сильный. Никогда я не знала, что мужчина можетъ быть красивъ. Ты долженъ уходить. Когда ты уходишь, я точно должна умереть. Ночь и мѣсяцъ и ты, только это можетъ заставить растаять все то, что солнце и день заморозили. Я люблю тебя. Ты долженъ уходить.

Авель. Прощай. Дай мнѣ улыбку, чтобы я могъ ее спрятать, пока я не получу опять тебя самое. Вотъ ты улыбаешься. Но тамъ внутри ты серьезна. Ты снимаешь съ себя улыбку, какъ снимаешь твое мягкое платье. Когда ты сидишь

тамъ въ одномъ углу нашей широкой кровати, я смотрю на твои маленькія голубыя жилки.—

Юлія. Авель!

Авель. Когда ты сидишь серьезная и краснѣешь, какъ блѣдная роза, какъ тихій свадебный факель.

И твое цѣломудріе дѣлаетъ меня сладострастнымъ.

И ты цѣломудренна, потому что ты не будешь отречься, что ты чувствуешь радость.

Если бы ты отрекалась отъ этого, я могъ бы это видѣть въ твоихъ глазахъ, озаренныхъ тысячью вспышекъ.

Ты не отрекаешься.

Юлія (прячетъ свое лицо на груди у Авеля). Авель!

Авель. Но согласись. (Гладитъ ея волосы). Твои длинные, черные волосы!

Юлія. Авель!

Авель. Развѣ неправда?

Юлія (тихонько). Да.

Авель. Ты хочешь!

Юлія. Авель!

Авель (хочетъ увидѣть ея лицо). Развѣ нѣтъ. Скажи. Скажи. Ты хочешь! Скажи!

Юлія (встаетъ). Ну, ты долженъ идти. (Они улыбаются и смотрятъ другъ на друга).

Юлія. Ты можешь писать вѣткой сирени?

Авель. Я обмакнулъ ее въ ротъ. Это могло.

Юлія. Нѣтъ, Авель? (Они смѣются). Зелеными буквами? Это некрасиво?

Авель. Очень красиво!

Юлія (вздрагиваетъ). Кто-то идетъ. Это онъ. (Показываетъ на балконъ). Спрячься туда, но не спускайся внизъ. Потому что слишкомъ свѣтло.

Авель (уходитъ на балконъ).

Рэссманъ (входитъ торопливо, такъ быстро, какъ только позволяетъ его возрастъ. Снимаетъ съ себя большой красный платокъ, которымъ нѣсколько разъ была обмотана его шея). Здравствуй, голубочекъ. Ты такъ смотришь на меня. Ты долго ждала?—Точно! Почему ты отворачиваешься отъ меня? Ты замѣчаешь мой пустой зубъ. Онъ болѣлъ все время на вахтѣ. (Щупаетъ зубъ). И другой стучалъ всю ночь, такъ было холодно.—Корабль изъ Сициліи! Чудная пошлина для государства!—Быль здѣсь каменщикъ, чтобы поправить балконъ?

Юлія. Нѣтъ, онъ не былъ здѣсь.

Рэссманъ. Ты видѣла тамъ трещину?

Юлія. Да.

Рэссманъ. Дивлюсь, не прошла ли она отъ перилъ до самаго пола. Хрупкая вещь.

Юлія. Нѣтъ. Этого нѣтъ. Я тамъ была се
годня.

Рэссманъ. Ты начинаешь интересоваться
нашимъ домомъ. Ха, ха.—Если бы мы могли про-
дать домъ, можно было бы его не ремонтировать.
(Подходить къ канарейкамъ и дразнить ихъ).
Ха, ха! какъ онѣ боятся. Онѣ только предста-
вляютъ, что онѣ боятся.—точь въ точь какъ
женщины, когда въ комнатѣ мышь. (Подходить
къ попугаю, дразнить его, просовываетъ ему
палецъ, ударяетъ его по клюву, строитъ ему
гримасы, — чудовищный спектакль). Ха, ха, ха!
Злой дьяволъ! Ха, ха, ха! (Съ выкрикомъ). Да!
Онъ похожъ на мою мать. Ха, ха!—Когда она
сдѣлалась старой. Гордая дама.—Какъ ты, ста-
рикъ, какъ ты, какъ ты.—Бэ, не поपालъ—бэ—
а я поपालъ, ха, ха.— Она со мной обращалась,
какъ съ груднымъ ребенкомъ до самыхъ тѣхъ
поръ, какъ я сталъ такъ старъ, что у меня нѣтъ
зубовъ и я сталъ безвреденъ для каждой груди.—
А, такъ ты не хочешь сахару.— На вотъ! На вотъ!
Что, получилъ? Бэ—ха, ха, ха.—Два года какъ
она умерла, а не больше какъ три года тому
назадъ выслала она меня вонъ изъ комнаты, по-
тому что напротивъ я ей сказалъ. Я имѣлъ по-
чтеніе, видишь ли. (Дразнить птицъ въ обѣихъ
клѣткахъ сразу и заливается хохотомъ. Потомъ
это ему надоѣдаетъ и онъ говоритъ серьезно).

Такъ вотъ что. Ну, я хочу спать. Скажи мнѣ, если каменщикъ придетъ, а докторъ можетъ подождать. (Внезапно хватаетъ со стола кусокъ бумаги и поспѣшно идетъ къ выходной двери; въ дверяхъ онъ встрѣчаетъ доктора). Нѣтъ, не стоитъ заставлятъ доктора ждать.—Денегъ стоить.

Докторъ (улыбается и потираетъ руки). Вѣдь вы же сами назначаете вознагражденіе.

Рэссманъ (сердито). Вознагражденіе не будетъ больше. Но чувство обязанности заплатить большее вознагражденіе—будетъ больше.

Докторъ (смѣется благосклонно). Ха, ха.— «Будетъ больше». Ну, какъ вы сегодня?

Рэссманъ. Скверно мы сегодня. Вотъ доктора должны были ждать вмѣсто того, чтобы пойти и спать себѣ.— «А фруэ?» Съ ней очень хорошо. Мои бѣлые волосы и мои жидкія ноги громко свидѣтельствуютъ о томъ (топаетъ ногой) ай—что ей ни въ чемъ нѣтъ недостатка. — — — Притомъ никакихъ родовъ нѣтъ! Притомъ никакого экстреннаго вознагражденія! — — — Языкъ? Прошу покорно. — И пульсъ? Прошу покорно. Если вы желаете лицезрѣть ббольшіе раритеты, тогда будетъ лучше намъ пойти въ сосѣдную комнату. Не кривляйтесь передъ фруэ! Идемъ. Что я, ждать буду? Юлія — ты забыла погасить ночную лампу. (Уходитъ въ спальню).

Докторъ (улыбается дружески и покровительственно, идетъ за Рэссманомъ въ спальню).

Юлія (торопливо бѣжитъ къ балкону). Иди!

Авель (входитъ въ комнату и они идутъ къ выходной двери). Я никогда не зналъ, какой онъ. Я дрожу отъ гнѣва.

Юлія (съ силой). Да, можешь!

Авель. Тс! Тс!

Юлія. Подумай, если бъ онъ тебя увидалъ.

Авель. А ты не боишься?

Юлія. Нѣтъ!

Авель. Иди же впередъ.

Юдія (громко смѣется).

Авель. Тсс.

Рэссманъ (сперва просовываетъ въ комнату свою голову, затѣмъ входитъ).

(Длинная пауза, Рэссманъ смотритъ сперва на Юлію, потомъ на Авеля).

(Авель ничего не говоритъ, такъ какъ Юлія не хочетъ говорить).

(Рэссманъ начинаетъ медленно идти къ Авелю. Наконецъ Юлія говоритъ).

Юлія. Вотъ молодой господинъ, который хочетъ посмотрѣть домъ. Господинъ Авель—мой мужъ.

Рэссманъ. Такъ рано.

Авель. Да.—Я всегда дѣлаю утреннюю прогулку—по утрамъ. И когда я шель мимо, я

вспомнилъ, что я слышалъ, что домъ продается.

Рэссманъ. Вы думали, что мы такъ рано встаемъ?

Юлія. Господинъ Авель видѣлъ, какъ ты вернулся домой.

Рэссманъ (быстро устремляется къ Юліи). Ты смѣялась.

Юлія. Я смѣялась?

Рэссманъ. Ты смѣялась такъ громко.

Юлія. Я смѣялась такъ громко?

Рэссманъ (оборачивается назадъ къ Авелю). Отъ 10-ти до 12-ти.

Авель. Да, теперь еще не время.

Рэссманъ. Отъ 10-ти до 12-ти можно видѣть помещеніе.

Авель. Я хочу видѣть его теперь.—Я думалъ купить домъ—и вы вѣдь дома.

Рэссманъ. Вы говорите какъ дѣловой человѣкъ. Вы правы. Какъ вамъ угодно, господинъ Авель. Я отпущу моего доктора. Докторъ! Докторъ! Подите сюда.

Докторъ (входитъ).

Рэссманъ. Вы можете уходить.

Докторъ (улыбается понимающе, къ другимъ).

Рэссманъ. О, далеко отъ этого! Онъ чув-

ствуешь себя уязвленнымъ, но онъ дѣлаетъ это ради денегъ. Я хороший паціэнтъ.

Докторъ. О—

Рэссманъ. Развѣ нѣтъ?

Докторъ (пожимаетъ плечами и улыбается покровительственно).

Рэссманъ. Только изъ-за денегъ. Точь въ точь какъ я по отношенію къ господину Авелю. Нужно вамъ сказать, г. докторъ, вотъ приходитъ этотъ чужой человѣкъ, и приказываетъ мнѣ — приказываетъ хи, хи — показать ему мой домъ, хотя время для осмотра отъ 10-ти до 12-ти, и я имѣлъ сильнѣйшее желаніе пойти—ну! Но я дѣлаю это. Кланяюсь и говорю: прошу покорно.— Только ради денегъ. Люди проходятъ, деньги не бродятъ. Мы всѣ играемъ комедію другъ передъ другомъ. Мы всѣ какъ актеры. Имъ тоже можно приказывать, что должно быть, если только имъ что-нибудь приказываешь, или они прямо издѣваются и неблагодарны. Вы этого, господа, не знаете. Вы никогда не бывали съ актерами, докторъ, и не веселились, не пили, не остроумничали, не говорили о роляхъ, не врали враки и не хвастали всякій вздоръ?—Не такъ ли?—У васъ тогда, знаете ли, такія манеры, полагаю я, и завитые кромѣ того волосы.—Ахти—неблагодаренъ какъ актеръ—такая должна была бы поговорка быть, сказалъ одинъ мой другъ,

оторый притомъ поэтъ. Собственно не другъ онъ мой, а (взглядываетъ на Авеля) да, онъ денегъ у меня занялъ. Ну, вамъ скоро нужно уходить, докторъ, а то вѣдь чужой господинъ не можетъ осматривать домъ.—Прощайте.—Вы забыли меня спросить сегодня о моемъ стулѣ.

Докторъ (улыбается понимающе и покровительственно, прощается и уходитъ).

Авель (выказываетъ знаки нетерпѣнія).

Юлія (улыбается равнодушно).

Рэссманъ (посмотрѣвъ на Юлію и Авеля). Ну такъ домъ. Теперь я къ вашимъ услугамъ.

Авель. Да ужъ и время. Это конечно не очень пріятно для вашей молодой фруэ.—

Рэссманъ. Моя молодая фруэ — скажите! (Кричитъ). Докторъ! Докторъ!

Докторъ (опять входитъ).

Рэссманъ. Почему вы не спросили меня сегодня о моемъ стулѣ? Забыли вашу обѣдню?

Докторъ (улыбается понимающе и покровительственно). Господи Боже мой, г. Рэссманъ! Господи Боже мой, г. Рэссманъ.

Рэссманъ. И что это за смѣшное слово? Это только потому что я паціэнтъ? Потому что я въ когтяхъ у человѣка отъ медицины, вы потому употребляете это слово? Что я, долженъ платить экстренное вознагражденіе за стулъ? Можетъ мѣщанская вещь облагородиться? Ф о н ъ

Стуль, быть можетъ? Если бъ вы спросили мою молодую фруэ, болѣлъ ли у нея животъ, или молодого чужого господина, наврядъ ли бы они сказали стуль, потому что имя-то вѣдь ничему не поможетъ, ежели вещь сама имѣетъ свои затрудненія.

Докторъ. Господи Боже мой, г. Рассманъ.—(Смотритъ на свои часы). У меня вѣдь также есть другіе паціэнты.

Рэссманъ. Наврядъ! — Прощайте, г. докторъ, вы насъ задерживаете. (Докторъ уходитъ). Скотина! Я знаю, что это самый дрянной докторъ въ городѣ.—Но дешево! И онъ же докторъ. И, какъ слѣдствіе этого, онъ для меня утѣшеніе. Подумать—я знаю это, и все-таки! А, глупы мы! Глупцы мы! Но цѣпляешься за жизнь, хоть горбомъ.—Вы, быть можетъ, предпочитаете, чтобы моя молодая фруэ вамъ показала помѣщеніе?

А вель. Да, если бы фруэ была такъ добра.

Рэссманъ. Я, видите ли, усталъ. Я всю ночь на ногахъ. Она должна лежать одна, бѣдняжка. (Онъ смотритъ на Юлію). Быть можетъ, оно и лучше.

Юлія. Прикажешь?

Рэссманъ. Прикажешь? Почему прикажешь? Тутъ чужой.

Юлія (спокойнѣ). Я разумѣю, если ты хочешь.

Рэссманъ. Чую христіанскую кровь. Ха, ха.

Авель. Быть можетъ, мое присутствіе не-приятно для фруэ? Фруэ смотритъ такъ серьезно.

Рэссманъ. Серьезнѣе, чѣмъ обыкновенно?
Авель. Да!

* Рэссманъ. У васъ былъ случай обратиться на нее вниманіе?

Юлія. Я иногда сижу и пристально смотрю изъ окна. Быть можетъ тогда г. Авель?—

Рэссманъ. Пристально смотришь? Такъ ты пристально смотришь? Это слово такое, съ двойнымъ смысломъ. Не только *смотреть*, но съ маленькой сердечной комнаткой внутри *смотрѣть* (Съ силой). Но ты *моя*— (Обычнымъ тономъ). Ты моя молодая жена.—(Вполголоса къ Авелю). Все же лучше, конечно, чтобы я вамъ показалъ комнаты. Она не можетъ такъ хорошо вамъ показать всѣ мѣста для крайней надобности, нужно вѣдь принять вниманіе, что она молодая фруэ. Вы меня понимаете?

Юлія. (Садится на низкую софу посрединѣ комнаты, гдѣ она только что сидѣла вмѣстѣ съ Авелемъ).

Рэссманъ. Вотъ здѣсь у насъ прихожая. Свѣтлая и большая.—(Онъ открываетъ дверь). Да, вы ее видѣли, когда пришли. А здѣсь вотъ

тоже комната. Зимой тепло, а лѣтомъ холодно, точь въ точь, какъ надобно. Тутъ есть мѣсто и поплакать и посмѣяться—хи, хи.—Благородная архитектура! Лучше всего ее видно, когда мѣсяць свѣтитъ изъ большихъ оконъ. Моя молодая фруэ охотно сидитъ здѣсь, когда я по вечерамъ долженъ идти на вахту. Но прежде чѣмъ я уйду, можетъ случиться, что мы вмѣстѣ стоимъ въ лунномъ свѣтѣ. Лунный свѣтъ къ ней идетъ.

Юлія. Г. Авель это знаетъ.—

Рэссманъ. Онъ знаетъ это?

Авель. Да, я могу это понять.

Рэссманъ. А здѣсь дверь въ Святая Святыхъ. (Авель и Юлія обмѣниваются быстрой улыбкой).

Рэссманъ. Можно позволить чужому господину заглянуть туда, Юлія?

Юлія. Нѣтъ.

Рэссманъ. Да! — Прошу покорно, загляните. Что—дѣвическая? Наполовину дѣвическая—ахъ, да. Когда зажжена лампа съ луннымъ свѣтомъ—о! Вы бы скоро почувствовали себя здѣсь дома. (Быстро захлопываетъ дверь). Такъ теперь закроемъ. (Приближается и садится рядомъ съ Юліей; тишина). Быть можетъ, вы не желаете,

чтобы я погрѣлъ мѣсто около нея? (Онъ смотритъ на нихъ — они напряженно смотрятъ на него). Да — что я хотѣлъ этимъ сказать? Ха, ха. Оно какъ будто такъ здѣсь въ мѣрѣ происходитъ. Старый почтенный человѣкъ, молодая красивая жена, молодой человѣкъ, который — осматриваетъ помещеніе и наипредпочтительно хотѣлъ бы уплатить хозяйкѣ за наемъ помещенія натурой. Ха, ха. Смѣйся и ты, Юлія! (Всѣ смѣются; затѣмъ небольшая пауза). И однако, наврядъ ли разница будетъ такъ велика на доброй вахтѣ, что ютится подъ небомъ. Развѣ я тоже не горжусь тѣмъ, что я жалкій червякъ, потому что великое тогда чувствуется такъ торжественно великимъ. Или я, старый, болѣе беспомощно смѣшонъ, чѣмъ вы, молодые, когда на это смотрите изъ великаго угла смѣха? Или загадочное загадочно и для меня — потому какъ я неблагородень. А конечно я неблагородень. Такъ вѣдь, Юлія? И я не красивъ. И возрастъ такъ выкрутилъ всѣ мои члены, что я могу смотрѣть только назадъ. И счастья я здѣсь въ мѣрѣ не составилъ. И другихъ я не сдѣлалъ счастливыми. И это должно быть наивеличайшимъ счастьемъ. Ха, ха. (Съ бѣшенствомъ сжимаетъ кулаки и грозитъ небу). Но я его потребую къ отвѣту въ день Суда. (Немного спустя). Многие думаютъ, что я уютень, потому что я

такъ много говорю, и что я хуже, когда я молчу. Цыцъ, старый. (Дѣлаетъ нѣсколько шаговъ). А тутъ вотъ балконъ! Всегда—великолѣпіе для дома. Особенно для дамъ, которыя въ немъ живутъ.—Ты теперь „пристально смотришь“, Юлія? —Каждая дама желаетъ однажды въ своей жизни имѣть свой балконъ! Вы этого не знаете? Ежели только человѣкъ проходитъ этой порой, онъ сейчасъ открываютъ и говорятъ: мой герой, мой герой, ежели у него такъ дрожатъ колѣна, что онъ не годенъ ни для героя, ни для чего другого.

А вель. Сколько стоитъ домъ?

Рэссманъ. Сто тысячъ. Нельзя сказать, что это дорого. Домъ стоитъ особнякомъ и выходитъ прямо на рѣку. Можно прямо скакать въ воду, если хочешь. И что есть деньги! Ржавчина и моль. Не съѣдаетъ впрочемъ никогда ни золота, ни серебра. Ха, ха, ха! Я самъ немного приобрѣтаю на продажѣ, потому что я честенъ. Я всегда держался въ загородкѣ десяти заповѣдей. Хорошо это—чувствовать надъ собой таблицы закона. А то особливья наклонности одѣльнаго человѣка выростутъ прямо до неба. Подумайте-ка! *Мои* особливья наклонности! Господи Боже! Не хотите ли выйти туда и посмотреть на видъ?

Юлія. Тамъ есть трещина.

Рэссманъ. Это ничего не значить. (Смот-

рять на нее). Есть о чемъ тутъ говорить. Это вполнѣ подходитъ къ античному характеру балкона. (Выходитъ туда). Смотрите, я могу прыгать на немъ. (Съ сильнымъ шумомъ балконъ обрывается). Слышно какъ онъ кричитъ): Юлія! Юлія!

А вель (спѣшитъ и смотритъ ему во слѣдъ).

Юлія (тихо стоитъ на мѣстѣ).

А вель (немного спустя возвращается). Раз-
можиль голову.

Юлія (становится на колѣни, поднимаетъ руки къ небу). Благодарю!

А вель (взглядываетъ на нее,—спѣшитъ къ ней, становится на колѣни рядомъ съ нею).
Да—Юлія!

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

Прошелъ годъ.

Та же самая комната, что и тогда. Но въ ней уютнѣе, она больше обитаема.

Юлія (сидитъ у окна въ большомъ старомъ креслѣ, обтянутомъ кожей).

Авель (ходитъ взадъ и впередъ по комнатѣ).

Старый слуга (входитъ съ ручнымъ чемоданомъ. Онъ ступаетъ тихо и какъ привычный къ дому. Авель показываетъ рукой, гдѣ поставить чемоданъ. Затѣмъ слуга уходитъ).

Авель. Да, но ты молода. Я вижу, какъ кровь живо переливается въ тебѣ, — а ты хочешь заставить меня повѣрить, что она въ спокойствіи, — ты хочешь, чтобы я думалъ, что ты устала и грѣешься полуденнымъ солнцемъ. Когда я сижу здѣсь по утрамъ и жду, и ты такъ выходишь изъ твоей комнаты, словно запахъ свѣжаго сѣна струится сюда. Если бы я этого самъ не зналъ, ты думаешь, что я слѣпой? Ты думаешь, что я не вижу, какъ ты зажигаешь ихъ

глаза, когда тыходишьтуда, гдѣ много мужчинъ? Ты идешь какъ по аллеѣ малыхъ свѣтовъ, сіяющіе и внезапные и искрящіеся, и глубокіе, и блуждающіе и отдѣльно-тихіе они не слѣдуютъ за тобой, но стоятъ и остаются.

Юлія. Но, Авель, Авель! Ты говоришь мнѣ такъ хорошо и такъ красиво.

Авель. Не благодари меня, что я дѣлаю это, прошу тебя. Ты должна играть въ свѣтъ,—твоя молодость, твоя красота, твоя устремленная походка, твой голосъ, твоя улыбка — требуютъ свѣта. Куда бы иначе дѣлись лучи? Они входятъ внутрь, они поглощаютъ тебя, они горятъ изъ тебя. Я хочу мучить тебя. (Улыбаясь). Ты не сердишься? Ты не сердишься, что ты поѣдешь со мною, чтобъ улучшать людей? Быть можетъ тебѣ хотѣлось бы скорѣе пойти на сегодняшній праздникъ Антоніо?

Юлія (улыбается). Нѣтъ.

Авель. Праздникъ его побѣды.

Юлія. Я ненавижу Антоніо.

Авель. Ненавидишь?

Юлія. Онъ мнѣ неприятенъ. — Мнѣ больше хочется быть здѣсь дома съ тобой, чѣмъ идти одной и чувствовать себя злой.

Авель (гладитъ ее). Одной! Но гдѣ мнѣ взять времени. Каждый Божій день я работаю

для другихъ, — а воскресенье я долженъ имѣть для себя самого, чтобы собраться, чтобы строить у себя въ душѣ и чтобы разрушать у себя въ душѣ, и послѣднее не меньше, можешь повѣрить. Но ты! Ты вѣдь иначе, чѣмъ я. Моя работа не лежитъ у тебя на сердцѣ такъ, какъ у меня.

Юлія. Нѣтъ, такъ.

Авель. Ты даже часто не знаешь, что это такое, что ты для меня переписала. Ха, ха. Но моя работа, мои мысли, конечно, не есть что-нибудь новое для тебя, вѣдь я же это вмѣстѣ продумалъ съ тобою.

Юлія. Со мной?

Авель. Ты этого не знаешь? Ты даже не слушаешь меня, когда я хожу здѣсь и кую мои слова и выпрямляю мои мысли.

Юлія. Нѣтъ, я слушаю. И мнѣ кажется, что ты очарователенъ.

Авель. Я очарователенъ, когда я думаю?

Юлія. Мое сердце бьется каждый разъ, когда ты выступаешь передъ толпой. И по всему собранію проходитъ улыбка, потому что ты такъ хорошъ, и потому что они чувствуютъ, какъ рѣчь твоя брызжетъ изъ самаго сердца.

Авель. Да, нѣчто конечно остается.—Но ты должна танцовать.

Юлія. Танцовать?

Авель. И одѣваться въ твои цвѣта, чтобы радовать глазъ. Ты должна смѣяться.—Ты должна ѣздить верхомъ.—Шампанское должно быть твоимъ напиткомъ. Ты должна приводить чувства въ движеніе. Ты должна слушать красивыя слова. Міръ такъ красивъ! И вѣдь это же твоя природа—слѣдуй ей! Я это дѣлаю. Я дѣлаю то, къ чему у меня есть желаніе. Ты тоже должна радоваться на свою свободу и опираться на нее. Юлія! Мы устроимъ большой праздникъ и пригласимъ на него всѣхъ нашихъ знакомыхъ, и господина Антоніо также.

Юлія. Только не господина Антоніо.

Авель. Потому что онъ сказалъ, что онъ тебя любитъ?

Юлія. Да.

Авель. Именно поэтому! Прими борьбу! Я не думаю, что есть что-нибудь между небомъ и землей, на чемъ онъ и я—мы встрѣтимся. Но развѣ я не могу поэтому удивляться, не могу радоваться его силѣ, его способностямъ властнаго человѣка, его генію вождя, его чувству личности. И никогда онъ не забывалъ свою старую мать и своихъ больныхъ сестеръ.

Юлія. Я говорила съ нимъ пять разъ, и каждый разъ онъ подходилъ ко мнѣ вплотъ и шепталъ: Я люблю васъ.

Авель. Да, развѣ это не рѣдкость въ наше время.—Никогда ни слова болѣе?

Юлія. Я ему запретила говорить со мной.

Авель. Онъ, понятно, не послушался?

Юлія. Цѣлый годъ онъ не говорилъ со мной.

Авель. Но это вѣдь можно дѣлать тысячью способовъ: взглядомъ, письмомъ, привѣтствіемъ. Вспомни о насъ самихъ!

Юлія. Я помню о насъ самихъ.

Авель. Не нужно чувствовать себя какъ бы рабомъ того, что возможнымъ образомъ—когда-нибудь въ будущемъ могло бы случиться.

Юлія. Но вѣдь въ этомъ люди согласны, что они могутъ сдѣлаться чѣмъ-нибудь другъ для друга.

Авель. Но я не хочу, чтобы пришелъ день, когда ты сказала бы мнѣ: есть что-то, что умерло во мнѣ. Почему ты проклялъ меня?—Ты спишь?

Юлія (улыбаясь). Нѣтъ, я грежу о томъ, какъ я счастлива въ этомъ.

Авель. Гресишь?

Юлія. Вѣдь мы же счастливы.

Авель. Когда кто-нибудь говоритъ, что съ нимъ счастье, тогда съ нимъ его нѣтъ—милая! (Держитъ ея руку).

Юлія. Мнѣ кажется, я спускаюсь внизъ, когда я отхожу отъ тебя. Потому что все ка-

жется мнѣ такимъ ничтожнымъ сравнительно съ твоими мыслями. Я не хочу смѣяться, когда твой лобъ серьезенъ. Я не хочу шумѣть, когда ты говоришь мягко и тихо. Я не хочу быть въ пляскѣ, когда въ глазахъ твоихъ пылаетъ огонь, говорящей о томъ, чтобы поднять людей. Тонкая паутина, что между нами, не есть что-нибудь, что связываетъ. Это лишь воздухъ нашего счастья, который я должна вдыхать, потому что внѣ его я дышать не могу.

Авель (беретъ ее за руку). Юлія, Юлія. Помнишь ли ты въ старые дни утро на балконѣ?

Юлія. Я помню.

Авель. Да. Это было красиво! И развѣ же я не ушелъ теперь дальше, насколько дальше!— Я разумью мои мысли.

Юлія (повертывается и внимательно смотритъ на него, на что онъ не обращаетъ особеннаго вниманія).

Авель. О, Юлія. Какъ люди слѣпы, когда они думаютъ, что ушедшія времена были болѣе велики. Это, это вотъ есть Возрожденіе — потому что когда, когда чувствовали себя люди такими великими, и когда они чувствовали себя такими маленькими, какъ въ наше прекрасное время. Когда было подобное разстояніе между людьми, потому что каждая душа хочетъ имѣть

мѣсто. *Nihil a me alienum puto*. Мнѣ не чуждо ничто. Я глубоко сердечно признателенъ за то, что я живу въ это время. Больше нѣтъ границъ. Мы приближаемся къ великимъ тайнамъ. Но мы не должны никогда отдыхать, никогда не должны останавливаться. Отдыхъ это болѣзнь. Остановка—смерть для каждаго отдѣльнаго человѣка. Развѣ неправда? Ты понимаешь?

Юлія. Но любовь?

Авель (съ жаромъ). Любовь въ одной рукѣ—все другое—въ другой—выбирай! Да! Потому что любовь останавливаетъ людей. Она не входитъ въ культуру. Это единственная природная сила, которая не даетъ себя культивировать. Человѣчество съ сердцемъ, но безъ любви и всего существа ея—къ этой цѣли идетъ ходъ духа здѣсь на землѣ,—и тутъ нужно вооружиться во всѣ свои доспѣхи.—Ибо если побѣдитъ любовь, человѣкъ будетъ безумный, глупый, слѣпой, несправедливый. Тьмѣ надлежитъ она. Она воруетъ разумъ, характеръ, волю.

Юлія (улыбаясь). А я?

Авель (улыбаясь). Тс! Это должно во всякомъ случаѣ оставаться тайнымъ, мы этого не разоблачимъ. Помнишь, Юлія?

Юлія. Да, я помню.

Авель. И ты есть главное возраженіе про-

тивъ всѣхъ моихъ теорій. Я не представляю, какъ я могъ бы быть безъ тебя.

Юлія (встала. Они стоятъ и смотрятъ другъ на друга и улыбаются. Потомъ они протягиваютъ другъ другу руку).

Авель. Вѣдь это-же не моя вина—ты не сердишься на мои теоріи?

Юлія. Нѣтъ. Но я удивляюсь на тебя, потому что обо всемъ-то тебѣ нужно заботиться.

Авель. Я думаю, это происходитъ отъ того, что я не испытываю страстнаго желанія быть какъ другіе, и, не стремлюсь къ тому, чтобы другіе были какъ я. Смотри, вотъ я теперь хожу и раздумываю и воображаю себѣ, что это высшая жизненная мудрость, высшая цѣль счастья, котораго мы можемъ достигъ.

Юлія. Помочь тебѣ уложиться?

Авель. Благодарю.

Юлія (шутя). Тебѣ вѣдь не только бумаги и книги нужно взять съ собою.

Авель. Нѣтъ, не бойся. Я возьму также съ собой мое лучшее платье!—(Дѣлаетъ къ ней движеніе). Я вернусь домой сейчасъ, и мы тотчасъ же поѣдемъ къ ночному поѣзду—(цѣлуетъ ее въ лобъ). Милая птичка моя. Вылети изъ сѣти, и ты увидишь, что у тебя есть крылья.

Юлія. Здѣсь такъ хорошо.

Авель (уходитъ).

Юлія (опять садится въ большое кресло).

Слуга (входитъ. Она смотритъ на него.—Онъ ничего не говоритъ, но показываетъ ей, улыбаясь, что тутъ чемоданъ, что онъ хочетъ взять его и унести. Онъ уходитъ беззвучно).

Юлія (завертываетъ лампу, которая стоитъ передъ ней, такъ что становится темнѣе.—Вытягивается и закрываетъ глаза. Она долго сидитъ такъ. Далеко слышно віолончель. Звукъ вскорѣ умираетъ).

(Какой-то человекъ входитъ съ балкона. Онъ подходитъ такъ, что она ничего не замѣчаетъ. Наконецъ она слышитъ, оборачивается. Онъ стоитъ и смотритъ на нее).

Антоніо (тихо). Я люблю васъ.

Юлія (какъ бы не вполне проснувшись). Вы пришли съ балкона?

Антоніо. Да.

Юлія (внезапно встаетъ и переходитъ на другой конецъ комнаты). Что вы хотите?

Антоніо. Я люблю васъ.

Юлія. Какое мнѣ дѣло до этого?

Антоніо. Но мнѣ есть до этого дѣло. И мнѣ со мною приходится имѣть дѣло. Я люблю васъ. Вы сорвали меня съ земли. Я больше не ступаю твердо ногами. Я спотыкаюсь и ударяюсь о стѣны.—Я краснѣю и блѣднѣю много

разъ въ теченіе дня, какъ женщина, я, который думаетъ, что упорная твердость есть счастье.

Юлія (смѣется, вся захваченная хорошимъ настроеніемъ).

Антоніо (очень серьезно). Но съ этимъ нужно покончить.

Юлія (смѣется).

Антоніо (какъ прежде). Сегодня я назвалъ ваше имя въ Парламентъ—вслухъ. Они думали, что я сошелъ съ ума, и я думалъ это самъ одну секунду, въ то время какъ они (насмѣшливо), наиболѣе крупные изъ партіи, быстро посмотрѣли на меня.

Юлія (смѣется).

Антоніо. Но я разъяснилъ это.

Юлія (смѣясь). Какъ же вы это разъяснили?

Антоніо. Я сказалъ имъ что-то о Шекспировской Юліи.

Юлія (сперва смѣется, потомъ). Но ваше большое общество?

Антоніо. Да!

Юлія. И вы ушли?

Антоніо. Гости начали приходить одинъ за другимъ, и никто изъ нихъ не былъ вы—тогда я ушелъ. Тогда я ушелъ сюда.

Юлія. Но вѣдь вы же знали, что мы не придемъ.

Антоніо. Я это зналъ.

Юлія. Но гости?

Антоніо. Уѣдемте со мной сегодня вечеромъ!

Юлія. Уѣхать съ вами?

Антоніо. Съ ночнымъ поѣздомъ.

Юлія. Но гости?—Ваше положеніе, ваше вліяніе.—Побѣда, которую вы только что одержали, ваша репутація въ странѣ.—

Антоніо (устремляется къ ней; тихонько) Съ ночнымъ поѣздомъ. Черезъ два часа.

Юлія (отступаетъ). Вы грубы.

Антоніо. Если мое томленіе по вашему тѣлу грубо, тогда я грубъ, потому что я томлюсь. Если это грубо, что я боленъ въ душѣ днемъ и ночью, и всегда, потому что я люблю васъ, тогда я грубъ, потому что я люблю васъ.— (Вскрикиваетъ). Люблю васъ. Люблю. Люблю. Подите со мной, и мы будемъ жить далеко отсюда, такъ долго, какъ вы захотите, и будемъ пробуждаться каждое утро въ новомъ мѣстѣ. И мы возвратимся домой и увидимъ, что мощь возросла, что наши руки стали сильнѣе. Мы будемъ склонять шеи и ломать воли, и сметать мнѣнія, такъ что они пойдутъ по нашей тропинкѣ. Есть сказка и безъ принцевъ—живая сказка, это — хотѣть такъ много, что уже не нужно желать.

Юлія. Сказка—сказка!

Антоніо. Ваши глаза сказали да.

Юлія (закрываетъ глаза руками).

Антоніо (кричитъ). Видите! (Устремляется къ ней; совсѣмъ тихонько и кротко). Все можетъ забыться.

Юлія. Я счастлива.

Антоніо. Счастлива! Счастлива! Это противное слово. Вѣдь это же смерть, болѣзнь, страданіе, пошлость, трусость, беспорядокъ, убожество, несправедливость, бессмыслица. Какъ можно быть такъ счастливымъ? Счастливымъ! Но что мнѣ въ томъ, если люди когда-нибудь скажутъ: я помню съ моего дѣтства, что онъ приходилъ въ домъ моихъ родителей. Тогда это слишкомъ поздно. Теперь есть.

Юлія. Все не можетъ однако забыться.

Антоніо. Единственное, что остается, это печаль надъ тѣмъ, что все можетъ забыться. И эта печаль можетъ возникнуть и оттого, что торопишься.

Юлія (качаетъ головой). О, нѣтъ—о, нѣтъ!

Антоніо (съ силой). Вы видѣли другое?

Юлія. Но вы сами.—Вы, который были такъ добры, такъ нѣжны всю вашу жизнь по отношенію къ вашей матери, къ вашимъ сестрамъ—думаете вы, что вы могли бы забыть?

Антоніо. Я забылъ ихъ. Я думалъ о нихъ тогда, какъ имъ было худо. Теперь я сдѣлалъ

ихъ—счастливыми. Теперь онъ сидятъ себѣ тихонько съ дукатомъ въ рукѣ.

Юлія (со вспышкой). Я могла бы позабыть.—

Антоніо (прерываетъ). Да. Развѣ вы не забыли вашу мать, вашего отца, вашего ребенка?

Юлія. Юлія!

Антоніо. Какую роль играетъ Юлія для васъ теперь. Что можетъ маленькій ребенокъ, который умеръ нѣсколько лѣтъ тому назадъ, имѣть общаго съ вашей жизнью теперь?—Такія воспоминанія не больше какъ ароматы, которые расслабляютъ.

Юлія. Но если бѣ онъ умеръ—если бы Авель умеръ.

Антоніо. Тогда бы онъ былъ мертвъ. И вы чувствовали бы бѣольшую печаль, чѣмъ если бѣ умеръ я. Пусть онъ поэтому живетъ.

Юлія (громко). Какъ смѣете вы—вы, котораго я не люблю.

Антоніо (протяжно). Потому что теперь я не могу остановиться.

Юлія. Я не хочу.

Антоніо. Вы захотите.

Юлія (вскрикиваетъ). Я не хочу.

Антоніо (смотритъ на нее долго, потомъ говоритъ протяжно какъ бы къ самому себѣ). Такъ, быть можетъ, я ее уже больше не люблю?

Юлія (боязливо). Что?

Антоніо (вздыхаетъ тяжело, какъ будто онъ проснулся и говоритъ тихо). Для меня вы есть единственное. Безъ васъ я не живу.

Юлія. Мнѣ страшно.

Антоніо. Да. (Юлія хочетъ убѣжать. Онъ схватываетъ ее).

Юлія (вскрикиваетъ, въ смущеніи). Я счастлива. Счастлива. — Счастлива. — Да, я вижу ваши глаза. — Какъ смѣете вы — этотъ счастливый міръ — эта изящная тишина — вы этого не можете никогда съ вашими сильными руками, — которыя держать такъ крѣпко, такъ крѣпко. — Это словно бревнами ударяютъ въ голову — вы опрокидываете. — Развѣ я не жила годы въ счастья и счастливая. *Есть* что-то, что называютъ счастьемъ. Мужчина! Мужчина! Борода колетъ меня въ глаза. Но это не по моей волѣ — нѣтъ-нѣтъ.

Антоніо (который въ то время какъ она говорила, стоялъ тихо, и спокойно, крѣпко ее держалъ, цѣлуетъ ее теперь. Послѣ паузы, между тѣмъ какъ они пристально глядятъ другъ другу въ глаза).

Юлія (показываетъ и говоритъ тихонько). Вы пришли оттуда?

Антоніо. Да.

Юлія. Какъ? Почему вы пришли этой дорогой?

Антоніо. Потому что вы отдали вашему слугѣ приказаніе не впускать меня сюда.

Юлія. Но мой мужъ?

Антоніо. Онъ уѣхалъ. Я зналъ, что онъ долженъ былъ уѣхать.

Юлія (совсѣмъ тихо). Вы любите меня?

Антоніо (выпускаетъ ее на мгновеніе). Юлія! есть дѣянія такія великія и люди такіе сильные, что я плачу—но это слезы честолюбія. Юлія! Юлія! Я далеко досягнулъ, и они выкликаютъ мое имя и они склоняются. Но я хочу дальше—выше. И когда мысли находятъ на меня днемъ, тогда я прогоняю ихъ, пока не наступитъ ночь,—я боюсь, чтобы кто-нибудь ихъ не увидаль — — — а когда наступаетъ ночь, я боюсь оставаться съ ними одинъ, и я прячу ихъ, пока не придетъ свѣтъ. Юлія! Все могу я забыть, все могу я порвать. Все забываю, все порываю, потому что я люблю тебя.

Юлія. Но милый, милый—я такъ прошу.

Антоніо. И люблю тебя. Люблю такъ, что я забываю, что ты здѣсь въ комнатѣ. Люблю такъ, что я забываю, какъ ты чарующа, и не чувствую, какъ ты смотришь на меня—и не вижу, какъ зала велика и свѣтла—я, что стоялъ здѣсь въ темномъ. (Бросается на колѣни и цѣлуетъ ее руку).

Юлія. Онъ можетъ придти.

Антоніо. Теперь ужъ это ничего не значить. (Встаетъ. Авель входитъ).

Антоніо (все смотритъ на Юлію).

Юлія. Подумать, что ты долженъ былъ придти именно теперь. (Дѣлаетъ небольшую паузу и смотритъ на обоихъ). Все время раньше ты могъ бы придти, но именно теперь, когда господинъ Антоніо цѣлуетъ мою руку, ты показываешься. Ты, впрочемъ, не удивленъ.

Авель (любезно и дружески). Я не удивленъ тѣмъ, что господинъ Антоніо хочетъ поцѣловать руку моей красивой жены.

Юлія. И ты не спрашиваешь, почему господинъ Антоніо пришелъ?

Авель. Я думалъ, что господинъ Антоніо сегодня вечеромъ устраиваетъ свой большой праздникъ, на который онъ былъ такъ любезенъ пригласить насъ.

Антоніо. Да.

Авель. Вотъ это меня удивляетъ.

Антоніо. Праздникъ не состоялся.

Юлія. Но господинъ Антоніо говоритъ это такимъ тономъ, что можно понять, это случилось совсѣмъ противъ его воли.

Антоніо. У меня было очень важное дѣло въ Парламентѣ, и моя сестра захворала, и —

Юлія. Болѣе чѣмъ одна причина — возбуж-

даетъ подозрѣніе. Но тебя совсѣмъ не удивляетъ видѣть господина Антоніо въ нашемъ домѣ.

Авель. Это радуетъ меня.

Юлія. Я вчера потеряла въ театрѣ мои черные жемчуги—самое дорогое мое украшеніе, и я этого не сказала, потому что ты мнѣ ихъ далъ.—И господинъ Антоніо нашель жемчуги.

Антоніо. Да. (Съ жаромъ роеся въ карманѣ).

Юлія (улыбаясь). И принесь ихъ мнѣ. (Показываетъ на свою шею).

Антоніо. Да.

Авель. Это очень мило съ вашей стороны.

Юлія. Но только сегодня вечеромъ господинъ Антоніо попалъ на слѣдъ, кто владѣеть великолѣпными жемчугами. Ты такъ безпокоенъ.

Авель (улыбаясь). Я боюсь, что поѣздъ уйдетъ отъ насъ. (Къ Антоніо). Завтра я допуженъ произносить мою вторую большую рѣчь.

Антоніо (еще нѣсколько не въ духѣ). Я думалъ, что это было сегодня.

Юлія. Ты не благодаришь господина Антоніо за то, что онъ пришелъ сюда. — И что ты ему дашь въ награду за находку?

Авель (улыбаясь). Въ награду за находку? Не хочеть ли господинъ Антоніо выпить стаканъ шампанскаго, разъ ужъ съ праздникомъ ничего не вышло?

Юлія. Да. Ты говорилъ тутъ раньше, что я должна пить шампанское. — Хотите, господинъ Антоніо? Неправда ли?

Слуга (входитъ). Карета готова.

Авель (отдаетъ слугѣ приказаніе).

Слуга (тихо уходитъ). (Они садятся).

Авель. Мы служимъ нашимъ собратьямъ-людямъ разными способами, господинъ Антоніо.

Антоніо. Служимъ?

Авель. Ну да, служимъ—быть можетъ, это вздоръ. — Потому что въ сущности мы только сами развиваемся, наслаждаемся свободой, которая является нашимъ сокровеннѣйшимъ побужденіемъ, наслаждаемся тѣмъ, что живемъ въ наше прекрасное время. Въ насъ обоихъ есть что-то дѣятельное, что мы должны удовлетворять. (Съ улыбкой къ Антоніо). Если бы даже это въ то же самое время, служило нашимъ собратьямъ-людямъ на пользу.

Слуга (входитъ съ шампанскимъ).

Авель. Мнѣ дорого видѣть васъ, господинъ Антоніо — такого знаменитаго человѣка въ нашемъ домѣ. И меня еще болѣе радуешь видѣть радость, которую это доставило моей молодой женѣ. (Они пьютъ; вполголоса къ Юліи). Ты смотришь гордо и свободно и радостно, и ты говоришь такъ громко и весело!

Слуга (входитъ опять). Карета подана.

Авель. Принесите мою папку изъ моей спальни.

Слуга (уходитъ въ спальню Авеля).

Авель. Но ты не переодѣлась. И быть можетъ еще не уложились. — Да, такъ я могу поѣхать одинъ. И такъ послѣ завтра рано утромъ я вернусь домой. Прощай. Извините, господинъ Антоніо. Нѣтъ, сидите же. Жена моя будетъ рада. Выпей за мое здоровье, Юлія—потому что ты отъ меня получила жемчуга. Я все время настаивалъ на томъ, что сегодня вечеромъ ты наслаждалась бы обществомъ господина Антоніо, и я предложилъ шампанское какъ награду за находку. Прощай. (Онъ дружески прощается и идетъ въ сопровожденіи слуги. Они стоятъ нѣкоторое время. Антоніо смотритъ сперва на дверь, въ которую вышелъ Авель, потомъ онъ смотритъ на Юлію. Немного спустя говорить).

Антоніо. Что онъ думаетъ, что мы старики или дѣти? (Небольшая пауза).

Юлія (тихо, разсѣянно). Почему бы онъ долженъ былъ не довѣрять намъ?

Антоніо. Почему онъ долженъ былъ бы довѣрять намъ?

Юлія (смѣется внезапно и невольно).

Антоніо. Да! Развѣ я не мужчина?—Развѣ ты не красива—и не любишь меня?

Юлія (не смотря на Антоніо). Вы бы никогда не ушли отъ меня—и не оставили меня одну съ чужимъ.

Антоніо. Нѣтъ! (Идетъ къ ней).

Юлія. Да, вы мужчина!

Антоніо (обнимаетъ ее страстно). А онъ не?

Юлія (не отвѣчаетъ).

Антоніо (смѣется). А онъ не?

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

Темно.

На столѣ шампанское и фрукты и высокіе бокалы.

Авель тихонько входитъ въ комнату съ ручнымъ фонарикомъ.

Видно его дружеское серьезное лицо. Онъ смотритъ на столъ, киваетъ и улыбается. Онъ идетъ къ двери, ведущей къ Юліи, и мгновеніе слушаетъ. Потомъ, пересѣкая сцену, онъ идетъ къ своей собственной двери. Внезапно останавливается. Поднимаетъ фонарь надъ головой и осматривается въ комнатѣ. Нѣтъ, тутъ никого нѣтъ, хочетъ идти дальше, но идетъ однако опять къ двери, ведущей къ Юліи. Онъ наталкивается на стулъ. Стоитъ и слушаетъ, не произойдетъ ли что-нибудь, благодаря шуму, который сдѣлалъ стулъ. Внезапно устремляется впередъ, такъ же внезапно останавливается. Руки у него опускаются. Два-три раза онъ беспомощно качаетъ головой. Затѣмъ поспѣшно выходитъ на балконъ, близъ котораго онъ былъ.

Антоніо (входитъ немного спустя изъ-за двери въ глубинѣ сцены. Онъ полуодѣтъ. Въ рукѣ у него канделябра, и онъ быстро осматривается). Нѣтъ, ты ошиблась,—тутъ никого нѣтъ. (Входитъ опять внутрь).

Авель (лицо его было видно между портьерами балкона. Теперь онъ входитъ въ комнату, блѣдный и шатающійся. Такъ какъ онъ стоитъ передъ большимъ кресломъ спереди, онъ садится на него. Онъ ставитъ ночникъ на полъ передъ собою. Онъ сидитъ согнувшись. Онъ нѣсколько разъ безсильно ударяетъ себя по колѣну). О, нѣтъ же! О, нѣтъ же! О, нѣтъ же! (Дверь открывается).

Антоніо (входитъ въ комнату. Онъ поворачивается въ дверяхъ, продолжаетъ стоять и смотреть внутрь).

Юлія (изнутри). Что тамъ такое?

Антоніо. Нѣтъ, останься такъ и стой. Съ рукою высоко поднятой. Стой. Все ново въ тебѣ. Да, улыбнись! Всѣ другія это одинъ. Ты—тысяча.

Авель (слушаетъ и слушаетъ).

Антоніо (подходитъ къ столу, отставляетъ отъ себя канделябру. Полутемно. Онъ беретъ бутылку съ шампанскимъ).

Авель (думаетъ о чемъ-то, что ему внезапно пришло въ голову. Беззвучно открываетъ

ящикъ, который стоитъ на маленькомъ столѣ передъ нимъ. Вынимаетъ оттуда пистолетъ. Смотритъ, заряженъ ли онъ. Онъ поворачивается въ креслѣ, чтобы быть въ состояніи лучше вско-чить. Пауза).

Юлія (изнутри). Подумай, если бы это былъ онъ.

Антоніо (спокойно улыбаясь). Да.

Юлія. Но онъ не придетъ.

Антоніо. Нѣтъ!—(Немного спустя). Съ пистолетомъ въ рукѣ?

Юлія (выходитъ впередъ, въ дверяхъ). Выстрѣлъ первый.

Авель (судорога проходитъ по немъ. Онъ тихонько откладываетъ пистолетъ въ сторону).

Антоніо (страстно обнимаетъ Юлію). Любишь ты меня?

Юлія. Да, да, да, да, да!

Авель (улыбается. Дѣлаетъ видъ потомъ, какъ будто онъ спитъ. Дѣлаетъ видъ, какъ будто онъ видитъ сонъ. Внезапно встаетъ. Опять дѣлаетъ видъ, что онъ спитъ, правильно дышетъ, какъ спящій. Теперь на Антоніо и Юлію падаетъ свѣтъ отъ канделябры. На полу передъ Авелемъ свѣтитъ маленькій ручной фонарикъ).

Антоніо (садится у стола).

Юлія (садится къ нему на колѣни).

Антоніо (высоко поднимаетъ свой стаканъ. Она тоже. Они пьютъ. Въ теченіи долгаго времени они смотрятъ другъ на друга).

Антоніо. Какъ золотисто свѣтитъ твоя грудь. Она свѣтится, выдѣляясь изъ всей полутмы вокругъ насъ. (Внезапно). Ты словно женщина Рембрандта. (Цѣлуетъ ея грудь).

Юлія. Словно кто я?

Антоніо. Да здравствуютъ всѣ мгновенія нашей жизни! (Они пьютъ и смотрятъ другъ на друга).

Юлія. Возлюбленный! Есть принцъ во всѣхъ сказкахъ. (Протягиваетъ ему вѣтку сирени, которая у нея была на платьѣ). Напиши на моей груди, что ты любишь меня.

Антоніо. Чѣмъ?

Юлія. Вотъ этимъ.

Антоніо. Нѣтъ, этимъ я не могу писать.

Юлія. Да, ты можешь.

Антоніо. Нѣтъ.

Юлія. Ты не хочешь?

Антоніо. Нѣтъ.

Юлія (улыбаясь). Долженъ одинъ быть господиномъ?

Антоніо. Да, одинъ долженъ быть господиномъ.

Юлія. Ты серьезенъ, когда другіе улыбаются —и ты улыбаешься, когда другіе серьезны. (Улыбаясь). Быть можетъ, это оттого тебѣ такъ легко властвовать надъ людьми.

Антоніо (смѣясь). Въ тебѣ нѣтъ никакихъ окольныхъ путей. Ты спрашиваешь о томъ, что ты хочешь знать. (Цѣлуетъ ее). Все? Все?

Юлія. Да—все!

Антоніо. Все. Такъ что въ мозгѣ проходитъ тонкая дрожь.—Во всемъ твоёмъ тѣлѣ?

Юлія. Да, да. Вѣдь ты же мнѣ даешь свое.

Антоніо. Что говоришь ты?

Юлія (спокойно). Ты такъ крѣпко держишь меня за мое сердце, что никогда уже оно не будетъ спать.

Антоніо. А твои воспоминанія?

Юлія. Я спрятала ихъ, и не выну ихъ никогда. Пока ты такъ пристально глядишь—глядишь (цѣлуетъ его), глядишь какъ пантера въ мои глаза. (Пауза).

Авель (при послѣднихъ репликахъ, взявъ пистолетъ, мгновеніе держитъ его передъ своимъ лбомъ, качаетъ головой и улыбается. Онъ встаетъ совершенно спокойный. Въ рукѣ онъ держитъ пистолетъ).

Юлія (быстро встаетъ).

Антоніо (встаетъ неподвижный и пристально смотритъ на пистолетъ).

А в е л ь. Мы должны были съ экстреннымъ поѣздомъ вернуться домой. Дорогу размыло. (Они смотрятъ на него; затѣмъ онъ говоритъ). Ни съ кѣмъ не случилось несчастья.

Ю л і я. Что-же изъ всего этого?

А в е л ь. Я хочу сказать, что я не пришелъ выслѣживатьъ.

Ю л і я (съ бѣшенствомъ). Что изъ всего этого? (Показываетъ). Онъ и я!

А н т о н і о (который подошелъ къ Авелю, быстро схватывается за пистолетъ, но не можетъ его схватить).

А в е л ь. Что тамъ! (Улыбаясь откладываетъ его далеко отъ себя. Затѣмъ говоритъ громко и серьезно). Ни выстрѣлъ, ни кровь не помогутъ мнѣ, потому что я чувствую, что есть бѣльшая печаль. (Они смотрятъ другъ на друга. Наконецъ онъ прерываетъ молчаніе). Да, такъ я чувствую это. —И мнѣ кажется, что каждая чело-вѣческая душа словно островъ, и что каждый мостъ распадается, и что это радость воздѣлывать свой островъ. Буря и звѣзды и вѣчности заставляютъ меня думать, и я чувствую ими, но когда сходятся двѣ чело-вѣческія души, тогда одна должна ждать другую, и порою другая тоже должна ждать, и онѣ стоятъ и не идутъ далѣе. Но когда сходятся тѣла двухъ людей, это словно такъ, что

святыня заперта и ключъ брошень. Такъ кажется мнѣ. И согласно съ этимъ я поступаю. Зачѣмъ казался бы я иначе, чѣмъ я чувствую.

Юлія (смотря на него и внезапно смѣется).

Авель (кратко). Ты смѣешься?

Юлія. Да, я смѣюсь. (Смѣется еще сильнѣе).

Авель. Почему?

Юлія. И ты спрашиваешь почему? Ты, который можетъ только любить души всего міра. Но не женщину! Не меня!

Антоніо (съ силой и сурово). Юлія!

Юлія (съ быстротой молніи поворачивается къ Антоніо). Ты сострадаешь душамъ? Ты принимаешь его сторону? Ты переходишь—такъ иди. Иди, иди, иди!

Антонію (болѣе спокойно). Юлія.

Юлія. Иди, иди, иди.

Антоніо (съ любовью). Ты хочешь, чтобы я ушелъ?

Юлія (не отвѣчаетъ). (Антоніо и Юлія смотрятъ другъ на друга. Потомъ смотрятъ прочь другъ отъ друга).

Авель (говоритъ тихо и съ кроткой ироніей къ Антоніо). Одинъ долженъ быть господиномъ!

Авель (идетъ къ балкону, останавливается;

раздумываетъ, поворачивается къ Антонію). Такъ вы не съ балкона пришли?

Антонію. Да, съ балкона.

Авель (съ слабой улыбкой, какъ бы вспоминая). Вы это сдѣлали! (Онъ отдергиваетъ портьеру. Видно, что свѣтаетъ. Онъ быстро идетъ назадъ къ другимъ; съ силой). Помнишь ли ты то утро, когда мы стояли на колѣняхъ и благодарили, потому что мы достигли того, чего мы всѣмъ сердцемъ желали. Теперь вѣдь мы тоже достигли того, чего мы желали. Ты и онъ и я. (Немного спустя, такъ какъ никто не отвѣчаетъ). Но быть можетъ мы не чувствуемъ себя такими признательными, когда мы получили все, чего мы хотимъ.—(Порывъ вѣтра раскрываетъ балконную дверь. Солнце внезапно предстаетъ. Все сіяетъ въ свѣтахъ).

Авель (идетъ къ балкону, останавливается). Смотрите—солнце всходитъ. Я тихо пойду по его слѣдамъ. (Выходитъ на балконъ. Антонію и Юлія стоятъ слушая и пристально смотря на балконъ. Пауза).

Юлія (беретъ Антонію за руку, шепчетъ). А ты вытравилъ цивилизаціей любовь изъ своего тѣла?

Антонію (все еще пристально смотря во-

слѣдъ Авелю; не оборачиваясь, онъ схватываетъ ее за волосы, такъ что она невольно должна повернуть лицо кверху). Нѣтъ!

А в е л ь (быстро идетъ назадъ, къ выходной двери. Оборачивается. Говоритъ тихо). Что въ сравненіи съ этой скорбью, что я долженъ когда-то умереть. (Уходитъ).

А н т о н і о (садится подперевъ рукою щеку).

Ю л і я (смотритъ легко улыбаясь по направленію къ двери, смотритъ затѣмъ на Антоніо, шепчетъ наконецъ). Возлюбленный!

ГУННАРЪ ГЕЙБЕРГЪ.

ТРАГЕДІЯ ЛЮБВИ.

ЧЕТЫРЕ ДѢЙСТВІЯ.

Переводъ съ норвежскаго К. Д. Бальмонта.

ЛИЦА:

КАРЭНЪ.

ЭРЛИНГЪ КРУСЭ, лѣсничій.

ГАРТВИГЪ ГАДЭЛЬНЪ.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Комната съ горной усадьбѣ.

Окно въ задней стѣнѣ.

Направо отъ него дверь.

Подъ окномъ, вдѣланная въ полъ, скамья.

Горитъ огонь въ большой печи, которая находится спереди направо. Около печи дрова и приспособленія для колки дровъ. Дальше, сзади, на той же сторонѣ, кровать.

Столъ и стулья около печи.

Полка съ чашками, сковородами, и мѣдными котлами. Деревянные ложки въ поставцѣ.

Вѣтеръ и дождь снаружи. Вѣтеръ возростаетъ втеченіи дѣйствія.

Одна одинокая свѣча на столѣ.

Мрачный осенній вечеръ.

Небольшая береза за окномъ время отъ времени ударяетъ о раму.

Старая женщина проходитъ, уставляетъ предметы и приводитъ ихъ въ порядокъ.

Эрлингъ Крусэ, который началъ разбирать охотничью сумку, торопливо набрасываетъ на себя мокрый дождевой плащъ.

Эрлингъ. Я слышу, тамъ есть кто-то. (Быстро выходитъ).

Женщина. Это только береза о раму бьется. (Она втыкаетъ въ стѣну горящую лучину).

Эрлингъ. (Входитъ). Ну и погода.

Женщина. Да, такая погода, когда тролли на волѣ.

Эрлингъ. Черно на небѣ и черно на землѣ.

Женщина. Весь міръ нынче утромъ былъ окутанъ снѣгомъ.

Эрлингъ. И для лѣса это нехорошо.

Женщина. Ну, я все прибрала. Я буду на скотномъ дворѣ, ежели что понадобится.

Эрлингъ. Спасибо, Гру. Доброй ночи.

(Женщина уходитъ).

(Эрлингъ бросаетъ въ уголь свой дорожный плащъ. Раздумываетъ. Хорошенько развѣшиваетъ его, чтобъ высушить. Ставитъ на столъ бутылку рейнвейна и кое-что изъ сѣстнаго. Вдругъ складываетъ руки надъ головой).

Эрлингъ. (Съ сіяющей улыбкой). Ну—теперь она придетъ.

(Дверь открывается).

(Карэнъ, съ головы до ногъ закутанная въ большую шаль, входитъ въ комнату).

(Эрлингъ устремляется къ ней, съ порывомъ).

(Она нѣсколько уклоняется).

Карэнъ. Я озябла.

Эрлингъ. Мы разожемъ огонь. (Подкладываетъ дровъ въ печь).

(Карэнъ стоитъ посреди комнаты).

Эрлингъ. (Оборачивается къ ней, радостный). Я зналъ, что вы придете.

Карэнъ. Да?

Эрлингъ. Я чувствовалъ это.

Карэнъ. Какъ могли вы знать это?

Эрлингъ. Вы пришли.

Карэнъ. (Почти нѣсколько всплывъ). Да, но это не такъ, какъ вы понимаете. Я пришла, потому что вамъ радостно со мной. Не потому, что мнѣ радостно съ вами. Или быть можетъ это невозможно? Вамъ это не приходитъ въ голову.

Эрлингъ. Вы пришли.

Карэнъ. Мнѣ казалось, я должна была исполнить нашъ уговоръ. И выходило такъ, что я должна была придти черезъ годъ, въ день годовщины, — если не случилось-не-не случилось никакой перемѣны.

Эрлингъ. Если я вамъ такъ же желаненъ въ этотъ день, какъ годъ тому назадъ—таково было условіе. Вы очень-очень томились?

Карэнъ. Я томилась все меньше и меньше съ каждымъ днемъ, который уходилъ.

Эрлингъ. До того дня, какъ вы уѣхали.

Карэнъ (у которой вырывается это). Да, я уѣхала внезапно. (Помедливъ). Улыбаться тутъ нечему.

Эрлингъ. Я не улыбался. Я только смѣялся. Подойдите же и сядьте около печки.

Карэнъ. (Продолжаетъ стоять). О, эта прогулка по горамъ.

Эрлингъ. Сколько времени пришлось вамъ ѣхать отъ послѣдняго двора, что тамъ внизу въ округѣ?

Карэнъ. Который часъ теперь?

Эрлингъ. Девять.

Карэнъ. Значить, я ѣхала пять часовъ.

Эрлингъ. Пять часовъ на лошади, и въ такую погоду—но вы даже плачете.

Карэнъ. Мнѣ было такъ страшно тамъ въ горахъ. Было такъ холодно и темно. Въ прошломъ году погода была такая хорошая, и насъ было много.

Эрлингъ. Въ этомъ году погода плохая, и насъ только двое. На всемъ свѣтѣ только двое. (Хочетъ обнять ее за талию).

Карэнъ. (Тихо). Не дѣлайте этого. (Смотритъ на него). И вѣдь это же противъ уговора.

Эрлингъ. (Смѣясь). Да?

Карэнъ. Да, вы-то должны это знать, вѣдь вы сдержали уговоръ такъ хорошо.

Эрлингъ. Не написалъ ни слова за весь годъ, разумѣете вы?

Карэнъ. Да.

Эрлингъ. Вы сердитесь на это?

Карэнъ. Я вѣдь тоже не писала.

(Въ дверяхъ показывается наѣздникъ).

Эрлингъ. Я сейчасъ. (Къ Карэнъ). Я скажу ему, что онъ можетъ уѣзжать. (Уходитъ).

Карэнъ. (Дѣлаетъ шагъ вслѣдъ за нимъ, какъ бы желая помѣшать ему. Удерживается. Но безпокойна).

Эрлингъ (Возвращается). Нѣтъ, какъ свѣтло здѣсь. Вы зажгли огонь?

Карэнъ. (Улыбаясь). Нѣтъ. Я не могла. У меня пальцы окоченѣли.

Эрлингъ. Ну, вамъ больше нельзя зябнуть. (Снимаетъ съ нея шаль). Солнце выходитъ изъ тумана.

Карэнъ. (Садится у печки). Это не очень-то дѣло подходящее для молодой дамы изъ высшаго общества, отправиться одной къ чужому господину—среди ночи.

Эрлингъ. (Протягиваетъ ей стаканъ вина, который она пьетъ).

Карэнъ. Особенно когда живешь съ двумя своими сестрами и съ братомъ, королевскимъ уполномоченнымъ — да.

Эрлингъ. (Повторяеть). Да.

Карэнъ. И двумъ сестрамъ и королевскому уполномоченному нужно налгать съ три короба, чтобы имѣть возможность уѣхать со двора. На эти пустынные горы. (Внезапно смѣется). Но это въ сущности ужасно.

Эрлингъ. (Улыбаясь). Да.

Карэнъ. И въ особенности когда молодая дама, на двадцать пятомъ году, рѣшила провести у камелька остатокъ своей жизни — ибо тамъ она начала уже ощущать миръ и покой.

Эрлингъ. Послѣ бурной жизни.

Карэнъ. Нѣтъ, чтобы уйти отъ бурной жизни.

Эрлингъ. (Смѣясь и сердечно). Со мной?

Карэнъ. (Поворачиваясь къ нему). Это не такъ. Я васъ не боюсь. И я не боюсь спуститься внизъ, въ округъ, если это необходимо. И я не боюсь также послать васъ внизъ, въ округъ, если бы это оказалось необходимымъ — нѣтъ.

Эрлингъ. Нѣтъ! — Это смѣло!

Карэнъ. Нѣтъ. Это не смѣло. Я немножко боялась. Боялась. Когда я внезапно очутилась здѣсь въ комнатѣ. Единственно, что я себѣ сказала, это, что я не хочу дать захватить себя

врасплохъ. И такъ, нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что я была въ нѣкоторомъ смущеніи, когда я только что вошла.

Эрлингъ. Я не замѣтилъ ни малѣйшаго смущенія.

Карэнъ. Но почему вы такъ чудовищно увѣрены? О, такъ увѣрены. Вы гораздо болѣе увѣрены, чѣмъ въ прошломъ году.

Эрлингъ. (Тихо и сердечно). Мнѣ въ тысячу разъ болѣе радостно съ вами въ этомъ году.

Карэнъ. Ну, солнце голодно.

Эрлингъ. (Показываетъ на столъ). Не хотите ли солнце анчоусовъ?

(Оба смѣются. Садятся къ столу и закусываютъ не разговаривая).

Карэнъ. Конечно я много разъ думала о томъ, что это весьма забавно—хорошенько принарядиться и такъ разряженной войти въ концертную залу съ какимъ-нибудь пригожимъ отмѣннымъ господиномъ, — вы это, конечно, понимаете.

Эрлингъ. Или въ театръ, посреди увертюры, такъ что цѣлый рядъ долженъ встать, чтобы пропустить тебя.

Карэнъ. Да. Ваше здоровье.

Эрлингъ. Ваше здоровье.

(Они снова сидят не разговаривая).

Карэнъ. Но знаете, мнѣ кажется, что всѣ, кто любить—или какъ говорятъ, любятъ—имѣ не по себѣ. Въ то время, какъ другіе имѣютъ видъ, что они чрезвычайно тонко въ этомъ разбираются.

Эрлингъ. Это прискорбное впечатлѣніе—отъ жизни. Откуда это у васъ?

Карэнъ. Откуда это у меня? А проходишь вотъ такъ и смотришь себѣ, и слушаешь себѣ, и чувствуешь себѣ—и вдругъ возникаетъ, на-примѣръ, что-нибудь, чего боишься, самъ не знаешь, въ чемъ тутъ дѣло. У меня, на-примѣръ, *idée fixe*, что у меня *idée fixe*, но я даже и не знаю, что это за—ха - ха - Боже милостивый, какъ вы глубокомысленно на меня смотрите!

(Снова сидятъ нѣкоторое время молча).

Эрлингъ. Мнѣ кажется, никогда мнѣ не было такъ хорошо, какъ въ этомъ году.

Карэнъ. Что же вы дѣлали тутъ все время?

Эрлингъ. Я томился.

Карэнъ. Но развѣ это не страшно?

Эрлингъ. Нѣтъ, это было хорошо.

Карэнъ. Вамъ кажется, что это хорошо—томиться?

Эрлингъ. Да, по васъ, Карэнъ.

Карэнъ. Мнѣ кажется, что это худшее, что есть въ мірѣ. Я прямо не могу томиться. Я начинаю сердиться. Но Боже милосердный, что же вы тутъ дѣлали?

Эрлингъ. Жилъ себѣ и былъ счастливъ.

Карэнъ. И больше ничего?

Эрлингъ. Работалъ. (Встаетъ). Мнѣ кажется, вся моя работа сдѣлалась такой высокой, высокой. Мнѣ кажется, она сдѣлалась такой великой и красивой, оттого, что я бродилъ здѣсь и думалъ о васъ. Я видѣлъ только ваше лицо. Я бродилъ и погружался въ лица. Я ходилъ и сѣялъ и сажалъ растенья среди лицъ. Весь лѣсъ былъ наполненъ вашимъ желаннымъ лицомъ съ ясными дѣтскими глазами. (Онъ беретъ ея руку и притягиваетъ ее къ себѣ со стула. Тѣсно прижимаетъ ее къ себѣ).

Карэнъ. (Стоитъ мгновеніе безвольно, отходитъ и садится въ другомъ концѣ комнаты).

Эрлингъ (становится за ея стуломъ, не находитъ словъ, и наконецъ тихонько говорить склоняясь къ ней). Я люблю также обѣихъ вашихъ сестеръ и королевскаго уполномоченнаго.

Карэнъ. (Протягиваетъ къ нему руку). Какъ мило вы говорите со мной. (Внезапно встаетъ, отходитъ немного въ сторону, обра-

чивается къ нему, умоляюще). О, отпустите меня. Или уйдите вы.

Эрлингъ. (Немного медлитъ, потомъ тихо и сердечно). Развѣ вамъ не радостно со мною, Карэнъ?

Карэнъ. (Какъ бы успокоенная его голосомъ, садится). Но—но—.

Эрлингъ. Что—.

Карэнъ. Я думала, что это будетъ совсѣмъ иначе.

Эрлингъ. Вы думали, вамъ будетъ гораздо радостнѣе.

Карэнъ. Не радостнѣе.

Эрлингъ. Быть можетъ, гораздо торжественнѣе. Болѣе побѣдительно.

Карэнъ. (Улыбается слегка, медля). Я думала, что все это будетъ болѣе золотисто.

Эрлингъ. (Также слегка улыбается). Вы чувствуете себя обманутой.

Карэнъ. (Веселѣе и увѣреннѣе). Прежде всего я была такъ увѣрена въ томъ, что, когда я приду сюда изъ этой ужасной темноты, вы будете стоять на колѣняхъ и ждать меня.

Эрлингъ. А я этого не дѣлалъ?

Карэнъ. (Смѣлѣе). И если намъ будетъ радостно другъ съ другомъ, мы не будемъ въ той же самой комнатѣ. Стѣны должны были рас-

пастся. Это я во всякомъ случаѣ думала—что комната какъ бы будетъ вверхъ дномъ.

Эрлингъ. (Совсѣмъ близко отъ нея, съ восторгомъ). О, какъ это красиво. Вы дѣлаете все болѣе великимъ для меня. Я чувствую свою отвѣтственность. Я не зналъ—я не зналъ, какъ я люблю тебя. И я не зналъ до этой минуты, какое ты удивительное существо, какая ты увѣренная, гордая, какъ высоко внесено чело твое. (Съ увлеченіемъ). Вотъ люблю—вотъ люблю въ первый разъ—вотъ опять я люблю въ первый разъ.

Карэнъ. (Закрывши глаза, тихо и медленно). Но какъ это хорошо—.

Эрлингъ. Выше!

Карэнъ. Какъ пьянительно хорошо, когда тебѣ молятся.

Эрлингъ. (Беретъ ея руку). Мы начнемъ завтра?

Карэнъ. Завтра?

Эрлингъ. Да, завтра.

Карэнъ. Но что?

Эрлингъ. Дѣлать землю намъ подданной. Мы начнемъ лѣсную работу. Мы создадимъ здѣсь въ странѣ новый лѣсъ. Хвойныя деревья — и свѣтлыя лиственные деревья — и красивыя аллеиныя деревья съ тѣнью для счастливыхъ домовъ, и потомъ деревья для плодовъ и деревья

для красоты, и посреди всего этого нашъ уютный домъ—нашъ лѣсной домъ, Карэнъ.

Карэнъ. (Тихо). Сперва намъ нужно туда въ широкой мѣръ.

Эрлингъ. Намъ нужно путешествовать? Да, конечно. Сперва длинное, длинное путешествие. Все, что ты хочешь, я на все согласенъ.

Карэнъ. Что хочу?

Эрлингъ. Все. Лѣсъ и охота—все я могъ бы пожертвовать, если бы ты захотѣла.

Карэнъ. Вы могли бы?

(Стукъ въ дверь).

(Дверь открывается. Слышно, что вѣтеръ и непогода очень усилились).

(Входитъ Гартвигъ Гадэльнъ).

(У него пыльный, тяжелый, но умный взглядъ. Тихий голосъ и тихія движенія. Большею частью нѣсколько согбенный. Одѣтъ въ толстое пальто, воротникъ котораго приподнять. Мягкая небольшая шляпа, которую онъ не тотчасъ снялъ съ себя. Небольшая дорожная сумка. Онъ весь промокъ).

Гадэльнъ. (Стоитъ въ дверяхъ. Держитъ руку передъ глазами, затѣняя ихъ). О, какъ свѣтло здѣсь. (Немного спустя). Я заплутался въ горахъ.

Эрлингъ. Присядьте къ огню и пообсохните.

Гадэльнъ. (Осматривается). Но это должно быть усадьба Гудбранда Квеннэ.

Эрлингъ. Именно.

Гадэльнъ. Но такъ свѣтло здѣсь и празднично. (Лицо его дѣлается оживленнымъ). И такіе свѣтлые веселые люди. (Немножко смущенъ, такъ какъ никто не отвѣчаетъ). Тамъ на волѣ было такъ черно.

Эрлингъ. Но садитесь же у огня и выпейте стаканъ вина. (Наливаетъ стаканъ).

Гадэльнъ (который все время пристально смотритъ на Карэнъ). Если вы позволите.

Карэнъ. (Вѣжливо, но коротко). Пожалуйста.

Гадэльнъ. (Продолжаетъ стоять). Я совсѣмъ заплутался въ горахъ—а я такъ часто бываю въ этихъ мѣстахъ. Почти круглый годъ здѣсь хожу. (Садится на скамью).

Эрлингъ. Нѣтъ, садитесь къ огню. Вы же совсѣмъ промокли.

Карэнъ. (Идетъ къ Эрлингу, беретъ его за руку).

(Небольшая пауза).

Гадэльнъ. Какъ будто и не такъ оно опасно заплутаться здѣсь дома, гдѣ можно говорить.

Карэнъ. (Невольно смѣется). Это право забавно.

Гадэльнъ. Это быть можетъ лишь намъ, эгоистамъ, такъ трудно научиться чужой рѣчи.— (Немного помедливъ). Но я вижу, здѣсь въ усадьбѣ все занято.

(Небольшая пауза).

Карэнъ. Здѣсь только одна эта комната. Но быть можетъ тамъ на скотномъ дворѣ—(Она прерываетъ себя и отворачивается отъ другихъ).

Эрлингъ (который смотритъ на нее смущенно, и тихо). Милая! (Оборачивается къ Гадэльну). Я вамъ налилъ стаканъ вина.

Гадэльнъ. (Внезапно встаетъ, снимаетъ шляпу). Мое имя Гартвигъ Гадэльнъ.

Карэнъ. (Невольно). Тотъ, который—

Гадэльнъ. (Тихо и серьезно). Тотъ, который пишетъ такіе рѣдкостные стихи, да.

Эрлингъ. (Подаетъ ему стаканъ). Эрлингъ Крусэ, лѣсничій.

Гадэльнъ. Фрузъ?

Карэнъ. Да, мы новобрачные. (Она схватываетъ Эрлинга руками за шею. Онъ притягиваетъ ее къ себѣ).

(Мгновеніе они стоятъ вмѣстѣ).

(Гадэльнъ пристально смотритъ на нихъ. Болѣзненное, почти жесткое, выраженіе закрѣпляется на его лицѣ).

Гадэльнъ. (Со стаканомъ въ рукѣ. Тихо).
За счастливый исходъ любовной борьбы.

Карэнъ. (Поворачиваетъ голову). Любов-
ной борьбы?

Гадэльнъ. Борьбы за то, кто возьметъ
верхъ.

Карэнъ. (Еще держа одну руку вокругъ шеи
Эрлингъ). Когда любятъ другъ друга, нѣтъ ни-
какой борьбы.

Гадэльнъ. Всегда. И тотъ, который любитъ
наиболѣе, онъ теряетъ всегда, ибо онъ теряетъ
того, кого любитъ.

Карэнъ. (Смотритъ вопросительно, полу-
улыбаясь).

Гадэльнъ. (Также улыбаясь). Это вы
должны знать, что чѣмъ больше любишь, тѣмъ
болѣе исчезаетъ любовь другого.

Карэнъ. Но защищай же меня, Эрлингъ.

Эрлингъ (который все время лишь смот-
рѣлъ на Карэнъ, не слушая). Простите, госпо-
динъ Гадэльнъ, я хорошенько не слышалъ.

Гадэльнъ. (Нѣсколько коротко). Я только
говорилъ, что тотъ, кто чувствуетъ себя счаст-
ливымъ въ любви, онъ не любитъ. Онъ только
дремлетъ.

Карэнъ. Такъ значитъ, въ любви нельзя
быть счастливымъ?

Гадэльнъ. (Улыбаясь). Любовь конечно не

спрашиваетъ о счастья. Есть счастье, хорошо. Нѣтъ счастья, тоже хорошо. Но ей съ этимъ собственно нечего дѣлать.

Карэнъ. (Съ большей горячностью). Но если двое любятъ другъ друга, такъ они же вѣдь счастливы.

Гадэльнъ. Но двое не любятъ другъ друга.

(Карэнъ и Эрлингъ смѣются).

Гадэльнъ. Никогда одновременно.

Карэнъ. (Пораженная). Никогда одновременно!

Гадэльнъ. (Поспѣшно, между тѣмъ какъ онъ пристально смотритъ на нее). Вы это должны знать.

Карэнъ. (Смотритъ на него полуиспуганная. Потомъ смотритъ на Эрлинга. Кладетъ руки вокругъ его шеи, говоритъ твердо и съ горячностью). Но это приходитъ. Приходитъ. Быть можетъ, не сразу. Но мгновеніе приходитъ, когда оба любятъ другъ друга одинаково сильно.

Гадэльнъ. (Съ силой). Никогда. Ни одной секунды. Когда это кажется, тогда гиря вѣсовъ лишь стоитъ и дрожить. (Снова начинаетъ шутить). Единственное утѣшеніе, которое есть у насъ, что она сама не долга.

Эрлингъ. (Улыбаясь). Любовь?

Карэнъ. Такъ любовь умереть, бѣдняжка?

Гадэльнъ. Да, теперешняя любовь должна скоро умереть.

Эрлингъ. Въ какой день, осмѣлюсь спросить?

Гадэльнъ. Въ тотъ день, когда мы будемъ добросовѣстны по отношенію къ нашимъ дѣтямъ. Въ тотъ день, когда мы научимъ ихъ находить то же самое, что мы сами находимъ. На нашихъ колѣняхъ и на школьной скамьѣ.

Карэнъ. Чему мы научимъ ихъ?

Гадэльнъ. Лишь одной маленькой вещи, что это естественно, что тѣла наши приближаются другъ къ другу.

Эрлингъ. Да, такого рода любовь.

Карэнъ. (Къ Эрлингу). Тссъ—

Гадэльнъ. (Продолжая улыбаться, обращаясь болѣе къ Карэнъ). Душа это позднѣйшая выдумка, фруэ. Изъ бреда тѣлъ возникло чувство стыда. Изъ чувства стыда возникла тайна. А изъ тайны возникло то, что мы называемъ душою въ любви. И когда мы предаемъ тайну, прощай душа. И вотъ мертвая любовь, бѣдняжка-святая любовь, красивѣйшій сонъ человѣка, великій стихъ надъ жизнью, возвышенная глупость, божественное сумасбродство. Фють-прочь она ушла, ибо тайна разболтана.

Карэнъ. (Съ горячностью). О, всегда кого-

нибудь предпочитают, кого-нибудь любятъ. Никогда не перестаютъ выбирать.

Гадэльнъ. (Съ твердостью). Тогда начинаютъ выбирать. (Протягиваетъ руки). Тутъ все слѣпо и случайно.

Карэнъ. (Нѣсколько раздраженная). Какъ это все надменно.

Гадэльнъ. (Опять совсѣмъ тихо и улыбаясь). А развѣ я не долженъ быть надменнымъ, я, писавшій императору Германскому. И давшій ему добрый совѣтъ.

(Они смотрятъ на него пристально).

Да, вотъ этотъ самый я, что стоитъ здѣсь съ этой мокрой шляпой. Собственноручно. И жду отвѣта. (Смѣется, нѣсколько всхлипывая). Но я не увидѣлъ никакихъ результатовъ отъ моего обращенія. И отвѣта я не получилъ—быть можетъ потому, что у меня нѣтъ никакого определеннаго адреса. Я вѣдь все блуждаю—днемъ и ночью, круглый годъ. (Совершенно серьезно). Доброй ночи и спасибо за гостепріимство.

Эрлингъ. Но въ эту ужасную погоду?

Карэнъ (которая стояла и утверждалась въ мысли). Нѣтъ, это такъ пишутъ стихи? Вѣдь все это было лишь стихотвореніе, то, что вы говорили?

Гадэльнъ. Да.

Карэнъ (Нѣсколько медля). Вы сами этого не испытали?

Гадэльнъ. (Съ легкой улыбкой). Нѣтъ. Я бы не могъ тогда высказываться съ такой увѣренностью.

Карэнъ (Съ усмѣшкой). Значить, только слова?

Гадэльнъ. Да, только слова. Но въ началѣ было слово, и слово было у Бога, знаете ли. И слово было Богъ. (Медлитъ). И слово можетъ также убить.

Карэнъ. Также—?

Гадэльнъ. Да, любовь—я разумѣю—это тоже случается, что любовь убиваетъ—если она весьма отмѣнная. Но я долженъ уходить во-свояси. (Съ полуулыбкой). Я бы охотно устроилъ человѣческую жизнь — и міровыя отношенія, прежде чѣмъ улечься на покой. И я во всемъ этомъ лучше разбираюсь въ темнотѣ, нежели въ свѣтѣ среди дѣйствительныхъ людей. Добрый вечеръ. (Тихонько уходитъ своей дорогой).

(За стѣнами свирѣпствуетъ непогода).

Карэнъ. (Поспѣшно идетъ къ двери, хочетъ запереть ее. Не можетъ).

Эрлингъ. Я помогу тебѣ. (Идетъ къ ней, запираетъ дверь, въ это время кладетъ лѣвую руку вокругъ ея талии).

Карэнъ. (Тихонько отходить, садится у печки, ногами къ огню).

Эрлингъ. (Тихонько подходитъ къ ней. Смѣется).

Карэнъ. (Смотритъ на него).

Эрлингъ. Лакированные башмаки. Ты ѣхала черезъ горы въ лакированныхъ башмакахъ. Въ такую погоду.

Карэнъ. (Протягиваетъ ему руку). Я боялась, что опоздаю на поѣздъ.

Эрлингъ. (Притягиваетъ ее къ себѣ). О Карэнъ—Карэнъ.

Карэнъ. (Тихо). Я ничего болѣе не хотѣла, ты понимаешь, какъ только чувствовать, что мнѣ радостно съ тобой.

Эрлингъ. (Опьяненный). Ты закрываешь глаза. (Отпускаетъ ее на минуту. Складываетъ руки. Съ сильнымъ порывомъ). О, мнѣ кажется, что мы должны приносить радость всюду, гдѣ мы покажемся въ цѣломъ мірѣ—мы двое.

Карэнъ. (Прижимаясь къ нему). Ты и я, Эрлингъ. Только мы двое.

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

Годъ спустя, весною. Пассажирская комната на небольшой желѣзнодорожной станціи въ южной Германіи. Высоко въ горной мѣстности. Станція находится между двумя желѣзнодорожными линиями. Дверь по обѣ стороны. Окна въ глубинѣ.

На скамьѣ цѣлая куча багажу.

Эрлингъ и Карэнъ (приходятъ поспѣшно).

(Въ то время какъ они подходятъ, поѣздъ издаетъ свистокъ).

Эрлингъ. Поѣздъ ушелъ.

Карэнъ (Одновременно). Поѣздъ ушелъ.

(Они бросаются со смѣхомъ, каждый на свою скамью).

Карэнъ. Это твоя вина, ты хотѣлъ, чтобы мы поѣхали.

Эрлингъ. Нѣтъ, это твоя вина, ты не хотѣла идти во-время.

Карэнъ. Это ты хотѣлъ непременно прощаться съ каждой отдѣльной собаченкой.

Эрлингъ. Нѣтъ, это ты никакъ не могла рѣшить, какую шляпу тебѣ надѣть въ дорогу.

(Оба смѣются).

Эрлингъ. Ну теперь мы должны ждать ровно часъ и тридцать семь минутъ.

Карэнъ. Ха-ха, если ты знаешь все расписание поѣздовъ наизусть, для чего же тебѣ нужно читать его цѣлый день? Если бы случилось крушеніе поѣздовъ, я думаю, ты прежде всего позаботился бы спасти его.

Эрлингъ. Нѣтъ, сперва гербарій, потомъ тебя, и потомъ расписание поѣздовъ. (Смотритъ изъ окна). Нѣтъ, какъ красивы всѣ эти ручьи тамъ внизу на горахъ. Совсѣмъ какъ въ Норвегіи. Черезъ восемь дней я буду дома въ лѣсу— ура!

Карэнъ. Да, это будетъ весело, и это—

Эрлингъ. Бѣдняга Генриксенъ-ему бы очень хотѣлось, чтобы мы оставались за границей. Онъ могъ бы сохранять все лѣто бразды правленія.

Карэнъ. Ничего не можетъ выйти съ господиномъ Генриксеномъ.

Эрлингъ. Вотъ посмотри, тутъ отчеркнуто— ты здѣсь увидишь. (Вынимаетъ письмо). Генриксенъ отмѣтилъ карандашомъ полосу болотъ, которую въ прошломъ году я подвергъ осушкѣ. Вотъ смотри. (Показываетъ карандашомъ). Въ первые двадцать лѣтъ внутренняя область не была плотнѣе, чѣмъ это. А въ годъ, что мы были за границей, послѣ того какъ вода была

вытянута изъ болота, деревья выросли въ одинъ, значить, годъ, столько же, сколько во всѣ первые двадцать лѣтъ вмѣстѣ—что?

Карэнъ. Но со мной еще необыкновеннѣе. Въ одинъ годъ, что я была вмѣстѣ съ тобой, внутренняя моя область выросла столько же, какъ въ двадцать пять лѣтъ, до моего поступленія въ рациональный уходъ.

Эрлингъ. Рациональный уходъ хорошъ. Да, ты можешь видѣть. А ты свѣтовое дерево, какъ сосна. Она произрастаетъ—ну?

Карэнъ. Она не произрастаетъ на песчаной почвѣ.

Эрлингъ. О—именно произрастаетъ на песчаной почвѣ и подъ солнцемъ. А я тѣневое дерево, какъ ель, которая требуетъ влажной глубокой почвы. Каждый изъ насъ требуетъ своей почвы. Другими словами, мы другъ къ другу не подходимъ.

Карэнъ. (Обнимая его за шею). О, ты! (Тихо). Я дѣлаюсь всегда торжественной, когда я думаю, что ты за человѣкъ.

Эрлингъ. (Со значеніемъ въ глазахъ). Не только торжественной, конечно?

Карэнъ. (Снова весело). Нѣтъ, упаси Господи.

Эрлингъ. Потому что вѣдь я не только ель.

Карэнъ. (Танцуетъ, нѣсколько удаляясь отъ него. Такъ какъ онъ слѣдитъ за ней своей улыб-

кой, она останавливается, и глядитъ на него неуверенно, улыбаясь).

Эрлингъ. (Тихонько идетъ къ ней). Ну?

Карэнъ. (Передразнивая). Ну?

Эрлингъ. (Киваетъ съ увѣренностью). Да.

Карэнъ. Мнѣ кажется, ты совсѣмъ сумасброденъ, что такъ говоришь. Среди бѣла дня.

Эрлингъ. (Притягиваетъ ее къ себѣ. Потомъ). Но, когда я вернусь опять къ работѣ, будетъ конечно лучше.

Карэнъ. (Улыбаясь, тихонько). Лучше?

Эрлингъ. Вѣдь мы же не можемъ въ такомъ опьяненіи прожить всю нашу жизнь.

Карэнъ. Почему бы нѣтъ?

Эрлингъ. Серьезно говоря—мнѣ ужасно хочется быть опять въ лѣсу и приняться за работу. Развѣ ты этого не понимаешь?

Карэнъ. Да, да. И я буду помогать тебѣ. Можешь быть въ этомъ увѣренъ.

Эрлингъ. Мнѣ не страшно сказать тебѣ это, Карэнъ,—что весь міръ лежитъ свѣтлый и счастливый передъ нами.

Карэнъ. (Сердечно). Сіяюще красивый.

Эрлингъ. Все это путешествіе было точно пышной увертюрой ко всему нашему будущему.

Карэнъ. (Тихо). Я именно это разумѣла, когда ты меня прервалъ. Потому что я дѣлаю съ торжественной, когда я начинаю думать. Потому

что я думаю о тебѣ. О томъ, чѣмъ ты была для меня. И я такъ признательна. Я была маленькое глупое существо, и думала, что нужно перестать любить тебя. Ты меня сдѣлалъ взрослымъ человѣкомъ—меня, которая была такой пустой, запутанной и вычурной. Какъ это пріятно—дышать, о, ты можешь повѣрить. И какъ это радостно—снова быть молодой. Потому что раньше все, что происходило кругомъ, и сами люди, все было словно тѣни, что мелькали мимо, и у меня ничего съ ними не было общаго. А теперь—теперь—(Не находить словъ. Наконецъ говорить). Теперь у меня такое чувство, что я какъ будто во много разъ лучше понимаю и вещи и людей. Потому что ты часто стоишь, какъ чучело и ничего не понимаешь, вотъ что.

Эрлингъ. Ты думаешь, что я этого не замѣчаю? Я такъ часто понимаю только позднѣй.

Карэнъ. Да, это такъ.

Эрлингъ. О, Господи, какая ты важная, Карэнъ.

Карэнъ. Но это твоя вина. Все твоя вина. Что сію отъ счастья и радости и доброты и солнечнаго свѣта и очарованія и вѣчнаго опьяненія. Посмотри, что за лицо! Посмотри, какой глубокой взглядъ въ глазахъ—посмотри, что за улыбка вокругъ рта—посмотри—

Эрлингъ. (Внезапно). Я забылъ зрительную трубу. Ты ее уложила?

Карэнъ. Нѣтъ. Мы сбѣгаемъ въ гостиницу и принесемъ ее.

Эрлингъ. Нѣтъ, сиди здѣсь—и—(Показываетъ)—смотри за багажомъ, а я сбѣгаю одинъ. У насъ еще есть время. (Поспѣшно уходитъ).

(Ожиданіе поѣзда).

(Входятъ немногіе путешественники).

(Крестьянская женщина, съ маленькимъ мальчикомъ, который плачетъ, входитъ на платформу. Она дергаетъ мальчика и бранитъ его).

(Карэнъ подходитъ и говоритъ съ женщиной, видно, какъ та что-то ей объясняетъ).

(Немного спустя входитъ Гартвигъ Гадельнъ. У него небольшая дорожная сумка и палка. Онъ покрытъ пылью и, какъ видно, утомленъ отъ ходьбы. Увидѣвъ Карэнъ, онъ внезапно останавливается, въ нерѣшительности, хочетъ пройти мимо, выходитъ на платформу, какъ будто онъ ея не видалъ).

(Карэнъ замѣчаетъ его. Минутку размышляетъ, затѣмъ идетъ къ нему).

Карэнъ. Здравствуйте, господинъ Гадельнъ.

Гадельнъ. (Рѣзко поворачивается къ ней). Я иду изъ Галиціи.

Карэнъ. Пѣшкомъ?

Гадэльнъ. Да. Но теперь я ѣду черезъ горы по желѣзной дорогѣ. Иногда дешевле ѣхать по желѣзной дорогѣ, чѣмъ идти пѣшкомъ.

Карэнъ. Вы какъ будто не хотѣли меня узнать.

Гадэльнъ (—у него вырывается). Да.

Карэнъ. (Нѣсколько нерѣшительно).—Такъ.

(Стоять нѣкоторое время не разговаривая).

Карэнъ. Я не могу не смѣяться. Я только что сидѣла тамъ на лавкѣ и разговаривала вонъ съ той женщиной. Она такъ любитъ своего мальчика, что она была его.

Гадэльнъ. (Стоитъ и смотритъ внизъ, не выказывая никакого интереса).

Карэнъ. Вы знаете, кто любитъ своего ребенка—

Гадэльнъ. (Какъ прежде).

Карэнъ. Но тутъ случилось, что мальчикъ захотѣлъ сойти внизъ на свѣтлые рельсы. Каждый разъ какъ только мать отворачивалась, онъ прыгалъ внизъ. Она схватила его три раза, сказала она. (Она осматривается кругомъ, какъ бы желая, чтобъ Эрлингъ уже пришелъ). — — Да. — (Смотритъ на женщину). Но теперь, кажется, чувства перемѣнились. Смотрите.

(Видно, что женщина сидитъ и играетъ съ мальчикомъ, котораго она цѣлуетъ).

Гадэльнъ. (Тѣмъ же самымъ тихимъ голосомъ, какъ всегда). Въ ту ночь, въ горахъ,

въ усадьбѣ, когда я пришелъ изъ темноты, словно свѣтлое голубое небо счастья и юности прости-
ралось надъ вами и надъ нимъ—надъ вашимъ
мужемъ.

Карэнъ. Да.

Гадэльнъ. А я видѣлъ черную тучу на
небѣ.

Карэнъ. Нѣтъ-нѣтъ. Черная туча? Мы не
замѣтили ничего. Намъ только казалось, что
такъ занимательно васъ слушать.

Гадэльнъ. Я не могъ не видѣть.

Карэнъ. Какъ вы можете говорить что-
нибудь подобное! Мы не замѣтили ничего. Было
только-только такъ неловко, что вы должны были
уходить въ эту сырость и слякоть.

Гадэльнъ. Я далъ самому себѣ обѣщаніе,
что я попытаюсь нѣсколько изъясниться, если
я встрѣчу васъ.

Карэнъ. (Улыбаясь). И поэтому, когда вы
меня встрѣтили, вы не захотѣли меня узнать.

Гадэльнъ. Мнѣ показалось, что это такъ
трудно, когда дошло до дѣла.

Карэнъ. Такъ вы значить не человѣкъ
дѣйствія?

Гадэльнъ. Нѣтъ.

Карэнъ. Вы, который пишете такъ гордо—

потому что теперь я прочла ваши стихи, можете быть увѣрены.

Гадэльнъ. Я только въ моихъ стихахъ такъ гордъ и великолѣпнъ.

Карэнъ. Вы всегда бродите такъ совсѣмъ одинъ? Скажите мнѣ, почему вы это дѣлаете?

Гадэльнъ. И потомъ я совершенно не зналъ, стоило ли это въ дѣйствительности. Я вѣдь совершенно не зналъ, кто вы.

Карэнъ. Заслуживала ли я этого, разумеете вы?

Гадэльнъ. Да.—Или не буду ли я только стоять передъ вами и унижаться. А такъ какъ я уже сегодня покрылъ себя хохотомъ, мнѣ казалось, что этого достаточно.

Карэнъ. (Смотритъ на него не понимая).

Гадэльнъ. Да. Съ часъ тому назадъ стоялъ я тутъ въ горахъ въ нерѣшительности. И вдругъ услышалъ смѣхъ.

Карэнъ. Кто смѣялся?

Гадэльнъ. Я.

Карэнъ. (Мягко, почти испуганно). Но—почему же вы смѣялись?

Гадэльнъ. Нужно же смѣяться, когда стоишь въ солнечномъ восходѣ и не знаешь, какую одежду нужно надѣть на себя на этотъ день—какую изъ душъ. (Немного спустя). Я не зналъ, долженъ ли я рѣшиться, долженъ ли я цѣловать

пятки людскія или долженъ почтить землю моимъ
одинокимъ интереснымъ величествомъ. Погода
была такая чудесная и солнце свѣтило такъ
нѣжно и горы глядѣли такъ дружески, что было
что-то говорившее и за то, и за другое жизнен-
ное назначеніе. И когда я стоялъ тамъ такъ и
громко говорилъ объ этомъ самъ съ собой—
вдругъ раздался смѣхъ.

Карэнъ. (Нѣсколько спустя. Внезапно). Вы
должны влюбиться.

Гадэльнъ. (Украдкой взглядывая на нее—
помедливъ). Въ какую-нибудь даму?

Карэнъ. Да—а то въ кого же?

Гадэльнъ. А почему бы не въ какого-нибудь
великаго человѣка или въ старый шкафъ или во
все слитное человѣческое или звѣриное или только
въ малаго бѣлаго ягненочка, что несетъ на себѣ
всю вину міра. Результатъ вѣдь остается тотъ
же самый, что съ дамой. Или стоишь на колѣ-
няхъ въ тѣни, или устремляешь свое свѣтлое я
къ солнцу.

Карэнъ. (Немного раздумываетъ, потомъ).
Да, да. Но это было бы для васъ хорошо.

Гадэльнъ. Но именно этого я не могу.

Карэнъ. Почему не можете?

Гадэльнъ. (Съ сильнымъ внутреннимъ по-
рывомъ). Потому что мнѣ ничего не кажется.

Карэнъ. Вамъ ничего не кажется?

Гадэльнъ. Нѣтъ, мнѣ ничего не кажется. (Немного спустя). Я хочу сказать, что мнѣ не кажется одно чѣмъ-нибудь ббольшимъ, чѣмъ что-нибудь другое. И начинается такимъ образомъ казаться, что каждая вещь безразлична. (Немного спустя). Но въ тотъ вечеръ, тамъ на горахъ въ усадьбѣ—

Карэнъ. (Живо). Мой свадебный вечеръ, да.

Гадэльнъ. (Съ быстротою молніи смотритъ на нее со стороны—потомъ). Я пришелъ изъ темноты, а вы такъ стояли тамъ. Такъ ослѣпительно-побѣдно, такъ гордо, въ такой силѣ юности, въ такомъ ликованіи жизни — о, такъ свѣтло-увѣренно. Увѣренно.

Карэнъ. (Улыбается). Итакъ, тогда вамъ что-нибудь показалось?

Гадэльнъ. Да.

Карэнъ. Что я была такъ увѣренна?

Гадэльнъ. Да.

Карэнъ. Но тогда вы сдѣлались радостны?

Гадэльнъ. Нѣтъ. Я сдѣлался золь.

Карэнъ. (Какъ будто получивъ ударъ). Золь? Но почему?

Гадэльнъ. Потому что я не могъ достигнуть васъ.

Карэнъ. Но вы мнѣ все же не сдѣлали ничего злого.

Гадэльнъ. Я пытался.

Карэнъ. Какимъ образомъ?

Гадэльнъ. (Болѣе усталымъ тономъ). Моимъ единственнымъ оружіемъ. Моимъ единственнымъ жалкимъ отравленнымъ оружіемъ. Моими словами. Я попытался сдѣлать васъ нетвердой въ вашей увѣренности.

Карэнъ. (Съ подавленной радостью). А я была такъ увѣренна, кажется вамъ?

Гадэльнъ. (Жестко). Да, вы прямо сверкали мнѣ въ глаза.

Карэнъ. (Какъ прежде). Я не была увѣренна. Это вы сдѣлали меня увѣренной.

Гадэльнъ. Я?

Карэнъ. Знаете ли вы, когда Эрлингъ и я рѣшили пожениться?

Гадэльнъ. Быть можетъ, въ этотъ самый вечеръ.

Карэнъ. Да, но когда —

Гадэльнъ. (Все болѣе и болѣе заинтересованный). Какъ разъ передъ тѣмъ когда я пришелъ — въ то самое мгновеніе быть можетъ, когда я только что отошелъ отъ двери въ комнату —

Карэнъ. Тотчасъ послѣ того, какъ вы пришли.

Гадэльнъ. Тотчасъ послѣ того, какъ я пришелъ?

Карэнъ. Пока вы были тамъ. Это ваше

присутствіе, ваши слова— быть можетъ то, что вы хотѣли сдѣлать меня нетвердой, о чемъ я однако ничего не знала—это, это — кристаллизировало меня. Это сдѣлало меня твердой. Это заставило меня рѣшиться выбрать—выбрать мое счастье. Мое удивительное счастье. Это была почти ваша вина, Гадэльнь, что я теперь ощущаю счастье, подобнаго которому нѣтъ, какъ я думаю, во всемъ свѣтѣ. Да, вы по-истинѣ можете радоваться, вы.

Гадэльнь. (Идетъ къ глубинѣ за своей дорожной сумкой).

Карэнъ. (Какъ будто она внезапно что-то поняла, подавленнымъ голосомъ и къ самой себѣ, протяжно). О—о —

Гадэльнь. (Возвращается. Мягко). Я не достигаю людей злымъ даже, я.

Карэнъ. (Сердечно). Но сегодня вы достигли меня, Гадэльнь. Мнѣ кажется, что вы были такъ милы, такъ очаровательны со мной. Я такъ горда, что вы повѣрили въ меня, (нѣжно) о, будьте немного радостны, Гадэльнь,—вы должны быть радостны, потому что вы способствовали счастью двухъ людей. Если бѣ, о, если бѣ я только могла быть съ вами милой, и я тоже. У васъ такіе опечаленные глаза. А я чувствую себя такъ безконечно, такъ безконечно богатой.

Гадэльнъ, не должна ли я это говорить, если это такъ?

Гадэльнъ. (Взволнованно и тихо). Да. Да.

Карэнъ. (Медленно, почти къ самой себѣ). Я счастлива. (Внезапно). Потому что теперь это одновременно, можете быть увѣрены.

Гадэльнъ. (Смотритъ на нее).

Карэнъ. Той одновременностью, которую вы отрицали.

Гадэльнъ. (Нѣсколько рѣзко). Дѣлаешься такимъ неестественнымъ, когда такъ бродишь одинъ.

Карэнъ. (Не слушая его). Но Эрлингъ величайшій человѣкъ въ мірѣ.

Гадэльнъ. (Смотритъ на нее, немного улыбается).

Карэнъ. Да. Потому что человѣкъ, котораго любишь, есть величайшій. (Внезапно, почти въ страхъ). Если бы онъ бросилъ меня, мнѣ кажется, это было бы, какъ если бы я въ пропасть упала. (Помедливъ). Онъ силенъ и непреклоненъ. Прямая ель въ солнечномъ свѣтѣ — свѣтовое дерево, какъ говоримъ мы, лѣсные люди. (Берется за его дорожную сумку, такъ какъ снова онъ дѣлаетъ знакъ, что хочетъ уйти). Нѣтъ, теперь вы должны подождать, пока не придетъ Эрлингъ. Онъ тоже будетъ радъ выразить вамъ свои привѣтствія. Онъ къ вамъ

такъ былъ расположенъ. (Внезапно). Вы должны были бы слышать, какъ онъ кричалъ васъ.

Гадэльнъ. Кричалъ меня?

Карэнъ. (Съ горячностью). Ну да. Едва вы только ушли, какъ мы поспѣшили выйти, и кричали вамъ вослѣдъ. «Гадэльнъ, Гадэльнъ», кричали мы. Это было такъ жутко — кричать такъ въ черную ночь. Но было уже слишкомъ поздно. Вы уже были слишкомъ далеко. Или можетъ быть это вѣтеръ отбросилъ голосъ? (Съ радостнымъ возгласомъ). Вотъ Эрлингъ.

(Эрлингъ приходитъ съ зрительной трубой).

(Карэнъ беретъ его подъ руку, и подводитъ къ Гадэльну).

Карэнъ. Ты не узнаешь господина Гадэльна?

(Гадэльнъ, который сидѣлъ отвернувшись, взглядываетъ).

Эрлингъ. Ну конечно. Я не видалъ лица. И вы въ этихъ краяхъ? Это приятно — съ землякомъ опять повстрѣчаться.

Карэнъ. И я принесла передъ господиномъ Гадэльномъ всѣ наши искреннія извиненія за то, что мы были съ нимъ такъ негостепримны тамъ наверху въ горахъ. Я ему рассказала, какъ мы стояли и кричали его, когда онъ ушелъ.

Эрлингъ. Что?

Карэнъ. (Спокойно). Ты этого не помнишь? Какъ мы стояли и кричали ему вслѣдъ изо-всѣхъ силъ.

Эрлингъ. Нѣтъ.

Карэнъ. (Къ Гадэльну). Но я совсѣмъ позабыла спросить васъ: вы возвращаетесь теперь домой въ Норвегію?

Гадэльнъ. Не раньше какъ поздней осенью.

Эрлингъ. Хорошо домой вернуться. И приняться вплотную за дѣло. А то совсѣмъ отупѣть можно отъ такой жизни.

Карэнъ. Да?

Эрлингъ. Но человѣкъ же вѣдь есть человѣкъ?

Карэнъ. Да?

Эрлингъ. Нѣчто другое нужно здѣсь дѣлать въ мірѣ.

Гадэльнъ. (Съ нѣкоторой улыбкой). И особенно вамъ.

(Они смотрятъ другъ на друга).

Гадэльнъ. Вѣдь вы же величайшій человѣкъ въ мірѣ.

Карэнъ. (Смѣясь). Фи. Онъ разбалтываетъ тайны. Фи.

Эрлингъ. (Смѣясь). Что? Что?

Гадэльнъ. Фруэ говоритъ, что вы величайшій человѣкъ въ мірѣ.

Эрлингъ. А, что за—

Карэнъ. Человѣкъ, котораго любишь, есть величайшій, сказала я. Вы должны по крайней мѣрѣ правильно цитировать.

Эрлингъ. О—это только такъ, любовный разговоръ.

Карэнъ. (Нѣсколько удивлена тономъ Эрлинга).

Гадэльнъ. (Стоитъ и смѣется нѣсколько исподтишка).

Карэнъ. Нѣтъ, ты посмотри на Гадэльна. Чего вы тутъ смѣетесь?

Гадэльнъ. (Смѣясь). Я слышалъ какъ-то объ одной дамѣ, которая, каждый разъ какъ она снова любила, вѣрила, что она нашла умнѣйшаго человѣка въ мірѣ. Она буквально подбирала умныхъ людей. И послѣдній былъ всегда самый умный. И вотъ однажды это былъ физикъ—хе-хе-хе—и она всѣмъ и всюду возвѣщала, что это онъ открылъ законъ тяготѣнія — хе-хе-хе — она вѣрила въ это.

(Другіе смѣются также, частію зараженные особымъ смѣхомъ Гадэльна).

Гадэльнъ. Хе-хе — но лучше всего было то, что въ концѣ концовъ и онъ въ это вѣрилъ.

Эрлингъ. Физикъ?

(Всѣ трое смѣются).

Карэнъ. (Грозится пальцемъ). Вамъ теперь недостаетъ черной тучи на свѣтломъ небѣ?

Эрлингъ. Что? Что?

Карэнъ. О, это тайна между мною и Гадэльномъ.

(Гадэльнъ снова серьезный и тихій, беретъ свою дорожную сумку).

Эрлингъ. (Еще полный веселости). Но я еще не нашелъ никакого закона тяготѣнія. Это я тебѣ долженъ сказать.

Карэнъ. (Смѣясь). Никто въ тебѣ и не заблуждается. (Къ Гадэльну). Но вы должны уже уходить.

Эрлингъ. Вы не съ нами въ поѣздѣ?

Гадэльнъ. Нѣтъ, я на Югъ.

Эрлингъ. Въ Глатцъ?

Гадэльнъ. Да.

Эрлингъ. Но вашъ поѣздъ, значить, идетъ черезъ семь минутъ послѣ нашего.

Карэнъ. (Смѣясь). Расписаніе поѣздовъ. (Къ Гадэльну). Такъ вы будете помнить, чтó вы мнѣ обѣщали? (Такъ какъ Гадэльнъ вопросительно смотритъ на нее, смѣясь). Онъ уже забылъ это. Что тотчасъ, какъ вы возвратитесь домой, вы навѣстите насъ.

Эрлингъ. Да, вы наконецъ должны это сдѣлать.

(Они жмутъ ему руку).

(Гадэльнъ тихо выходитъ направо).

(Эрлингъ подходитъ къ багажу).

(Карэнъ стоитъ и смотритъ во слѣдъ Гадэльну).

Карэнъ. Это было удивительно.

Эрлингъ. Что?

Карэнъ. (Закрываетъ лицо руками и разражается слезами).

Эрлингъ. (Обращаясь къ ней). Что съ тобой Карэнъ?

Карэнъ. То, что я въ первый разъ теперь понимаю, какъ я счастлива. (Бросается на шею къ Эрлингу). Это почти невозможно, чтобы такъ могло быть.

Эрлингъ. Нѣтъ, послушай — ну же, ну Карэнъ.

Карэнъ. Ну, вотъ теперь прошло.

Эрлингъ. И поѣздъ теперь скоро придетъ. У насъ есть что-нибудь? (Снова подходитъ къ багажу. Смѣясь). Ты однако превосходно можешь лгать.

Карэнъ. (Какъ бы не понимая). Лгать?

Эрлингъ. Ты же сказала, что мы стояли и кричали ему.

Карэнъ. (Смѣясь). Развѣ ты не помнишь, что мы стояли и кричали тамъ: „Гадэльнъ, Гадэльнъ“?

Эрлингъ. Нѣтъ.

Карэнъ. Нѣтъ?

Эрлингъ. Нѣтъ, это наглая ложь—

Карэнъ. Ложь!—Ложь, это вѣдь что-то такое жалкое. Ему было такъ не по сердцу, что я поняла, что нужно его обрадовать.

Эрлингъ. (Шутя). О, вы тутъ сидѣли и секретничали другъ съ другомъ. Ты бытъ можетъ просто на просто заставила его за собой ухаживать, въ то время какъ я бѣгаль по солнцепеку и доставаль зрительную трубу.

Карэнъ. Зачѣмъ же ты уходилъ?

Эрлингъ. (Смѣясь). Да за зрительной же трубой, человѣче.

Карэнъ. Фють! зрительная труба! (Помедливъ). Но ты предалъ меня.

Эрлингъ. (Оборачивается). Предалъ тебя?

Карэнъ. Да, когда ты сказалъ, что не помнишь, чтобы мы звали его.

Эрлингъ. Что я не помнилъ, чтобы мы кричали «Гадэльнь, Гадэльнь»?

Карэнъ. (Идетъ тихонько къ нему, обнимаетъ его за шею, проникновенно). Можешь ты подумать, что ты когда-нибудь пересталъ бы любить меня?

Эрлингъ. Какъ можешь ты спрашивать объ этомъ—такъ глупо? (Цѣлуетъ ее въ лобъ).

Карэнъ. (Немного отходить отъ него. Останавливается). Слушай. Бытъ можетъ мы не поѣдемъ домой?

Эрлингъ. Какъ?

Карэнъ. Теперь, тотчасъ, хочу я сказать. Совершимъ сперва поѣздку въ Парижъ, какъ мы часто объ этомъ говорили.

Эрлингъ. Никويمъ образомъ. Мы должны теперь домой.

Карэнъ. Только на полгода.

Эрлингъ. На полгода!

Карэнъ. На пять мѣсяцевъ. На четыре. На три. Прошу тебя. Никогда я не любила тебя такъ, какъ теперь. (Прижимается къ нему).

Эрлингъ. Это же слишкомъ нелѣпо, Карэнъ.

Карэнъ Генриксенъ вѣдь охотно возьметъ тамъ на себя все. А средства же у насъ есть для этого.

Эрлингъ. Средства! Не о нихъ совсѣмъ рѣчь. Я не выношу этого. Я не выношу больше этого—не быть въ состоянїи снова приняться за работу. Я радуюсь мысли о работѣ. Для меня совершенно необходимо, чтобы я не чувствовалъ себя бездѣльникомъ.

Карэнъ. Все я могла бы сдѣлать для тебя. (Съ силой). Все.

Эрлингъ. Я тоже, Карэнъ, для тебя. Но это слишкомъ нелѣпо.

Карэнъ. (Умоляюще). Эрлингъ!

Эрлингъ. Нѣтъ, Карэнъ.

(Въ это мгновеніе слышно, какъ Женщина, которая не

задолго передъ этимъ одна вышла съ платформы слѣва, испускаетъ пронзительный крикъ, и выбѣгаетъ).

(Одновременно слышно, какъ поѣздъ подходитъ).

(Карэнъ и Эрлингъ устремляются къ двери направо).

Карэнъ. Ребенокъ упалъ на рельсы. (Выбѣгаетъ).

Эрлингъ. (Въ догонку). Карэнъ! — Ты съ ума сошла. (Выбѣгаетъ за ней).

(Немного спустя съ страшной силой).

Голосъ Карэнъ. Эрлингъ! Эрлингъ!

(Голоса и шумъ снаружи).

(Немного спустя кучка людей приходитъ съ платформы, всѣ оживленно и громко говорятъ. Впереди всѣхъ Женщина съ Мальчикомъ. Войдя внутрь, до середины комнаты, она внезапно оборачивается и устремляется къ Эрлингу и Карэнъ, которые только что вошли вмѣстѣ съ другими. Женщина становится на колѣни и цѣлуетъ юбку Карэнъ).

Карэнъ. (Рѣзко отворачивается отъ женщины, къ Эрлингу, бросается къ нему въ объятія). Я люблю тебя. Я люблю тебя до смерти.

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

Два года спустя.

Уютная комната въ виллѣ Эрлинга и Карэнъ, на высотахъ, въ лѣсномъ округѣ. Богатая и красивая обстановка. Тамъ и сямъ охотничьи принадлежности, какъ украшенія.

Бюстъ Карэнъ.

Въ глубинѣ открыто на балконъ, передъ которымъ портьеры.

Поверхъ высокихъ деревьевъ видны горы вдаль. Комната находится во второмъ этажѣ.

Свѣтлый вечеръ ранней осенью.

Спереди, на маленькомъ столѣ, кофейный сервизъ.

Карэнъ ходитъ взадъ и впередъ, какъ бы въ безпокойствѣ, и въ нерѣшительности. Садится и снова начинаетъ ходить. Останавливается передъ бюстомъ. Смотритъ на него. Гладитъ свои щеки. Затѣмъ идетъ къ охотничьей сумкѣ, которая лежитъ на столѣ, и что-то въ нее укладываетъ.

Принимаетъ непринужденную позу, такъ какъ Эрлингъ входитъ съ парнемъ, Иоганнесомъ.

Эрлингъ снимаетъ со стѣны винтовку и протягиваетъ ее парню.

Эрлингъ. Думаю, что мы разокъ ее попробуемъ.

Карэнъ. (Наливаетъ кофе). Кофе?

(Слышенъ снаружи лай собакъ).

Эрлингъ. Собаки въ тревогѣ.

Иоганнесь. Примѣчаютъ, въ чемъ дѣло. (Уходитъ).

Карэнъ. Я уложила въ сумку лучшее изъ всего, что ты знаешь.

Эрлингъ. (Еще около ружей). Спасибо.

Карэнъ. Знаешь ты, что это?

Эрлингъ. Нѣтъ.

Карэнъ. (Съ усмѣшкой). Такъ ты не знаешь, что есть лучшее изъ всего, что ты знаешь.

Эрлингъ. Право не помню.

Карэнъ. (Въ то же время какъ она ставитъ охотничью сумку передъ дверью). Никогда ты не бываешь такъ веселъ и разсѣянъ, какъ когда тебѣ нужно отправляться въ горы на посадки деревьевъ.

Эрлингъ. Да, звѣри и деревья. (Внезапно). Это лучшее изъ всего, что я знаю. Особенно посадки деревьевъ, конечно. Почему ты никогда больше не ѣдишь со мной туда?

Карэнъ. О—мнѣ кажется, что я только мѣшаю.

Эрлингъ. (Разсѣянно, въ то время какъ онъ беретъ новое ружье и смотритъ на него). Ты думаешь, быть можетъ, что сапожника нужно оставлять съ его колодкой.

Карэнъ. (Смѣется).

Эрлингъ. Чего ты смѣешься?

Карэнъ. Ты началъ употреблять за послѣднее время такъ много поговорокъ.

Эрлингъ. Правда? Это удивительно.

Карэнъ. Прежде ты говорилъ, что поговорки лишь для толпы.

Эрлингъ. И что въ нихъ привкусъ ото рта всѣхъ, да. А теперь я самъ это дѣлаю. Такъ глубоко можно пасть. Но что такое я сказалъ—мы говорили о посадкахъ деревьевъ.—Да, я хотѣлъ довѣрить тебѣ тайну. И тайна эта заключается въ томъ, что я никогда такъ не радуюсь любви къ тебѣ, какъ когда я нахожусь тамъ въ лѣсу, въ горахъ.

Карэнъ. Я болѣе радуюсь тебѣ, когда ты здѣсь.

Эрлингъ. (Смѣется). Ты сказала это такъ сухо и рѣзко. А что можетъ быть уютнѣе этихъ запоздалыхъ охотничьихъ полдничаній, которыя возникаютъ у насъ всегда, когда мнѣ нужно отправляться въ горы. Ты никогда не бываешь такой уютной, какъ тогда. Въ этомъ есть что-то, я сказалъ бы, что-то кокетливое, въ тебѣ бываетъ

тогда какое-то меланхолическое очарованіе, что-то такое затуманивающее, что я каждый разъ долженъ чувствовать себя немного разорваннымъ. И эту нѣжную воздушную меланхолію я уношу съ собой.

Карэнъ. Да, ты никогда такъ не радостенъ, какъ тогда. Въ эти охотничьи прощальныя полдничанья.

Эрлингъ. (Отходить отъ ружей, садится за кофе). Нѣтъ—но какая сегодня ночью буря была. Представить себѣ не могу, что то было съ молодыми деревьями тамъ на высотахъ въ Лосседаленѣ. Имъ только четыре года.

Карэнъ. Бѣдныя малыя деревца.

Эрлингъ. Да.—Если бы ты видѣла телеграфный столбъ тамъ на холмѣ. (Беретъ изъ кармана свой карандашъ). Проволока оборвалась съ обѣихъ сторонъ.

Карэнъ. (Дѣлаетъ движеніе). И висѣла книзу—

Эрлингъ. (Рисуетъ). Да—вотъ такъ!

Карэнъ. Какъ хорошо я могу это понять.

Эрлингъ. Да вѣдь это понять не особенно трудно.

Карэнъ. (Смѣясь). Какъ долженъ себя чувствовать телеграфный столбъ, да?—(Немного спустя). Такая буря была также въ первую нашу ночь.

Эрлингъ. (Взялъ газету, улыбается). Этого я никогда не забуду. Слишкомъ замѣчательный вечеръ, Карэнъ.

Карэнъ. И ночь!

Эрлингъ. И этотъ удивительный Гадэльнь, который пришелъ.

Карэнъ. Онъ не такой энтузіастъ, какъ ты.

Эрлингъ. Да, въ этомъ ты права. У него огонь въ самомъ основаніи. Онъ не вспыхиваетъ такъ, какъ я. Это глупо, что онъ никогда не придетъ сюда, не навѣститъ насъ. Правда, онъ всегда въ странствіяхъ. Въ городѣ это было такъ уютно, когда онъ нѣтъ—нѣтъ да и заглянетъ вечеркомъ. И онъ такъ увѣренно общался, что придетъ какъ-нибудь сюда лѣтомъ.

Карэнъ. Я могу обходиться и безъ него.

Эрлингъ. Это удивительно въ тебѣ—мнѣ кажется, это почти болѣзненно—что ты такъ можешь обходиться безъ людей, совсѣмъ.

Карэнъ. Да, почти.

Эрлингъ. Кромѣ меня?

Карэнъ. Да, кромѣ тебя.

Эрлингъ. Сегодня ты опять такъ мило одѣлась. Ты такая различная. Потому что иногда ты прямо бываешь какъ—

Карэнъ. Какъ неряха.

Эрлингъ. (Смѣясь). Да, мягко выражаясь.

(Слышенъ лай собакъ).

Эрлингъ. (Вставая). Юганнесь подвѣхаль.

Карэнъ. Ну посиди немножко. Если ты даже черезъ часъ уѣдешь, такъ ты приѣдешь туда засвѣтло. Я достаточно насижусь одна.

Эрлингъ. (Сѣлъ). Вотъ видишь. Ты не должна была бы столько быть одна. Миѣ кажется иногда, что здѣсь на горахъ нѣсколько пустынно.

Карэнъ. Когда ты не тамъ въ лѣсу.

Эрлингъ. Да. Почему ты не попросишь какую-нибудь изъ твоихъ сестеръ, или обѣихъ, приѣхать сюда—или другихъ, кого хочешь?

Карэнъ. Меня нисколько не интересуеть общество. Вѣдь я же сама хотѣла, чтобы мы переѣхали сюда раньше, чѣмъ въ прошломъ и позапрошломъ году. Этого я хотѣла.

Эрлингъ. (Вставая). Ну, а весной мы поѣдемъ въ Парижъ.

Карэнъ. Не ради меня.

Эрлингъ. Теперь ты и въ Парижъ не хочешь?

Карэнъ. О, нѣтъ—разъ этого не случилось тогда.

Эрлингъ. Но я вѣдь и тогда же хотѣлъ.

Карэнъ. Да, послѣ того какъ я выказала себя столь—геройски.

Эрлингъ. О, Господи Боже. Едва я только объ этомъ подумая, я начинаю гордиться тобой.

(Изображая движеніями). Нависла какъ птица низко надъ рельсами—вонзила когти въ ребенка—полетѣла дальше. (Съ дивованьемъ). Ты была рада тогда, Карэнъ, когда ты спасла мальченку.

Карэнъ. А чортъ съ нимъ, съ мальчишкой.

Эрлингъ. Что ты говоришь? (Громко хохочетъ).

Карэнъ. Я изъ-за тебя это сдѣлала.

Эрлингъ. (Все еще смѣясь). Да, ты добра. (Подходить къ окну налѣво). Ну—ну! Что ты будешь дѣлать съ душемъ? Навѣсь тоже снесло бурей.

Карэнъ. Ничего не значитъ. Единственное мѣсто, откуда меня можно видѣть, это изъ окна отсюда. А здѣсь во всемъ домѣ никого нѣтъ кромѣ меня и служанокъ.

(Слышно, какъ Іоганнесъ хлопаетъ бичомъ).

Эрлингъ. (Съ балкона). Ну — я сейчасъ, Іоганнесъ. (Снова подходитъ къ окну). Да, тамъ въ трубѣ достаточно воды. Это не душъ. Это цѣлый водопадъ. Это должно быть красиво увидѣть тебя тамъ—среди падающихъ брызгъ.

Карэнъ. Ты думаешь?

Эрлингъ. Да, въ этихъ косыхъ лучахъ солнца.— Но къ жизненной серьезности. (Гладитъ ее). Послѣ завтра я спять съ тобой.

Карэнъ. Такъ кланяйся.

Эрлингъ. Кому?

Карэнъ. Деревьямъ.

Эрлингъ. Я передамъ поклонъ другимъ деревьямъ отъ самаго красиваго ствола во всемъ лѣсу. (Цѣлуетъ ее). Прощай.

Карэнъ. Прощай.

(Эрлингъ уходитъ).

(Карэнъ стоитъ нѣкоторое время посреди комнаты. Лицо ея искажается, глаза растерянно блуждаютъ).

Эрлингъ. (Снаружи). Карэнъ. Прощай, Карэнъ. До послѣ завтра.

Карэнъ. Прощай.

(Слышно, какъ онъ уѣзжаетъ).

Карэнъ. (Спѣшить къ балкону, кричить изо всѣхъ силъ). Эрлингъ, Эрлингъ. Вернись на минутку.

(Ходитъ взадъ и впередъ по комнатѣ).

(Эрлингъ входитъ, онъ съ бичомъ въ рукѣ).

(Мгновенье они стоятъ и смотрятъ другъ на друга. И когда онъ хочетъ заговорить, говорить).

Карэнъ. Ты меня больше не любишь.

Эрлингъ. (Шутя). Ну прощай же, Карэнъ. (Хочетъ идти).

Карэнъ. Отвѣть мнѣ. Ты меня больше не любишь?

Эрлингъ. Да, люблю.

Карэнъ. Ужь не такъ сильно какъ прежде?

Эрлингъ. (Немного размышляетъ, потомъ сдержанно). По другому, чѣмъ прежде.

Карэнъ. (Съ крикомъ). Ударь меня бичомъ. (Дѣлаетъ нѣсколько шаговъ, останавливается, какъ бы пробуждается въ великомъ удивленіи, съ полуулыбкой—подавленно и протяжно, какъ бы обращаясь къ самой себѣ). Ты меня больше не любишь, Эрлингъ Крусэ.

Эрлингъ. Люблю, Карэнъ. (Устремляется къ ней).

Карэнъ. (Опять какъ прежде). Когда ты былъ у меня ночью, этоя тебя нищенски молила.

Эрлингъ. Боже мой, Карэнъ—Такъ же всегда бываетъ въ мірѣ. (Беретъ свой карандашъ, и чертитъ на газетѣ, лежащей передъ нимъ на столѣ).

Карэнъ. Волнообразно.

Эрлингъ. Да. Въ началѣ по-истинѣ этоя былъ несчастнымъ любовникомъ.

Карэнъ. Зачѣмъ же ты взялъ меня тогда, когда я не такъ любила тебя, какъ ты меня? Я боролась—я за жизнь свою вела борьбу.

Эрлингъ. (Спокойно, почти съ нѣкоторой суровостью). Ты жалѣешь?

Карэнъ. (Съ силой). Жалѣю ли, что я была

счастлива? Мнѣ конечно не нужно жалѣть, если я теперь несчастна.

Эрлингъ. (Идетъ къ балкону, говоритъ спокойно). Поставь лошадь на мѣсто, Юганнесъ.

Карэнъ. (Тоже идетъ къ балкону). Не ставь лошадь на мѣсто, Юганнесъ. (Къ Эрлингу). Да, ты можешь нарисовать это—твоимъ педантомъ. (Показываетъ на карандашъ, который Эрлингъ прячетъ въ карманъ).

Эрлингъ. (Тихо и спокойно). Вѣдь ты же знаешь, Карэнъ, что нѣтъ никого, кромѣ тебя, кому бы я радовался.

Карэнъ. Если бы только былъ кто-нибудь, я могла бы ненавидѣть ее, сломать ее, побѣдить ее. Потому что я побѣдила бы ее, можешь въ это повѣрить. Я бы сдѣлала тебя ревнивымъ. Отдавать немножко тѣла и немножко души. Немножко здѣсь, и немножко тамъ. Какъ всѣ другіе. Но я не могу этого. Потому что я люблю тебя. Я люблю тебя.

Эрлингъ. (Дѣлаетъ движеніе къ ней).

Карэнъ. Не трогай меня. Я слушаю и слушаю и я не нахожу никакой помощи. (Нѣжно, почти къ самой себѣ). Я должна была бы найти что-нибудь новое въ моемъ тѣлѣ для тебя—(Бросается на полъ передъ нимъ). Загляни въ себя самого, загляни, не скрылъ ли ты что-нибудь. Вѣдь мы не знаемъ самихъ себя,—какъ

могла я знать, что когда-нибудь я буду лежать здѣсь.

Эрлингъ. Встань, Карэнъ.

Карэнъ. (Наполовину приподымается, качаетъ головой). Зачѣмъ?

Эрлингъ. Это не подходитъ, ни къ тебѣ, ни ко мнѣ.

Карэнъ. Развѣ не должна я молить о моей жизни?

Эрлингъ. (Твердо). Встань.

(Онъ хочетъ помочь ей. Она встаетъ сама, идетъ и садится. Онъ садится на другомъ краю комнаты).

Эрлингъ. (Спокойнымъ кроткимъ тономъ). Я думалъ, что теперь мы настолько уже выросли, чтобы сломать триумфальную арку со всей ея пышностью и цвѣтами и гирляндами, эту арку, что мы построили себѣ тогда, когда мы были въ опьяненіи и вѣрили, что только двое людей насъ во всемъ мірѣ. Ибо другіе есть люди и другія вещи въ мірѣ, кромѣ нашей любви. (Съ силой и сердечно). И если я теперь люблю тебя иначе, чѣмъ въ первое время, такъ это означаетъ, что я люблю тебя сердечнѣе, богаче, человѣчнѣе— мнѣ хочется сказать. Когда я поднимаюсь въ горы, въ лѣсъ, не успѣю я выйти изъ ограды, какъ я уже начинаю томиться по тебѣ. Да, чуть выйду отсюда, какъ я уже радуюсь, что я буду

томиться. Уже въ полдень. А когда я иду тамъ наверху, здоровый и веселый и твердо ступающій, какъ теперь вотъ, этой ранней осенью, когда весь лѣсъ звучить, какъ глубокой звукъ віолончели, я трепещу отъ безконечной радости. Я чувствую себя какъ бы избранникомъ среди людей. Я брожу себѣ и улыбаюсь лукаво на великую мою радостную тайну. Я, это я тотъ, что побѣдилъ въ жизни.

Тамъ на высотахъ я началъ также видѣть тебя яснѣе, чѣмъ когда я былъ вмѣстѣ съ тобой здѣсь или въ городѣ. И чѣмъ яснѣе я тебя видѣлъ, тѣмъ болѣе любилъ я тебя. Вѣдь я зналъ —я вѣрилъ—я зналъ, что вотъ такъ ты сидишь дома и ждешь меня тоже. Я зналъ это. Не правда ли, Карэнъ?

Карэнъ. (Киваетъ головой, не взглянувъ, еле слышно). Да, я ждала.

Эрлингъ. (Встаетъ). Я разрушилъ триумфальную арку того времени, когда ты была единственной и я былъ другимъ единственнымъ. И съ каждою розой, которую я оборвалъ, ты подходила ко мнѣ ближе. (Улыбается). Это была нелегкая работа, много разъ, потому что мы строили прочно. И въ концѣ концовъ я прямо съ наслажденіемъ разрушилъ послѣднія построенья —потому что такъ наконецъ я видѣлъ тебя такой, какъ ты была въ дѣйствительности, такой

правдивой, такой милой, такой гармонической,— да, Карэнъ—потому что твой духъ и твое тѣло какъ будто вмѣстѣ поютъ. (Дѣлая движеніе къ ней). Никогда твоя рука не бывала такой бѣлой и округлой, никогда не видалъ я, чтобъ ротъ твой трепеталъ, какъ тогда, никогда не видалъ я, чтобы глаза твои такъ выявляли любовь, какъ—

Карэнъ. (Какъ прежде). Какъ тамъ на высотахъ въ лѣсу.

Эрлингъ. Какъ тамъ на высотахъ, да. Любая пара опьяненныхъ пичугъ можетъ построить себѣ триумфальную арку. Но по-истинѣ, рѣдко можетъ посчастливиться выстроить себѣ такой очагъ, какъ мой и твой. (Съ сильнымъ волненіемъ). Посмотри кругомъ въ мірѣ. Посмотри на другихъ людей. Посмотри на всѣхъ почти, которыхъ мы знаемъ. (Садится, взволнованный). Да, мнѣ почти кажется, что мы могли бы стать на колѣни и благодарить, благодарить за все, какъ мы получили это.

Карэнъ. (Прячетъ лицо въ сильномъ волненіи).

Эрлингъ. (Садится около нея). И милая Карэнъ—или ты думаешь, что и я не знаю, что въ глубинѣ каждой души есть что-то удивительное, что-то загадочное, о чемъ мы не знаемъ ничего, и съ чѣмъ трудно что-нибудь сдѣлать. Но

именно тутъ-то мы и должны помогать другъ другу. (Обнимаетъ ее за талію). И я такъ счастливъ и такъ гордъ, что я могу вотъ такъ сидѣть съ тобой и уговорить тебя, успокоить. Я чувствую, что это я могу помочь тебѣ, то въ одну минуту, то въ другую, и принести равновѣсіе въ твою душу, послѣ такого кризиса, какъ сегодня. И я могу это, Карэнъ, потому что я научился видѣть тебя такой, какъ ты есть въ дѣйствительности—(улыбается)—когда пьяность прошла.

(Быстро идетъ къ балкону). Іоганнесъ! (Внезапно останавливается, и смѣется). Нѣтъ, ты бы взглянула на Іоганнеса. Онъ себѣ тамъ завалялся спать. Привольное житье!

(Подходить опять къ Карэнъ, въ порывѣ радости).

Карэнъ, Карэнъ, я чувствую, что послѣ этого сегодня придетъ радость къ намъ потокомъ въ новыхъ лучахъ. (Садится около нея, кладетъ ея руку вокругъ своей шеи и прижимаетъ голову къ ея груди). Милая, милая Карэнъ. Какая это радость — положить голову на твою грудь. И когда я закрываю глаза, я вижу это—(Глядитъ на нее). Мы празднуемъ нашъ новый свадебный вечеръ. Какъ въ первый разъ тамъ на горахъ. Мы зажигаемъ свѣчи. Мы ставимъ шампанское на столъ. Мы пьемъ изъ всѣхъ моихъ серебряныхъ бокаловъ. Все, что есть въ домѣ почет-

наго, сюда. (Съ силой прижимаетъ ее къ себѣ). Печаль и все злое сдѣлали тебя въ тысячу разъ красивѣе. Никогда не была ты такой моей, какъ теперь.

Карэнъ. (Мягко высвобождается, идетъ къ балкону и смотритъ туда. Она говоритъ въ началѣ нѣсколько подавленнымъ далекимъ голосомъ). Но я именно тогда была счастлива.

Эрлингъ. Тогда?

Карэнъ. Тогда, когда мы были двумя единственными людьми въ мирѣ.

Эрлингъ. (Какъ будто немного усталый). Но мы же не два единственные человѣка въ мирѣ.

Карэнъ. Я надѣялась на это до сегодняшняго дня.

Эрлингъ. Вѣдь мы не были ими и тогда.

Карэнъ. Мнѣ казалось, что мы были.

Эрлингъ. Не находишь ли ты, что это все вѣрно, то, что я говорилъ тебѣ сейчасъ?

Карэнъ. Да. Къ сожалѣнію.

Эрлингъ. Къ сожалѣнію?

Карэнъ. Потому что это и дѣлаетъ все такъ несказанно безнадежнымъ.

Эрлингъ. Что именно такъ безнадежно?

Карэнъ. То, что ты сегодня сказалъ.

Эрлингъ. Что я болѣе радуюсь тебѣ теперь?

Карэнъ. Чѣмъ тогда, когда ты меня любишь.

Эрлингъ. Любить—любить. Ты должна же быть и немножко благоразумной. Все въ мірѣ, въ природѣ, въ человѣческой душѣ, развивается. Мы становимся другими съ годами, которые уходятъ.

Карэнъ. Тогда это не моя любовь.

Эрлингъ. (Съ нѣкоторой горячностью). Мы же вѣдь не всегда одинаково новы другъ для друга.

Карэнъ. Ты былъ одинаково новымъ для меня—и тѣломъ и душой.

Эрлингъ. Ты это только выдумываешь теперь, воображаешь себѣ. Ни къ чему это не можетъ повести—возставать противъ самой жизни. Да и ты не всегда та же самая. Ты становишься во всякомъ случаѣ другой.

Карэнъ. Да, можетъ быть другой, которой я не знаю, съ которой я не дѣлюсь счастьемъ, съ врагомъ, которому кажется что-нибудь иное о томъ, что было для меня единственнымъ.

Эрлингъ. Но тогда ты тоже придешь къ тому, чтобы смотрѣть на все иначе.

Карэнъ. Какъ это можетъ помочь мнѣ теперь?

Эрлингъ. Ты какъ будто стоишь и гово-

ришь во внѣ въ комнату. Ты говоришь такъ далеко.

Карэнъ. Да.

Эрлингъ. Ты упрямуешь. Ты закрываешь глаза. Ты не хочешь видѣть. Ты не хочешь. (Онъ встаетъ, и стоитъ, наклонившись надъ ней. Карэнъ не отвѣчаетъ, и лишь какъ бы смотреть мимо него). Въ чемъ ты упрекаешь меня?

Карэнъ. Ни въ чемъ.

Эрлингъ. Но тогда вѣдь это правда же ребячество—стоять и толкаться противъ самой жизни.

Карэнъ. Моя жизнь тоже жизнь.

Эрлингъ. Наша жизнь есть жизнь, Карэнъ. (Говорить опять понизивъ голосъ и кротко). Ты съ своею тонкою природой, ты, такая тихая и разумная, неужели же ты не чувствуешь, что это умягченное, кроткое, что было надъ нашею жизнью въ послѣдніе годы, имѣетъ гораздо болѣе внутренней цѣнности, гораздо болѣе чело-вѣческаго достоинства, чѣмъ тѣхъ первыхъ дней. Подумай объ этомъ, спроси себя объ этомъ. Оглянись на себя мыслью. Все, что мы пережили вмѣстѣ въ эти годы, все, что есть у насъ общаго, неужели для тебя это ничего не значитъ? Наши общія радости и наша общая борьба, противъ косности, которую я встрѣчалъ, противъ злой

воли и глупости. А наши воспоминанія. Наши тайны. Наша работа. Наша общая вѣра въ будущее. Нашъ домъ. Нашъ очагъ?

Карэнъ. Что общаго у любви съ домомъ и очагомъ и со всѣмъ этимъ?

Эрлингъ. (Сперва не можетъ отвѣтить). Клянусь, мнѣ страшно. Я тебя не узнаю болѣе. Вѣдь ты же не хочешь все разрушить? Это такъ недѣйствительно, все, что ты говоришь, что я не могу отвѣчать тебѣ.

Карэнъ. (Болѣе прямо, но еще умягченно). Нѣтъ. Это дѣйствительно, что съ каждымъ днемъ и съ каждой ночью ты дѣлалъ шагъ отъ меня. И я слѣдовала за тобой. Шагъ за шагомъ. Кралась за тобой. И я любила тебя больше за каждый шагъ, который ты дѣлалъ, уходя отъ меня. И потому что я любила тебя, и потому что ты уходилъ.

Эрлингъ. Ты больна, Карэнъ.

Карэнъ. Ужъ больше нѣтъ. Болѣе нѣтъ, послѣ сегодняшняго дня, когда ты сказалъ, что ты не любишь меня какъ прежде. Что ты любишь меня иначе. Я это знала и раньше. Ночь за ночью, когда ты спалъ, знала я это. Но я не смѣла знать это.

Эрлингъ. Милая, милая Карэнъ. Вѣдь это что-то, что ты воображаешь себѣ.

Карэнъ. Но сегодня — съ каждымъ пре-

краснымъ словомъ, которое ты говорилъ мнѣ сегодня, ты уходилъ на много шаговъ, все дальше и дальше отъ меня—на высоты въ лѣсъ, къ самому себѣ, далеко прочь за Сѣверныя горы. И я не могу болѣе достягнуть тебя. (Протягиваетъ къ нему искривленные пальцы). И ты не можешь видѣть меня. Ты уходилъ, уходилъ, и ты не видалъ меня.

Эрингъ. Я тебя не видалъ?

Карэнъ. Нѣтъ, ты не видалъ меня.

Эрлингъ. Вѣдь это же только больное воображеніе, которое овладѣло тобой.

Карэнъ. (Поднимаясь). Это больное воображеніе, что ты не видалъ меня?

Эрлингъ. Да. Да. Да.

Карэнъ. Видѣлъ ты меня, ночью, когда я лежала держа мои пальцы у твоей шеи? Видѣлъ ты меня?

Эрлингъ. Карэнъ!

Карэнъ. (Дѣлая движеніе). Вотъ такъ! (Дѣлаетъ движеніе). И готова была сдавить ихъ. Ночь за ночью. Я не могла остановить тебя, когда я еще достягала тебя.

(Стоять и пристально смотреть другъ на друга.

Немного спустя).

Карэнъ. (Напѣвно). Вѣдь это я была. Дѣйствительная. (Немного спустя, съ силой). Это ты

былъ тотъ, что далъ мнѣ все счастье земли. И ты долженъ былъ умереть.

Эрлингъ. (Наконецъ). Это здѣсь въ нашей комнатѣ—(дѣлаетъ указующее движеніе рукой)—въ моей и въ твоей комнатѣ. Это ты и я, что стоять и говорить вмѣстѣ. (Со вспышкой). Но вѣдь это же сумасбродство.

Карэнъ. Но это сумасбродство есть я. И триумфальная арка и чувственное опьяненіе и большое воображеніе есть я. Я цѣликомъ. Но для меня все это есть жизнь, дѣйствительная жизнь, единственная, которую стоитъ жить. Ибо мнѣ нѣтъ никакого дѣла до твоихъ деревьевъ и твоихъ книгъ и твоей работы для людей и для страны, помимо любви твоей. Мнѣ кажется, что одно только серьезно — это то, что мы любили другъ друга. Мнѣ кажется, что все, что не есть наша любовь, противно, противно, противно. Чтѣ въ томъ, если мы были несчастливы до глубины души, когда мы любили другъ друга? (Съ силой и четко). Тогда ты любишь меня—не теперь, когда ты стоишь тамъ въ лѣсу и томишься — тогда я чувствовала жизнь, прекрасную опасную жизнь съ смертью надо мной. Тогда все было торжественно и лучезарно. Тогда все было свѣтло и разумно, и я все понимала—все было мнѣ дорого—твои деревья и твой карандашъ, потому что все было

само собою и ликующе безразлично, всюду было лишь тысяча радостных малостей, увеличивавших могучія вѣчныя волны, которыя несли насъ, двухъ единственныхъ людей въ міръ. (Болѣе сильно и съ бурной сердечностью). И сладостный, сладостный смыслъ былъ, мысль, что я живу.

(Немного помедливъ, она поднимаетъ руки высоко, какъ бы въ испугѣ). А теперь! Здѣсь стою я въ этотъ ясный страшный вечеръ, въ этой пустынной тишинѣ — — я стою какъ чужая для самой себя — какъ холодный камень, что морозитъ мою душу. (Дико и страстно). О, если бѣ я стояла въ пустынѣ съ сотнями тысячъ песчинокъ — съ милліонами звѣздъ надо мной. Я одна. Нагая. Ни одной перевязи. И левъ шель бы на меня — — такъ чтобы снова могла я почувствовать, что жизнь кипитъ во мнѣ и что смерть грозить.

Эрлингъ (который пристально смотрѣлъ на нее, безгласно, наконецъ говорить глухимъ, глубокимъ, почти дѣтскимъ голосомъ, какъ будто бы онъ не привыкъ говорить). Не могу ли я помочь тебѣ, Карэнъ?

Карэнъ. (Спокойно, холодно). Нѣтъ. Поѣзжай въ горы, въ лѣсъ. Тамъ энтузіасты дома. Любовь не для нихъ. Въ ней нуждаются лишь мужчины и женщины, которые могутъ любить. Ты не могъ бы, маленькій Эрлингъ.

Эрлингъ. (Почти умоляя). О, Карэнъ.

Карэнъ. (Дико и снова страстно). Ты хотѣлъ бы меня видѣть раздѣтой. Тамъ подъ душемъ. Въ косыхъ лучахъ солнца. Вотъ ты видишь меня. Безстыдно раздѣтой. Безъ благопристойности. Я обнажила все. Видишь ты меня теперь? Видишь ты распутницу?

Эрлингъ. (Закрываетъ лицо руками).

Карэнъ. (Испускаетъ долгій вздохъ. Потомъ идетъ къ Эрлингу, смотритъ на него съ полунасмѣшливой, полускорбной улыбкой). Теперь я пустая.—(Снова раздражаясь). Пока ночь не захватитъ меня опять своимъ чернымъ коловцемъ. (Потомъ почти нѣжно). Вѣдь это же не твоя вина, Эрлингъ.

Эрлингъ. (Поднимаетъ голову, сердечно и твердо). Я этого не понимаю. Я чувствую себя нищимъ и маленькимъ. Но это оттого, что я не понимаю. Я не зналъ, что это тутъ было.

Карэнъ. Нѣтъ, откуда бы ты могъ это знать?

Эрлингъ. (Встаетъ, съ силой и страстью, идетъ къ ней). И я люблю тебя. Люблю тебя, такъ смогу оборвать крылья у дикой птицы, которая сидитъ на развалинахъ нашего сожженного дома.

Карэнъ. — (смотреть на него пылающими

глазами, съ выраженіемъ дикой радости, отъ ожиданія почти не можетъ дышать). Эрлингъ!

Эрлингъ. Но я не могу. Я не могу, потому что я люблю тебя. (Садится побѣжденный).

Карэнъ. (Снова тихо и спокойно). Да, Эрлингъ. Но такъ ты и долженъ дѣлать то, о чемъ я попрошу тебя—ты это сдѣлаешь?

Эрлингъ. Да—все.

Карэнъ. Такъ я прошу тебя, не поѣдешь ли ты на посадки деревьевъ.

Эрлингъ. Нѣтъ.

Карэнъ. Но ты обѣщала.

Эрлингъ. Нѣтъ, я не поѣду.

Карэнъ. Я очень тебя объ этомъ прошу.

Эрлингъ. Ты думаешь, что я оставлю тебя теперь?

Карэнъ. Это очень мило съ твоей стороны. Но теперь ты спокойно можешь оставить меня. Мнѣ такъ хочется нѣкоторое время побыть одной.

Эрлингъ. Я буду въ другой комнатѣ. Ты совсѣмъ не увидишь меня.

Карэнъ. Это не то. Я хочу чувствовать себя одной.

Эрлингъ. (Съ тоской). Я не могу.

Карэнъ. Когда такой кризисъ, или какъ я должна назвать это, прошелъ, такъ онъ прошелъ. Ты знаешь, мы, женщины, преувеличиваемъ

такъ легко. Теперь я тебя прошу быть разумнымъ. Намъ обоимъ нужно побыть наединѣ съ собой. Ты поѣдешь въ горы на посадки деревьевъ и подышешь чистымъ воздухомъ. Я останусь здѣсь и возьму холодный душъ. (Съ усмѣшкой). Это мнѣ прежде всего нужно—не правда ли, душа моя и тѣло будутъ опять тогда пѣть вмѣстѣ. А когда мы опять встрѣтимся послѣ завтра, мы будемъ совсѣмъ другими людьми. (Идетъ къ балкону). Іоганнесъ — онъ идетъ! (Смѣясь). Боже мой, какая идиллія разрушена. (Цѣлуетъ Эрлинга). Ну, прощай.

Эрлингъ. Я не могу остаться?

Карэнъ. Нѣтъ, Эрлингъ.

Эрлингъ. (Беретъ ее за руку). Карэнъ — (Прерываетъ себя). Нѣтъ, я не буду ничего говорить.

Карэнъ. Ничего и не нужно. Я чувствую, что ты чувствуешь. (Немного помедливъ). И никогда не думай иначе обо мнѣ.

Эрлингъ. (Улыбается, но все лицо его дрожитъ. Уходитъ).

Карэнъ. (Стоитъ посреди комнаты—безпокойно).

(Немного спустя слышно).

Эрлингъ. (Снаружи). Карэнъ.

Карэнъ. (Идетъ къ балкону). Да.

Эрлингъ. Брось мнѣ мой бичъ.

Карэнъ. (Спѣшитъ къ стулу, на которомъ лежитъ бичъ. Вдругъ останавливается. Одумывается. Снова идетъ къ балкону. Весело смѣясь). Ты можешь послать за нимъ Іоганнеса.

(Немного спустя входитъ Іоганнесъ).

Іоганнесъ. Стенѣтъ, прежде чѣмъ мы выйдемъ.

(Карэнъ показываетъ на бичъ. Іоганнесъ беретъ его и уходитъ).

Эрлингъ. (Немного спустя). Прощай, Карэнъ.

Карэнъ. (Около балкона, но не показываясь). Прощай. (Машетъ платкомъ).

(Слышно, какъ Эрлингъ уѣзжаетъ).

Карэнъ. (Вздрагиваетъ). Онъ уѣзжаетъ. (Она выпрямляется. Стоитъ неподвижно и гордо и упрямо. Потомъ члены ея размягчаются. Она складываетъ руки). О, Боже, Боже! (Она падаетъ на стулъ и прячетъ свое лицо).

(Немного спустя входитъ Служанка справа).

Служанка. Тамъ внизу какой-то господинъ спрашиваетъ фруэ.

Карэнъ. (На видъ совершенно спокойно). Кто это?

Служанка. Я не знаю его.

Карэнъ. Окружный судья?

Служанка. Нѣтъ, я не знаю его. Онъ пришелъ какъ разъ когда Іоганнесъ повернулъ за уголъ.

Карэнъ. Онъ меня спрашивалъ?

Служанка. Онъ спрашивалъ и господина лѣсничаго и фруэ.

Карэнъ. Попроси его войти.

(Карэнъ выходитъ въ первую дверь направо. Служанка выходитъ во вторую дверь на той же сторонѣ). (Мгновенье спустя, приходитъ Гартвигъ Гадэльнъ. Онъ отложилъ отъ себя шляпу и дорожную свою сумку на стулъ, стоитъ минутку около двери. Замѣчаетъ бюстъ Карэнъ. Смотритъ на него. Проводитъ рукой по его щекѣ). (Между тѣмъ дверь въ комнату къ Карэнъ оставалась открытой. Видно, какъ она выглянула, и затѣмъ закрыла дверь).

(Немного спустя входитъ Карэнъ. Она въ длинномъ купальномъ платьѣ. Она тихонько подходитъ сзади него).

Карэнъ. Наконецъ-то вы нашли сюда дорогу. (Протягиваетъ ему обнаженную до плеча руку). Я сейчасъ вернусь. Я только сойду внизъ, и обновлюсь въ водѣ. (Уходитъ налѣво).

(Немного спустя слышенъ душъ).

Карэнъ. Гадэльнъ!

Гадэльнъ. (Вздрагиваетъ, но продолжаетъ стоять на мѣстѣ). Да.

Карэнъ. (Немного спустя). Гадэльнъ!

Гадэльнъ. (Идетъ къ окну).

Карэнъ. (Въ то же самое время). Не прекрасно ли это? Въ косыхъ лучахъ солнца?

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Поздно ночью въ тотъ же день.

Та же самая комната.

Свѣтъ зажженъ на столѣ, впереди. Шампанское и фрукты.

Широкія двери балкона открыты, но портьеры спущены.

Карэнъ, одѣтая въ легкое домашнее платье, сидитъ у стола.

Гадэльнъ въ сильномъ волненіи ходитъ взадъ и впередъ по комнатѣ. Онъ оживленъ, разгоряченъ.

Гадэльнъ. И вы меня для этого выбрали, рѣшились мнѣ довѣриться, посвятить меня въ вашу тайну,—я какъ бы самъ почти былъ свидѣтелемъ, почти былъ участникомъ всего замѣчательнаго, что произошло сегодня вечеромъ. Какъ смогу я выразить вамъ признательность за это довѣріе, за эту дружбу.

Карэнъ. Я же всегда чувствовала, что вы мой другъ.

Гадэльнъ. Но смотрите, какъ мало я объ

этомъ зналъ. Я ничего не угадывалъ, ничего не видалъ — о, я былъ дурной другъ.

Карэнъ. Нѣтъ, вы совсѣмъ не дурной другъ, Гадэльнъ — вы слушали меня такъ хорошо.

Гадэльнъ. (Радостно). Я слушалъ васъ такъ хорошо? Благодарю. Благодарю.

Карэнъ. И вы спрашивали, такъ что было легко отвѣчать. И вы глядѣли на меня вашими глазами, такъ что я понимала, что я сказала что-нибудь другое, не то, что было, и вы останавливали меня. Мнѣ хорошо также было, можете въ это вѣрить, быть въ состояніи говорить о томъ, что произошло. Это почти—какъ будто все стало другимъ.

Гадэльнъ. (Невольно, останавливаясь). Нѣтъ, нѣтъ. Не другимъ все-таки.

Карэнъ. Немного легче во всякомъ случаѣ.

Гадэльнъ. (Ходить опять). И какой онъ большой и сильный въ своемъ довѣріи, Эрлингъ. (Улыбается немного). И я тоже зову его Эрлингъ.

Карэнъ. Да, потому что онъ никогда не лжетъ.

Гадэльнъ. Такой стойкій и съ такою вы собою духа, такой слѣпой и такой мужественный.

Карэнъ. Но оно настоящее — шампанское, которое мы должны были пить, когда я рассказывала мою сказку.

Гадэльнъ. Сказка, да. Именно сказка. Потому что это такъ прямо и такъ рѣдкостно въ то же самое время.

(Карэнъ протягиваетъ ему бутылку. Онъ пытается открыть ее. Ему не удается. Онъ оставляетъ ее и начинаетъ опять ходить взадъ и впередъ).

Гадэльнъ. Да, это самый богатый часъ, который я пережилъ.

Карэнъ. (Смотритъ на него, потомъ). Шампанское!

(Гадэльнъ снова дѣлаетъ попытку).

Карэнъ. А вы ее ножомъ.

Гадэльнъ. Нѣтъ, я не могу. Намъ нужно позвать служанку.

Карэнъ. Служанка уже легла нѣсколько часовъ тому назадъ. (Беретъ бутылку). Вы, конечно, никогда не откупоривали ни одной бутылки шампанскаго.

Гадэльнъ. Нѣтъ.

Карэнъ. Можетъ быть и не пили?

Гадэльнъ. Нѣтъ, часто. Довольно часто во всякомъ случаѣ.

Карэнъ. (Наливаетъ стаканы, улыбаясь поднимаетъ свой стаканъ). Такъ за счастливый исходъ любовной борьбы.

Гадэльнъ. (Почти со страхомъ, какъ бы отстраняя это отъ себя). Нѣтъ—нѣтъ, нѣтъ. Не

будемъ объ этомъ думать теперь—теперь, когда все такъ торжественно вокругъ насъ. (Немного спустя, цитируя). Оборвать крылья у дикой птицы, которая сидитъ на развалинахъ нашего сожженного дома.

Карэнъ. (Садится, немного усталая). Я и это рассказала. Да, я рассказала все, что было, чтобы ничего не забыть. (Идетъ къ балкону. Тишина). Теперь уже такой поздней часъ, что сегодня онъ не можетъ вернуться назадъ.

Гадэльнъ. Онъ думаетъ, что все должно устроиться къ лучшему. Онъ ходитъ и томится тамъ на высотахъ среди своихъ деревьевъ.

Карэнъ. (Невольно). И уходитъ все дальше и дальше.

Гадэльнъ. (Почти вдохновенно) Да. Да. И не подозрѣваетъ этого. Онъ идетъ къ неизвѣстному и въ неизвѣстное. Онъ не покончилъ со всѣмъ, каждый разъ что-то приходитъ. Для него новое ново. Онъ не крохоборникъ какъ я, который ходитъ и смотритъ и глядитъ на все со всѣхъ сторонъ, какъ старый скряга.

Я долженъ смѣяться самому себѣ въ лицо, когда я подумаю, что я ходилъ здѣсь цѣлыми годами, и мнѣ казалось, что люди были слишкомъ малы и некрасивы для меня. Для меня. Я просто не зналъ ихъ. Я ихъ не видѣлъ. Я видѣлъ только себя самого въ зеркалѣ моей суетности. Я хо-

дилъ и готовилъ пригодныя для борьбы, новыя формы для цѣльныхъ людей, какъ я называлъ это. И когда я такъ вышелъ въ жизнь и мои формы не подошли, я былъ обмануть—но радостно обмануть, понимаю я теперь. И я снова замкнулся въ себѣ, гордый и полный презрѣнія—нѣтъ, бѣжалъ, бѣжалъ какъ трусливая собака.

Когда я ходилъ изъ города въ городъ, изъ страны въ страну, образовались сами собою эти формы, пока я ходилъ и пристально смотрѣлъ на нихъ слѣпыми глазами. Я сочинялъ ихъ самъ, но иногда я бралъ старыя умершія и перерабатывалъ ихъ—искажалъ ихъ. И иногда я бралъ немногихъ живыхъ людей, которыхъ я встрѣчалъ, и перерабатывалъ ихъ выдающіяся личныя свойства, дѣлалъ ихъ болѣе сильными, выдающимися. воображалъ я себѣ.

Я прилаживалъ и то и это, втеченіи двухъ-трехъ лѣтъ—сочинялъ и прикрашивалъ и рубилъ и подпиливалъ. И на днѣ моей души была тайная радость, что однажды я къ вамъ явлюсь во всемъ своемъ великолѣпїи. Вы должны были униженно пасть на колѣни, когда бы я показалъ вамъ мой тайный кладъ, мое богатое сокровище, мои гордая человѣческія формы. И вы должны были воскликнуть ко мнѣ, въ тоскѣ и съ мольбой: Смотри, смотри, какой ты человѣкъ! И смотри, какъ не такой я человѣкъ—но какъ я могъ бы

быть таковымъ, если бы я подошелъ къ твоимъ героическимъ формамъ! (Его глаза свѣтятся). А теперь!—въ первый разъ я протягиваю руки впередъ, какъ вотъ все это увяло, рассыпалось прахомъ, пылью, пылью все стало. Я стою съ двумя своими бѣдными пустыми руками. Вся кунсткамера рассыпалась мусоромъ, не соберешь—исчезла какъ туманъ передъ солнцемъ и жизнью. (Съ высокою радостью). И поэтому—никогда я не чувствовалъ себя такимъ вольнымъ и радостнымъ и богатымъ какъ теперь.

Карэнъ. (Улыбается). И все это потому, что я несчастна?

Гадэльнъ. (Продолжаетъ). Да, никакое стихотвореніе не могло достигнуть того, во что я заглянулъ сегодня.

Карэнъ. Вы какъ бы получили новый сюжетъ.

Гадэльнъ. (Возрастающимъ тономъ). Да, да. Но не только это. Я уже болѣе не стою внѣ. Я самъ сдѣлался звеномъ въ жизни. Мнѣ кажется что-то. Два человѣка побѣдили меня. Я увидалъ два живыя существа, которыя возникли въ воздухѣ, прямо—прямо въ воздухѣ, какъ два удивительные, бѣлые, прямоствольные цвѣтка—нѣтъ, нѣтъ, какъ два большіе красивые человѣка. Они наклонились другъ къ другу и они отклонились другъ отъ друга и они выросли

дальше, и выше, не нанося ущерба душѣ своей, не теряя своей красоты, не пятная одинъ другого—высоко, высоко, къ небу.

Карэнъ. (Немножко нетерпѣливо). И что хотите вы дѣлать теперь со всѣмъ этимъ—со всей этой красотой, со всѣмъ этимъ торжественнымъ, какъ вы говорите? Только идти дальше въ далекихъ вашихъ странствіяхъ и думать объ этомъ?

Гадэльнъ. Да, я пойду и я обовьюсь вокругъ этого. Быть можетъ и я когда-нибудь смогу участвовать—смогу идти къ неизвѣстному (Садится).

Карэнъ. (Быстро идетъ къ балкону). Тссъ. (Слушаетъ, протянувъ голову. Возвращается и садится прямо передъ нимъ). Но вы сами?

Гадэльнъ. Я самъ—что разумѣете вы?

Карэнъ. Вѣдь и вы также живой человѣкъ, который сидитъ вотъ здѣсь съ своими глубокими, глубокими глазами и пристально смотритъ на меня такъ, что мои должны уклоняться.

Гадэльнъ. (Смотритъ на нее, въ тихомъ и сильномъ волненіи). Если бы у меня была теперь печаль, это была бы уже не мертвая печаль, которая гнѣздится въ сердцѣ и бродитъ и гнѣтъ въ сердцѣ. Но живая красивая печаль. (Встаетъ). Прощайте, фру Карэнъ.

Карэнъ. (Быстро встаетъ). Вы хотите ухо-

дить? Вы съ ума сошли? Вы тоже хотите бѣжать, вы, боящійся жизни человекъ?

Гадэльнъ. (Почти въ страхѣ). Видите вы это? Да, я трусливъ. Жалко трусливъ. Я думалъ, что я долженъ ускользнуть.

Карэнъ. (Надъ нимъ, съ силою взгляда). Отъ чего, думали вы, вы должны были бы ускользнуть?

Гадэльнъ. Я боюсь близко подойти къ развязкѣ.

Карэнъ. (Какъ прежде). Какой развязкѣ?

Гадэльнъ. (Ломаетъ свои руки). Если вы любите его и онъ любить васъ—и все же вы никогда не можете достигнуть другъ друга, тогда—тогда—

Карэнъ. (Идетъ къ раскрытому старому шкафу, беретъ два серебряные бокала. Когда она подходитъ опять къ столу, она внезапно останавливается, съ бокаломъ въ каждой рукѣ. Идетъ къ балкону. Слушаетъ, протянувъ голову. Снова идетъ къ столу). Вы думаете, онъ прѣхалъ бы, если бы онъ любилъ меня?

Гадэльнъ. Нѣтъ, когда вы спрашиваете меня, я не могу этого понять. Но быть можетъ, если бы онъ самъ объяснилъ мнѣ—

Карэнъ. (Прерывая). Или любишь, или не любишь.

Гадэльнъ. Но вы же сами его просили.

Карэнъ. Просила его—просила его. Ну, теперь выпьемъ съ вами вмѣстѣ бокаль. Серебряный бокаль. (Наливаетъ). Все, что есть почетнаго, сюда. Ваше здоровье, простодушное, глубокомысленное дитя, нуждающееся въ помощи и заботѣ болѣе, чѣмъ я въ нихъ нуждаюсь.

Гадэльнъ. (Сжимаетъ голову своими руками). О, фру Карэнъ—Карэнъ.

Карэнъ. (Тихо, нѣжно, какъ будто она ждала, что онъ скажетъ что-нибудь). Да.

Гадэльнъ. О, какъ вы любите его.

Карэнъ. (Тѣмъ же тономъ, съ налетомъ насмѣшки). А вы такъ отъ этого несчастны?

Гадэльнъ. (Быстро взглядываетъ на нее). Нѣтъ, нѣтъ. Не думайте такъ.

Карэнъ. (Отходитъ отъ него нетерпѣливо. Возвращается назадъ. Становится прямо передъ нимъ). Нѣтъ. Нѣтъ. Послушайте. Я не люблю его. Такого, какъ онъ стоялъ здѣсь, слабый большой человѣкъ со слезами на глазахъ. И не такого, какъ онъ стоялъ противъ меня съ бичомъ въ рукѣ.

Гадэльнъ. (Встаетъ). Съ бичомъ?

Карэнъ. Да, съ бичомъ. И онъ не любитъ меня. Его сожительницей была я. Для него было удобно имѣть меня въ своемъ благоустроенномъ домѣ—чувственнымъ сотоварищемъ была я.

Гадэльнъ. И вы—у васъ не находилось

словъ, чтобы сказать, какъ онъ былъ правдивъ и честенъ, какъ полонъ онъ былъ тонкости и вниманія—какъ онъ любилъ васъ, по своему.

Карэнъ. Да, по своему. Какъ часть своего благополучія. Какъ что-то — какъ что-то красивое, безъ чего онъ не могъ обойтись. Но развѣ онъ меня видѣлъ? Развѣ были у него глаза для того, что я чувствовала и чѣмъ болѣла? Развѣ онъ зналъ о моихъ слезахъ въ ночи? или о всѣхъ моихъ мертвыхъ улыбкахъ днемъ? Видѣлъ ли онъ, что они были мертвыя?

Гадэльнъ. (Съ жаромъ). Онъ долженъ былъ научиться у жизни. Мы не знаемъ всего сразу.

Карэнъ. (Все съ большей и большей горячностью). Нѣтъ, мы знаемъ все сразу. Мы не можемъ ходить здѣсь въ жизни вокругъ и около и дѣлать опыты съ представленіемъ, которое не приходитъ никогда.

Я думаю также, что онъ видѣлъ, что онъ подозрѣвалъ, какъ обстоитъ это со мной. Но онъ не хотѣлъ видѣть. Онъ не смѣлъ видѣть. Это пугало его. Онъ надѣялся, что это пройдетъ. Что моя любовь сомнетъ меня, и я пригнетусь къ землѣ. И онъ долженъ былъ бы—благородно поднять меня. Онъ былъ трусъ—онъ не былъ полонъ тонкости и вниманія. Какъ вы.

Гадэльнъ. (Съ серьезностью и силой). Вы, не смѣете говорить дурно объ Эрлингъ Крусэ

послѣ того, какъ вы научили меня радоваться на него. Вы чувствуете себя оскорбленной въ своей любви, и вы говорите зло. Я не такъ низокъ, я не хочу быть соучастникомъ. А я имъ буду, если я буду слушать, когда онъ не можетъ защищаться.

Карэнъ. (Съ короткимъ холоднымъ смѣхомъ). Кто отсутствуетъ, не существуетъ.

Гадэльнъ. (Смотритъ печально на нее, потомъ). Я понимаю, что вы скребете по дну— что вы ищете новыхъ силъ, чтобы жить жизнь имъ.

Карэнъ. (Съ силой). Новая сила тамъ. Я чувствую ихъ. Новая сила взять жизнь, какъ она есть.

Гадэльнъ. (Сердечно). Не говорите такъ, все это некрасиво. Не отнимайте у меня все то, что вы мнѣ дали. Дозвольте мнѣ видѣть васъ опять во всей той высотѣ, спокойствіи, красотѣ, какъ это было за минуту. Вѣдь это единственное, единственное, что осталось для меня въ жизни.

Карэнъ. Вы должны были слѣдить, медленно слѣдить за нашимъ несчастіемъ — Эрлинга и моимъ, пока вы сидѣли и нуждались въ зрѣлицѣ. Быть можетъ только для того, чтобы вы могли написать объ этомъ стихотвореніе.

Гадэльнъ. (Изумленъ, но наконецъ говорить, въ сильномъ волненіи). Да, быть можетъ

и я тоже игралъ. Но это было не важнѣйшее. Потому что Карэнъ—Карэнъ—

Карэнъ. Да, потому что вы любите меня.

Гадэльнъ. Люб—развѣ я когда-нибудь это слово—(Короткая пауза). О, если бы я никогда не приходилъ сюда!

Карэнъ. (Жестко, съ той же самой холодной улыбкой въ глазахъ). Это рѣдкостно, что вы не пришли раньше.

Гадэльнъ (Садится побѣжденный).

Карэнъ. Поэтому также я позвала васъ, когда я стояла подъ душемъ.

Гадэльнъ. (Думаетъ, потомъ). Я забылъ—

Карэнъ. О, это сидитъ въ бѣдняжкѣ мужчинѣ, если даже онъ объ этомъ ничего не знаетъ.

Гадэльнъ. (Встаетъ, ходитъ безвольно назадъ и впередъ).

Карэнъ. (Слѣдить за нимъ глазами. Наконецъ, холодно и жестко). Ну?

Гадэльнъ. (Вздвогнувъ, быстро устремляется къ ней. Одумывается. Отходить отъ нея).

Карэнъ. (Со скрещенными руками, какъ прежде). Ну?

Гадэльнъ. (Снова устремляется къ ней). Одно видѣлъ я сегодня. Одно чувствую я въ глубинѣ души своей—одно, что наполняетъ меня ликованіемъ, которымъ я не могу владѣть.

Карэнъ. (Съ напряженіемъ). И это—это?
Гадэльнъ. Я вижу это въ вашихъ дикихъ
глазахъ.

Карэнъ. Что вы видите? Говорите же!

Гадэльнъ. Что любовь убиваетъ.

Карэнъ. (Вздрагиваетъ). Она убиваетъ?

Гадэльнъ. Всегда.

Карэнъ. Кого убиваетъ она?

Гадэльнъ. (Медлитъ). Кого-нибудь. Одного
или другого.

Карэнъ. Кого, спрашиваю я?

Гадэльнъ. Того, кто не можетъ сжаться
въ маломъ—того, кто не можетъ привыкнуть
любить. (Сильнѣе и сильнѣе). И это не вы. Вы
этого не можете. Вы сильны. Но она сильнѣе.
Вы въ ея власти. Она захватила васъ, владѣтъ.

Карэнъ. И это-то васъ наполняетъ такимъ
ликованіемъ?

Гадэльнъ. (Его лицо искажается. Его ротъ
какъ бы остается неподвижно-искривленнымъ.
Но онъ объятъ сильной и свѣтлою радостью). Да.

Карэнъ. (Пристально смотритъ на него.
Почти незамѣтная улыбка скользитъ по ея лицу).

Гадэльнъ. (Садится. Онъ качаетъ головой).
Зачѣмъ я здѣсь? Зачѣмъ не оставался я съ
моими бѣдными формами—у моихъ искаженныхъ
людей? Когда я вхожу въ свѣтъ, я всегда при-
хожу въ сумасшедшее мгновеніе. Простите меня.

Я этого не думалъ. Это было лишь дурное внушеніе. Вы стояли такъ мертвенно-холодно передо мной и раздражали меня. Это была только словно вспышка всей той голодной зависти, всей той безсильной надменности, которая овладѣваютъ, когда бродишь такъ одиноко и хочешь быть правдивѣе и честнѣе, чѣмъ другіе люди. Вѣрьте мнѣ, вѣрьте мнѣ—это лишь были ядовитыя слова, потому что они были такія сіяющія, такъ волшебны полны они были жизни и крови.

И я, который хотѣлъ вамъ всего добраго, я только причиняю вамъ зло. Простите меня. Простите меня.

Карэнъ. (Тихонько подошла къ нему, чего онъ не замѣтилъ. Стоитъ надъ нимъ. Кротко и тихо). О, какой у васъ нѣжный голосъ.

Гадэльнъ. (Дрожитъ всѣмъ тѣломъ).

Карэнъ. Онъ какъ будто ласкаетъ меня. Ласкаетъ меня тихо и нѣжно по щекѣ. Ласкайте меня. (Беретъ его руку). Тонкая бѣлая рука. У васъ не руки лѣсника. Съ корою на нихъ. Ласкайте меня. (Она проводитъ его рукою по своей щекѣ).

Гадэльнъ. (Слабо, какъ бы отклоняя). Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ.

Карэнъ. Какой миръ это даетъ, какое спокойствіе. Какъ сладостно чувствовать, что все

въ васъ поднимается ко мнѣ. Такъ нѣжно, такъ нѣжно.

Гадэльнъ. (Слабо). Вѣдь я же только случайный, что прошелъ мимо вашей двери.

Карэнъ. (Тѣмъ же самымъ тономъ). Развѣ не все случайно, Гартвигъ Гадэльнъ, когда любовь готова? (Немного спустя). Тогда тамъ наверху, въ горной усадьбѣ, я тогда не любила его. Онъ принудилъ меня. Хоть я борслась. О, какъ иначе. (Она гладитъ его по головѣ). Вы меня не принуждаете. Вы какъ нѣжный воскъ, гдѣ я еще могу получить позволеніе отпечатлѣться, такъ, какъ я есмь. Вы думаете,—вы дѣлаете другимъ зло. А вы сами тотъ, кто страдаетъ наиболѣе. Вы понимаете все. О, какъ мнѣ хочется помочь вамъ и утѣшить васъ.

Гадэльнъ. (Жалобно). О, Карэнъ, Карэнъ—зачѣмъ говорите вы все это? Вы, вѣдь вы—его въ вашей душѣ и въ каждомъ трепетѣ вашего тѣла.

Карэнъ. (Тихо). Мы болѣе не живемъ вмѣстѣ какъ мужъ и жена. (Тихо отходитъ отъ него. Идетъ къ балкону, смотритъ оттуда).

Гадэльнъ. (Взглядываетъ вослѣдъ ей. Устремляется къ ней, крѣпко сжимаетъ ее въ своихъ рукахъ. Отклоняетъ ея голову назадъ, цѣлуетъ ее съ дикимъ порывомъ). Да. Да. Я люблю тебя. Я люблю тебя. Я люблю тебя.

(Карэнъ не оказываетъ никакого сопротивленія).

(Гадэльнъ выпускаетъ ее на мгновенье).

(Карэнъ стоитъ тихо и неподвижно).

Гадэльнъ. (Глядитъ на нее долго. Потомъ съ крикомъ). Чтѣ я сдѣлалъ. Только теперь я вижу, какъ бездонно несчастны вы.

Карэнъ. (Неподвижно и тихо, почти не въ себѣ). Такъ я томлюсь еще больше по нѣжности, по любви, чтобы отдаваться безконечно—безконечно. (Хватается за голову, шатается. Внезапно съ сильной вспышкой).

И его нѣтъ здѣсь. (Разражается рыданіями). Почему его нѣтъ здѣсь? (Падаетъ на стулъ).

(Гадэльнъ стоитъ съ нерѣшимости—растерянно смотреть кругомъ).

(Слышно, что кто-то ѣдетъ).

(Она встаетъ. Они оба стоятъ и слушаютъ).

(Ѣдущій приближается, онъ все ближе).

Голосъ Эрлинга. (Издалека). Карэнъ. Карэнъ. (Немного спустя ближе). Карэнъ.

(Карэнъ хочетъ отвѣтить. Она не можетъ. Ея челюсти дрожатъ).

(Внезапно она гаситъ свѣчи, такъ что становится полутемно).

Карэнъ. (Къ Гадэльну). Сядьте здѣсь. (Показываетъ на софу. Идетъ сама, чтобы сѣсть на софу).

Голосъ Эрлинга. (Почти рядомъ). Карэнъ, ты тамъ?

Карэнъ. (Какъ бы перемѣнивъ рѣшеніе). Нѣтъ. (Овладеваетъ собой). Выйдите на балконъ. Стойте тамъ, пока я васъ не позову.

Гадэльнъ. Но—

Карэнъ. Это первый и быть можетъ—последній разъ, что я васъ прошу.

(Гадэльнъ выходитъ на балконъ).

(Карэнъ стоитъ посрединѣ комнаты, въ глубинѣ).

(Эрлингъ бурно входитъ).

Эрлингъ. Я не могъ. Не сердись на меня. Я долженъ былъ домой къ тебѣ. Я томился и томился и сидѣлъ и думалъ и думалъ о тебѣ въ пустынь со всѣми звѣздами надъ тобой.

Карэнъ. Нагая?

Эрлингъ. (Хочетъ взять ея руку и обнять ее).

Карэнъ. Ты приходишь поздно.

Эрлингъ. Я торопился.

Карэнъ. Слишкомъ поздно.

Эрлингъ. Слишкомъ поздно?

Карэнъ. Нужно уловить настоящій мигъ, здѣсь въ этомъ короткомъ мірѣ.

Эрлингъ. (Хорошенько не слыша и не понимая). И кто это здѣсь? Служанка сказала, что здѣсь былъ чужой. (Смотритъ на столъ, приближается къ нему немного). Кто это, Карэнъ? (Такъ

какъ она не отвѣчаетъ, онъ говоритъ, улыбаясь). Или это тайна? (Немного спустя). Ты такъ — — что это такое?

Карэнъ. Ты видишь, мы поставили шампанское на столъ. Всѣ серебряные бокалы здѣсь. Все, что есть почетнаго.

Эрлингъ. Но, Карэнъ, я хорошенько не понимаю —

Карэнъ. Я праздновала мой новый свадебный вечеръ.

Эрлингъ. (Неувѣренно). Это шутка, это удивительная шутка. (Идетъ къ ней. Нѣжно). Ты больна, Карэнъ.

Карэнъ. Я вольная. Мы перестали жить вмѣстѣ.

Эрлингъ. Мы перестали жить вмѣстѣ?

Карэнъ. Да—ты такъ далекъ отъ меня.

Эрлингъ. (Лишь смотритъ вопросительно на нее).

Карэнъ. Развѣ я не свободна? Развѣ я не владыка надъ моею душой и надъ моимъ тѣломъ? Развѣ я не сказала тебѣ, передъ тѣмъ какъ ты уѣхалъ, что я безстыдно раздѣта, безъ благопристойности?

Эрлингъ. Я не понимаю—

Карэнъ. (Идетъ впередъ. Показываетъ на софу. Съ сверкающими дикими глазами). Тутъ! — Вотъ тутъ это произошло.

(Эрлингъ устремляется къ ней).

(Она хватается охотничий ножъ, который виситъ на стѣнѣ).

Карэнъ. Почему у тебя нѣтъ бича съ собой?

Эрлингъ. (Испускаетъ хриплый крикъ, словно ужаснувшись на то, что она способна подумать о немъ). Ты не нуждаешься ни въ какомъ ножѣ противъ меня.

Карэнъ. Ты увѣренъ, что онъ былъ противъ тебя?

(Они пристально глядятъ другъ на друга).

Эрлингъ. Кто это?

Карэнъ. Это—первое, о чемъ ты думаешь.

Эрлингъ. (Входитъ въ комнату направо. Возвращается назадъ. Смотритъ сперва на нее. Такъ какъ она совершенно холодна, говоритъ). Кто это? (Устремляется къ двери направо).

Карэнъ. Онъ ушелъ.

(Эрлингъ останавливается).

Карэнъ. Понимаешь ты теперь, что такое—любить!

Эрлингъ. (Въ отчаяннн). Но что это? (Внезапно рѣзко, къ ней). Имѣй жалость ко мнѣ.

Карэнъ. (Жалобно). Помоги мнѣ ты. Потому что я теперь нагая. Ты обѣщался, что ты можешь мнѣ. (Кричитъ). Помоги мнѣ.

Эрлингъ. (Становится спокойнѣе). Ты бросила меня въ воду, а сама стоишь на мосту и

кричишь, чтобы я тебѣ помогъ.—Теперь ты должна говорить, Карэнъ. Объясни, что это такое?— Ты не хочешь? Кто это былъ здѣсь? Ты не хочешь? (Онъ стоитъ и раздумываетъ). Онъ не могъ далеко уйти отъ дома. (Быстро выходить изъ двери налѣво).

(Карэнъ роняетъ ножъ на полъ. Закрываетъ глаза руками).

(Гадэльнъ приходитъ съ балкона. Онъ согбенъ и истомленъ на видъ).

(Карэнъ не замѣчаетъ, что онъ приходитъ).

Гадэльнъ. Фру Карэнъ.

Карэнъ. (Дрожь проходитъ по ея тѣлу. Когда она оборачивается и видитъ его, она какъ будто не сразу узнаетъ его).

Гадэльнъ. (Кротко и сердечно). Я болѣе вамъ не нуженъ?

Карэнъ. Нѣтъ.

Гадэльнъ. Я могу теперь уйти?

Карэнъ. Да.

Гадэльнъ. (Наполовину про себя). Я могу уйти?

Карэнъ. (Отворачиваетъ свое лицо).

(Гадэльнъ, замѣтивъ ножъ, поднимаетъ его съ пола. Бросаетъ его на маленький мраморный столъ, который стоитъ какъ разъ около нея, такъ что онъ звенитъ о доску).

(Карэнъ быстро взглядываетъ на него).

(Гадэльнъ смотритъ въ другую сторону. Беретъ свою дорожную сумку и свою шляпу, тихонько уходитъ).

Карэнъ. (Мгновенье въ нерѣшимости. Потомъ она бормочетъ). Эрлингъ! (Громче и громче). Эрлингъ! Эрлингъ! (Она бросается всѣмъ тѣломъ на маленькій столъ. Снова выпрямляется, стоитъ и ощупываетъ ножъ. Роняетъ его, устремляется на балконъ и смотритъ наружу).

(Слышны голоса на лѣстницѣ за дверью направо).

(Карэнъ быстро входитъ въ комнату, схватываетъ ножъ. Выходитъ на балконъ. Помѣщается за правой портьерой, такъ что видна только ея лѣвая сжатая рука).

(Входитъ Эрлингъ. Онъ крѣпко держитъ Гадэльна за кисть руки).

Эрлингъ. (Кричитъ отъ двери). Карэнъ. (Такъ какъ она не отвѣчаетъ, къ Гадэлью). Такъ, вы хотѣли исчезнуть?

Гадэльнъ. Да.

Эрлингъ. Почему?

Гадэльнъ. Потому что ваша фруэ сказала, что я могу уходить.

Эрлингъ. Потому что вы уже—потому что вы ея любовникъ. Быть можетъ вы имъ были уже долгое время?

Гадэльнъ. (Выпрямяется и говоритъ съ большой силой). Нѣтъ.

Эрлингъ. Она сама это сказала.

Гадэльнъ. Я это слышалъ.

Эрлингъ. Вы это слышали?

Гадэльнъ. Да, я стоялъ тамъ на балконѣ.

Эрлингъ. Вы стояли и слушали?

Гадэльнъ. Она просила меня.

Эрлингъ. Вы сдѣлаете все, о чемъ она васъ попроситъ?

Гадэльнъ. (Во вдохновенности, какъ будто ему трудно сдержаться). Да.

Эрлингъ. Но вы же слышали, что она сама это сказала.

Гадэльнъ. Она сказала это въ глубочайшемъ отчаяннн души своей, потому что она любить васъ и потому что она думаетъ, что вы ее не любите.

Эрлингъ. (Дѣлаетъ нѣсколько шаговъ). Карэнъ! (Немного спустя). Чему я долженъ вѣрить? Вы вѣдь вынуждены отрицать.

Гадэльнъ. Вѣрьте мнѣ, Эрлингъ Крусъ. Вѣрьте мнѣ. Я не хочу вамъ злого. Это истинно, то, что я говорю.

Эрлингъ. Что вамъ нужно здѣсь? Что вы можете здѣсь дѣлать? Что связываетъ насъ другъ съ другомъ? (Немного спустя). Какъ могу я имѣть теперь хоть минуту спокойствія въ душѣ? Весь нашъ миръ и счастье! Вѣдь я же не могу знать, что правда и что неправда. Вѣдь

я же не могу ей больше вѣрить. Это — словно адъ мучительной неувѣренности. (Съ рыданіемъ въ голосъ, тихонько). Карэнъ! Карэнъ! (Онъ бросается на стуль, что рядомъ съ балкономъ).

(Съ балкона слышенъ крикъ—долгій раздирающій крикъ).

(Мужчины, оба, устремляются туда).

(Карэнъ медленно падаетъ навзничъ въ комнату. Въ паденіи она срываетъ съ собою портьеру).

(Видно небо, усѣянное звѣздами, съ легкимъ туманнымъ покровомъ тутъ и тамъ. Во всемъ своемъ блескѣ сіяютъ пять послѣднихъ звѣздъ колесницы Семизвѣздія, отграниченныя вершинами деревьевъ).

Эрлингъ. (Надъ нею). Карэнъ—Карэнъ. (Къ Гадэльну). Воды!

(Гадэльнъ подходитъ съ бокаломъ, взятымъ со стола).

Эрлингъ. Отвѣть мнѣ—Карэнъ. (Онъ мочитъ ея лобъ водой. Немного спустя, смотритъ на свою руку, въ ужасѣ). Тутъ кровь.

Гадэльнъ. (Съ крикомъ). Кровь?

Эрлингъ. (Зоветъ). Іоганнесъ.—Іоганнесъ!

(Въ это время Гадэльнъ въ сильнѣйшемъ душевномъ волненіи ходитъ взадъ и впередъ. Онъ хочетъ говорить.

Онъ не можетъ. Безпрестанно хватается за лобъ).

(Входитъ Служанка).

Эрлингъ. Фруэ ранила себя. Пусть Іоган-

несъ поѣдетъ за докторомъ. Скорѣе, какъ можно скорѣе.

Служанка. (Уходя). Это опасно?

Эрлингъ. (Лишь дѣлаетъ знакъ, чтобы она ушла. Наклоняется надъ Карэнъ. Становится внезапно на колѣни. Пристально смотритъ передъ собой). Она умерла.

Гадэльнъ. (Приближается на цыпочкахъ. наклоняется надъ Карэнъ. Воскликаетъ громко и дико). Да. (Опять быстро начинаетъ ходить по комнатѣ). Я зналъ это.

Эрлингъ. (Не понимая, бормочетъ). Вы знали это?

Гадэльнъ. Я могъ помѣшать ей.

Эрлингъ. Что—

Гадэльнъ. (Какъ будто уже не можетъ владѣть собой). Развѣ не я бросилъ ножъ на столъ, такъ что онъ зазвенѣлъ?

Эрлингъ. И вы ей не помѣшали.

Гадэльнъ. Нѣтъ. Потому что я любилъ ее и она любила васъ.

Эрлингъ. (Вставая). Да, меня.

Гадэльнъ. (Въ изступленности). Развѣ не прекраснѣе, что любовь убиваетъ, чѣмъ, что она умираетъ?

Эрлингъ. (Хорошенько не понимая, тупо). Карэнъ умерла.

Гадэльнъ. (Идетъ къ нему, его глаза сіяютъ

въ безуміи). Будь гордъ, Эрлингъ Крусэ. Поставь крестъ на двери твоей. Кровавый крестъ. Ибо любовь посѣтила домъ твой. (Показываетъ на небо. Съ ликованіемъ въ голосъ). Взгляните на звѣзды—ея звѣзды.

Эрлингъ. (Припоминаетъ ея слова, между тѣмъ какъ онъ пристально смотритъ на Гадэльна). И пустыня.

Гадэльнъ. Да, звѣздная пустыня. Взгляните на колесницу Семизвѣдія. Она продвинулась впередъ. Взгляните на саркофагъ. Золотой саркофагъ. Тамъ всѣ отдохнуть, кого любовь убила. (Кричитъ въ дикомъ безчувственномъ порывѣ). Мы идемъ—мы идемъ. (Садится передъ балкономъ съ поднятыми руками, какъ будто бы онъ хотѣлъ достигнуть звѣздъ).

Эрлингъ. (Стоитъ ошеломленный. Потомъ осматривается въ комнатѣ отупѣвшими глазами говорить отупѣвшимъ голосомъ). Комната наша. (Влачится потомъ къ тѣлу Карэнъ, становится около нея, на колѣни, наклоняетъ голову къ ея лицу, говоритъ тихо и какъ будто бы онъ ждетъ отвѣта). Карэнъ?

ІОНАСЪ ЛИ.

ЧЕРНАЯ ПТИЦА.

РАЗСКАЗЪ.

Пер. съ норвежскаго К. Бальмонта и Ек. Андреевой.

Тамъ, далеко въ морѣ, за запрудой баклановъ находится птичій островъ, къ которому никто не можетъ пристать, какъ бы море ни было спокойно. Такими громадными валами идутъ тамъ волны, и съ такой силой разбиваются онѣ о крутые берега.

Въ тихіе лѣтніе дни островъ этотъ свѣтится сквозь морскую дымку, какъ будто тамъ лежитъ большое, золотое кольцо. И съ самыхъ давнихъ временъ люди думали, что тамъ находится сокровище, сложенное туда съ какого-то пиратскаго корабля.

Ионасъ Ли — современный норвежскій писатель. По происхожденію онъ — норвежецъ и финнъ. Онъ выступилъ съ своими рассказами и повѣстями въ половинѣ 60-хъ годовъ 19-го вѣка. Первая его повѣсть, „En Gremsynte“ („Провидецъ“), быть можетъ есть лучшее изъ всего, что онъ написалъ, по таинственности и краснорѣчивости отдѣльныхъ страницъ. Въ его творествѣ мистическое и реальное идутъ рука объ руку. Онъ хорошо знаетъ бытъ Норвежскаго народа, особенно бытъ моряковъ. Его собственные слова живописуютъ его художественную манеру: „Я не знаю, куда я иду. Я вижу вещи какъ ихъ видятъ во снѣ“.

К. Б.

Въ солнечный закатъ можно иногда видѣть, какъ встаетъ изъ волнъ корабль, и на задней части палубы блеститъ ея старомодная высокая галлерей. И точно въ жесточайшую бурю, онъ наполовину зарытъ въ тяжелую бѣлую пѣну прибоя.

Вдоль по рифу сидятъ бакланы черными рядами и высматриваютъ себѣ добычу,—рыбу.

Но было время, когда тамъ всегда ихъ было опредѣленное число. Ихъ никогда не было ни больше, ни меньше двѣнадцати, а дальше, на камнѣ, въ морѣ, сидѣла тринадцатая птица, скрытая морской дымкой, такъ что ее было видно, она поднималась и улетала.

Единственно, кто жилъ здѣсь на плотинѣ зимой, не во время рыбной ловли, была одна женщина и дѣвочка подростокъ.

Онѣ жили тѣмъ, что охраняли рыбныя сушилки отъ хищныхъ птицъ и вороновъ, которые расклевывали въ нихъ веревки пополамъ.

У дѣвочки были густые, черные какъ уголь, волосы, и глаза, которые такъ странно смотрѣли на людей, что можно было почти сказать, что она была похожа на тѣхъ морскихъ птицъ.

Да и немного другого пришлось ей видѣть въ ея жизни. Потому что никто не зналъ, кто былъ ея отецъ.

Такъ жили онѣ, пока дѣвочка не выросла.

Тогда случилось, что молодые парни, которымъ надо было лѣтомъ въ ботикахъ выѣзжать къ плотинѣ, за сушеной рыбой, старались на переездомъ другъ передъ другомъ попасть туда.

Нѣкоторые отказывались даже отъ платы и отъ своей части прибыли, а въ деревняхъ все больше стали жаловаться на разстроившіяся помолвки.

И причиной этому была та дѣвушка, тамъ на плотинѣ, со странными глазами.

Какъ она ни была плохо одѣта и какъ ни была мало опрятна, въ ней было что-то такое, что тѣ, съ которыми она болтала, очаровывались ею мгновенно, и имъ казалось, что они не могли больше жить безъ нея.

Въ первую же зиму за нее посватался парень, у котораго былъ свой морской ботикъ.

«Когда въ лѣтнюю пору ты опять вернешься и привезешь мнѣ настоящее золотое кольцо, я обручусь съ тобой», сказала она, «такъ, чтобы изъ этого что-нибудь вышло».

И кто не преминулъ вернуться въ это лѣто, такъ это тотъ парень.

Онъ долженъ былъ забрать много рыбы. И золотое кольцо она могла получить также тяжелое и настоящее, какъ только могла желать.

«То, которое я хочу, лежитъ въ желѣзномъ ящикѣ на птичьемъ островѣ, что въ морѣ», ска-

зала она. «Если ты такъ любишь меня, отважься и достань мнѣ его».

Тутъ поблѣднѣлъ парень.

Онъ видѣлъ, какъ въ этотъ теплый лѣтній день край моря, подобно бѣлой стѣнѣ изъ пѣны, вставалъ и опускался тамъ, вдали. И на скалахъ сидѣли морскія птицы и спали на солнцѣ.

«Очень я люблю тебя», сказалъ онъ, «но это были бы похороны, а не свадьба».

Въ это мгновеніе поднялась тринадцатая морская птица съ камня, изъ шипучей пѣны, и улетѣла.

Въ слѣдующую зиму посватался за нее штурманъ съ одной яхты. Онъ страдалъ уже два года по ея милости.

И онъ получилъ тотъ же отвѣтъ:

«Когда въ лѣтнюю пору ты опять вернешься и привезешь мнѣ настоящее золотое кольцо, я обручусь съ тобой, такъ, чтобы изъ этого что-нибудь вышло».

Къ Иванову дню онъ опять пріѣхалъ на плотину.

Но когда онъ услышалъ, гдѣ находилось золотое кольцо, онъ просидѣлъ весь день до вечера и плакалъ, пока солнце не заплесало въ морѣ на сѣверо-западѣ.

И морская птица поднялась и улетѣла.

На третью зиму случилась страшная непогода.

Много лодокъ перевернуло въ морѣ. И въ

одной изъ нихъ, которую прибило, къ берегу, около плотины прицѣпившись на ремешкѣ отъ ножа, висѣлъ молодой парень безъ чувствъ.

Его не могли вернуть къ жизни, что съ нимъ ни дѣлали, какъ его ни растирали.

Тутъ подошла дѣвушка.

„Это мой женихъ“, сказала она.

И она положила его къ себѣ на колѣни и просидѣла всю ночь, согрѣвая его сердце.

Когда утро настало, оно забилося.

„Мнѣ казалось, я лежалъ на крыльяхъ морской черной птицы, и положилъ голову на ея пушистую грудь“, сказалъ онъ.

Парень былъ бѣлокурый и красивый, съ курчавыми волосами, и онъ не могъ оторвать глазъ своихъ отъ дѣвушки.

Онъ сдѣлался работникомъ на плотинѣ.

Но онъ долженъ былъ всегда быть возлѣ нея, и говорить съ ней, какъ бы ни было рано, или какъ бы ни было поздно.

Съ нимъ было то, что и съ другими.

Ему казалось, что онъ не могъ жить безъ нея. И въ день, когда онъ долженъ былъ уѣзжать, онъ посватался къ ней.

„Тебя я не хочу дурачить“, сказала она. „Ты лежалъ на груди у меня, и если бы я могла избавить тебя отъ этой боли, я-бы охотно отдала свою жизнь“.

„Получить меня ты можешь, когда ты на руку мнѣ надѣнешь обручальное кольцо. Но удержать меня ты не можешь дольше, чѣмъ продлится день.

„Я буду ждать тебя, буду тосковать по тебѣ, пока не придетъ лѣто“.

Въ Ивановъ день парень вернулся на своей лодкѣ.

И тогда она рассказала ему о кольцѣ, которое ему нужно достать на скалѣ.

„Ты достала меня изъ моря, со дна лодки, можешь меня и оставить въ морѣ“, сказалъ парень, „безъ тебя я не могу жить“.

Но когда онъ схватился за весла, чтобы выйти въ море, она прыгнула къ нему въ лодку и сѣла на руль. Она была такая блѣдная и странная.

Была чудная лѣтняя погода, и волна бѣжала длинными сверкающими полосами.

Парень сидѣлъ и смотрѣлъ на нее и гребъ до того мѣста, гдѣ волны бились объ скалы, и грохотали, и брызги пѣны взлетали кверху, до самаго неба.

„Если твоя жизнь дорога тебѣ, поверни назадъ“, сказала она.

„Ты мнѣ дороже жизни“, отвѣтилъ онъ.

Когда парню показалось, что смерть уже глядитъ на него изъ открытой бездны, на морѣ

мгновенно сдѣлалась зеркальная тишина, такъ что лодка могла причалить совершенно легко.

На подводномъ камнѣ лежалъ старый заржавленный якорь, наполовину, высунувшійся изъ воды.

„Въ желѣзномъ ящикѣ, что лежитъ подъ якоремъ, находится мое приданое“, сказала она. „Снеси его въ твою лодку.“

„А кольцо, которое ты видишь, надѣнь мнѣ на палецъ, ты этимъ обручишься со мной.“

„Тогда я буду твоя, пока солнце ночью не заплещетъ въ морѣ“.

Это было золотое кольцо съ краснымъ камнемъ, и онъ надѣлъ его ей на палецъ и поцѣловалъ ее.

На скалѣ, въ расщелинѣ, была зеленая площадка.

Тамъ они сѣли. И тамъ имъ было такъ хорошо, что онъ этого не понималъ, и отъ чрезмѣрнаго счастья не хотѣлъ объ этомъ думать.

„Сегодня Ивановъ день“, сказала она. „И я молода и ты мой женихъ. А теперь пойдемъ въ нашу брачную постель“.

Она была такъ хороша, что онъ отъ любви былъ внѣ себя. А когда къ ночи солнце стало плясать на морѣ, она цѣловала его и проливали слезы.

„Какъ хорошъ лѣтній день“, сказала она, „а вечеръ еще лучше. Но вотъ смеркается“.

И вдругъ ему показалось, что она становилась все старше и старше, и какъ будто пропала со-всѣмъ.

Когда солнце зашло за край моря, передъ нимъ на скалѣ лежала кучка льняныхъ тканей.

Тихо было на морѣ, и въ свѣтлую Иванову ночь улетѣло двѣнадцать птицъ за море.

ПЕТЕРЪ НАНСЕНЪ.

ОСВѢЩЕННОЕ ОКНО.

Первая глава ненаписаннаго романа.

Пер. съ датскаго К. Бальмонта и Ек. Андреевой.

«Я такъ устала. Ты не сердишься на меня?»

Онъ стоялъ и смотрѣлъ на нее, въ то время какъ она улыбаясь подошла къ нему и положила ему руки на плечи.

«Ну такъ поцѣлуй меня!»

Онъ поцѣловалъ ее въ лобъ.

«Какъ холодно! И ничего не скажешь? Ты сердишься?»

«Нѣтъ».

«Что же, ты находишь, что это не хорошо, что я устала?»

Онъ схватилъ ея руку, поднялъ ее къ своимъ губамъ. Потомъ улыбнулся и сказалъ спокойно:

«Нѣтъ, нисколько. Покойной ночи».

«Покойной ночи».

Но онъ удержалъ ея руку въ своихъ, загля-

Петеръ Хансенъ — современный датскій писатель. Въ своихъ небольшихъ новеллахъ онъ рассматриваетъ по преимуществу чувство любви. По своей легкости и остроумію онъ отчасти приближается къ Французамъ. Одинъ изъ наиболѣе талантливыхъ рассказчиковъ Копенгагена. К. Б.

дывая внимательно въ ея свѣтлые, смѣющіеся глаза. Пожавъ ея руку, онъ выпустилъ ее, кивнулъ ей, и пошелъ.

Когда дверь за нимъ закрылась, онъ на мгновение остановился и прислушался. Не идетъ-ли она позвать его назадъ?

Потомъ онъ устало и нехотя спустился по лѣстницѣ, онъ медлилъ на каждой ступенькѣ, пока не очутился за входной дверью, и не почувствовалъ, какъ холодный сырой дождливый воздухъ пахнулъ ему въ лицо.

Онъ потянулся, поднялъ воротникъ своего сюртука, и перешелъ улицу. Былъ еще свѣтъ за голубыми занавѣсками, онъ видѣлъ круглый колпакъ на лампѣ, подобный матовому, свѣтящемуся шару. Онъ посмотрѣлъ, не видно ли ея, но ея не было. Онъ подумалъ, ну вотъ она сейчасъ потушитъ лампу—но нѣтъ, лампа все горѣла. Онъ постоялъ минуту, еще двѣ, затѣмъ быстро пошелъ внизъ по улицѣ, чтобы она его не замѣтила.

Это былъ бурный ноябрьскій вечеръ. Стекла въ фонаряхъ звенѣли отъ вѣтра и улица была мокра. Высоко надъ домами неслись темныя разорванныя тучи, люди шли согнувшись и старательно укутывались.

Онъ холода не чувствовалъ; напротивъ. Ему приятно было ощущать на лицѣ холодный вѣтеръ.

На улицахъ было много людей, больше всего дамъ, въ плащахъ съ воротниками и теплыми платками на головахъ. Это было время разъѣзда изъ театровъ.

Онъ медленно шель этимъ группамъ навстрѣчу, не безпокоясь о томъ, что онъ толкалъ дамъ, не говоря имъ даже: pardon.

Онъ шель все дальше противъ вѣтра. Онъ все никакъ не могъ освѣжиться. Онъ вышелъ на площадь, постоялъ тамъ одну минуту со своимъ поднятымъ воротникомъ, потомъ пошелъ дальше, повернулъ въ маленькія улицы, гдѣ въ погребкахъ лавочники заставляли окна ставнями. Передъ однимъ изъ такихъ оконъ онъ остановился, тамъ выставлены были разныя рыбныя закуски и копченые угри. Онъ долго стоялъ тамъ глубоко-мысленно, какъ будто серьезно обдумывалъ, что ему выбрать. Затѣмъ онъ вдругъ быстро повернулся и почти побѣжалъ по тому же направленію, по какому пришелъ. „Я посмотрю, темно ли у нея теперь“, повторялъ онъ про себя. „Посмотрю, темно ли у нея теперь!“

На улицахъ почти ужъ не было людей. Теперь вѣтеръ дулъ ему въ спину, и онъ быстро подвигался впередъ. На церковныхъ часахъ пробилъ половина. «Уже половина двѣнадцатаго. Теперь она спитъ».

Но передъ нимъ снова возникло ея улыбаю-

щееся лицо, и онъ слышалъ ея вкрадчивый голосъ. И эта ласковость казалась ему фальшивой и внушала страхъ.

Отчего, собственно, она устала? У нея видъ былъ совсѣмъ не усталый. Напротивъ, она весь вечеръ была необычайно оживленная; и только тогда, когда она стала просить его уйти, она заговорила о своей усталости.

Если у нея былъ свѣтъ еще, значить, она солгала. Тогда значить, *онъ* у нея.

„Нѣтъ, нѣтъ. У нея темно. Все потушено. Она дѣйствительно устала. Она легла теперь и спить. Во всемъ бѣломъ, такая тонкая, розовая и бѣлая, ахъ, и такая красивая!“

Онъ закрылъ глаза и губы его раскрылись, въ то время какъ онъ наклонилъ голову, какъ будто она спящая лежала передъ нимъ. Онъ почувствовалъ теплоту ея постели, у него закружилась голова.

Тогда онъ встряхнулся, вздрогнулъ и скорѣе побѣжалъ дальше, и остановился на углу той улицы, гдѣ она жила.

Онъ шелъ медленно и равнодушно вдоль тротуара, на которомъ находился ея домъ. Затѣмъ вдругъ, передъ самой входной дверью, онъ наискось перешелъ улицу и посмотрѣлъ вверхъ на домъ. Но онъ уже видѣлъ, прежде чѣмъ поднять глаза къ окну. Оно было освѣщено.

Спокойно блестяла лампа изъ-за голубыхъ занавѣсокъ.

„Это лишь то, чего я ожидалъ“, сказалъ онъ самъ себѣ, и остановился передъ освѣщеннымъ окномъ. „Она мнѣ измѣняетъ. Она любитъ его; это такъ естественно. Теперь я это знаю; и дѣлу конецъ.“

Онъ пошелъ дальше вдоль по улицѣ. „Да, и дѣлу конецъ“.

Онъ не ощутилъ никакой боли; онъ сдѣлался только совершенно спокоенъ, совершенно равнодушень.

Но внезапно его какъ бы укололъ вопросъ: „Почему она не сказала мнѣ это честно? Зачѣмъ она лжетъ?“

И въ то же самое мгновеніе: „А если она не солгала!“ Что въ сущности онъ зналъ? Полчаса тому назадъ, или часъ самое большее, какъ онъ ушелъ, и она еще не ложилась. Но это не доказательство. Быть можетъ лампу погасили, въ эту самую минуту быть можетъ ее что-нибудь задержало, быть можетъ ей пришло въ голову посмотреть что-нибудь. Быть можетъ она просто сидитъ и думаетъ о немъ, въ то время какъ онъ тутъ ходитъ и обвиняетъ ее.

Онъ повернулъ и стоялъ наискось противъ ея дома. Еще шагъ, и онъ увидитъ окно. Онъ еще медлилъ—потомъ увидалъ свѣтъ.

Теперь онъ почувствовалъ боль. Онъ такъ держался за эту надежду. Но онъ хотѣлъ быть увѣреннымъ, онъ будетъ ждать еще полчаса. Если она не легла, тогда, значить она не одна.

Онъ ходилъ теперь взадъ и впередъ, по улицѣ совершенно успокоенный, такъ какъ онъ назначилъ себѣ срокъ. Теперь пошелъ маленькій дождь, а у него не было зонта; но это его не смущало. Онъ не посмотритъ на окно, пока не истечетъ положенное время; не могъ же онъ тоже требовать, чтобы тамъ стемнѣло такъ вдругъ. Онъ шелъ быстро, рѣшался отходить на большое расстояние; но потомъ, когда ему пришло въ голову, что ему бы слѣдовало, безопасности ради, не терять изъ виду входной двери, онъ сталъ осмотрительнѣе. Когда онъ встрѣчалъ кого-нибудь—изрѣдка проходили то тамъ, то тутъ фигуры, быстро двигаясь—онъ втягивалъ голову, чтобы не быть узаннымъ. Кромѣ него, впрочемъ, на улицѣ былъ еще только полицейскій и ночной сторожъ, которые стояли вмѣстѣ въ проходныхъ воротахъ вверху улицы, на другой сторонѣ, освѣщенной свѣтомъ фонаря. Онъ слышалъ ихъ голоса и побрякиванье ключей у нихъ на связкѣ. Онъ чувствовалъ, что они говорятъ о немъ, и ему каждый разъ было немного неловко, когда онъ проходилъ около нихъ. Сторожъ его навѣр-

ное зналъ. Онъ такъ часто видѣлъ его и утромъ и вечеромъ.

Потомъ внизу на улицѣ у одного изъ фонарей сторожа позвали, и сторожъ, тяжело ступая и звеня ключами, зашагалъ туда. Полицейскій потянулся, перешелъ черезъ улицу и всталъ на тротуарѣ, прислонясь къ стѣнѣ, блестя своимъ гутаперчевымъ, мокрымъ плащомъ, панталоны у него были заправлены въ высокіе сапоги.

Когда онъ прошелъ мимо него, онъ приподнял шляпу и сказалъ „доброй вечеръ“. Полицейскій приложилъ руку къ каскѣ и сказалъ „непріятная погода сегодня вечеромъ, чтобы гулять“.

„Да, холодновато“, возразилъ онъ добродушно, и пошелъ дальше.

Полицейскій слѣдилъ за нимъ глазами, и когда неутомимый пѣшеходъ поравнялся съ нимъ, онъ опять сказалъ: „теперь полночь. Сейчасъ будутъ бить часы“!

„Вотъ какъ“, сказалъ онъ, чтобы только сказать что-нибудь, и пошелъ дальше.

Такъ продолжался разговоръ между нимъ и полицейскимъ, межъ тѣмъ какъ фонарщикъ проходилъ вдоль улицы и гасилъ фонари. Такъ что только тамъ и здѣсь еще горѣло нѣсколько фонарей мутнымъ свѣтомъ.

Полицейскій вдругъ сказалъ: „однако мокро-вато становится. Теперь бы лучше всего по до-

мамъ, къ себѣ погрѣться. Покойной ночи, господинъ“.

„Покойной ночи“.

Полицейскій исчезъ за поворотомъ улицы, той самой, куда свернулъ и сторожъ. И улица опять опустѣла. Медленно ползло время. Какъ долго могло длиться полчаса! Онъ занялся тѣмъ, что сталъ наблюдать за освѣщенными окнами въ другихъ домахъ. То въ одномъ, то въ другомъ окнѣ потухалъ свѣтъ. Только высоко вверху, между крышъ, свѣтилось еще одно единственное окна чердакѣ. Изъ одного виннаго погребка вышли шатаясь два пьяныхъ человѣка; затѣмъ вышелъ хозяинъ и сталъ заставлятъ дверь и окна ставнями.

Теперь онъ началъ ощущать сырость. Дождь шелъ непрерывно, и частый дождь, и его скрутку было покрытъ слоемъ сѣрой влажности.

Онъ посмотрѣлъ на часы. Черезъ пять минутъ половина. Но онъ хотѣлъ выдержать положенное время, онъ хотѣлъ дожидаться, пока не пробьютъ церковные часы.

Наконецъ. Онъ быстро пошелъ, наклонивъ голову, пока не расчелъ, что онъ стоитъ какъ разъ противъ дома. Тогда онъ поднялъ глаза. Безмятежно и не угасая свѣтилось окно въ спящемъ домѣ. Отъ бѣшенства онъ топнулъ ногой

по каменной плитѣ. Онъ сжалъ въ рукѣ ключъ, чтобы бросить его въ это окно.

Тогда онъ увидалъ молсдаго человѣка, который стоялъ тутъ же и наблюдалъ за нимъ, онъ отвернулся и пошелъ дальше.

Теперь онъ знаетъ то, что хотѣлъ знать. Онъ видѣлъ, какъ они сидятъ вмѣстѣ, онъ видѣлъ ихъ тѣла тѣсно другъ около друга. Обняла ли она его рукою за шею? Говорить ли она ему, что любить его? Теперь онъ растегиваетъ ей платье — — нѣтъ, нѣтъ. Они сидятъ и болтаютъ; онъ говоритъ, какъ она красива, и она улыбается, онъ беретъ ея руку, цѣлуетъ кончики ея пальцевъ, она наклоняетъ голову на сторону, о, какъ соблазнительно свѣтится ея шея. Теперь онъ цѣлуетъ ее, а она сидитъ спокойно. Онъ соскользнулъ на колѣни къ ея ногамъ, и срываетъ съ нея платье.

Онъ стоитъ опять на улицѣ передъ домомъ. Зачѣмъ стоитъ этотъ молодой человѣкъ тутъ, и не отрываясь смотритъ на освѣщенное окно? За кѣмъ онъ наблюдаетъ? За нимъ, или за нею? Можетъ быть это былъ тоже кто-нибудь сторожившій здѣсь, какъ онъ, исполненный страха и ревности.

Онъ быстро повернулъ и пошелъ назадъ, но онъ уже не могъ не думать о томъ чужомъ, который возникъ, какъ двойникъ, изъ тѣхъ каменныхъ

плить. Онъ не думаль, чтобъ онъ его зналь. Было ли возможно, чтобъ это былъ еще кто-нибудь, кто имѣль на нее болѣе давнія права, чѣмъ онъ? Если она была не вѣрна ему, развѣ не могло быть кромѣ архитектора еще другихъ, которыхъ ему надо было бояться.

Нѣтъ. Когда-нибудь онъ бы да натолкнулся на него. Онъ же зналь, у кого она бывала; онъ зналь всѣхъ ея знакомыхъ. Нѣтъ, это могъ быть только архитекторъ. Въ этомъ онъ не сомнѣвался. Это онъ былъ у нее. Онъ внезапно появился среди ея знакомыхъ, и тотчасъ же заинтересоваль ее своимъ ухаживаніемъ; онъ бываль всюду, гдѣ она бывала, и подъ конецъ онъ началъ бывать и у нея на квартирѣ. Она ему рассказывала всѣ красивыя слова, которыя тотъ, другой, говорилъ ей; онъ будто бы надоѣдалъ ей; но она очень часто говорила о немъ. Онъ былъ любезный и красивый мужчина, и онъ долженъ былъ встрѣчаться съ нимъ у нея, и архитекторъ ему понравился. Какъ-то разъ онъ ей сказалъ, что онъ въ сущности не понимаетъ, почему она предпочитаетъ его архитектору. И вотъ теперь, въ это мгновеніе, онъ удивлялся, что онъ не испытываль противъ него никакой враждебности, ему не въ чемъ было его упрекнуть. Только, когда онъ представляль себѣ, что тотъ прикасался къ ней, обнималь ея тѣло, онъ чувствовалъ себя въ состоя-

ни убить его на мѣстѣ. Какъ будто кто-нибудь хваталъ его за горло, и онъ защищалъ свою жизнь.

Онъ старался найти въ своихъ воспоминаніяхъ какія-нибудь опредѣленные событія, которыя бы могли оправдать его недовѣріе. Онъ внимательно слѣдилъ за ихъ отношеніями, но никогда ничего не могъ открыть. Но почему же онъ былъ такъ увѣренъ, что онъ не ошибается, что другой въ эту минуту съ нею? Ахъ—ни на что нельзя положиться у женщинъ. Это все могъ быть одинъ расчетъ съ ея стороны. Ея чистосердечность, ея шуточки надъ усерднымъ поклонникомъ, все, чѣмъ она его успокаивала.

И все же никогда ей этого не удавалось такъ, какъ въ первый разъ, когда проснулось его подозрѣніе.

Но зачѣмъ ей нужно было это все дѣлать? Почему она не сказала ему, какъ все было, и не отпустила его?

Ему пришло въ голову, что глупо спрашивать объ этомъ. Не всѣ—какъ и женщины, такъ и мужчины,—настолько узки, что могутъ любить лишь одного. Но онъ любилъ только ее. Ему не нужна была ея любовь, если бы ему пришлось дѣлать ее съ другими.

Если бы онъ могъ только слѣпо вѣрить! Или, если бы, по крайней мѣрѣ, онъ только могъ быть

увѣреннымъ! Вѣрность не можетъ быть доказана; у невѣрности то преимущество, что она можетъ быть установлена. Только быть въ ясности! Поэтому онъ ходитъ здѣсь взадъ и впередъ. Теперь онъ это знаетъ: онъ, собственно, всегда страдалъ отъ сомнѣнія въ ея любви. Это сомнѣніе никогда не могло быть убито; теперь онъ желалъ только одного; уличить ее въ измѣнѣ—только, чтобы успокоиться и быть увѣреннымъ.

Развѣ онъ не былъ увѣренъ?

А молодой человѣкъ все еще стоялъ какъ прикованный, передъ окномъ, подъ своимъ раскрытымъ зонтомъ. Странно у него было на душѣ—что этому человѣку надо? Онъ пошелъ прямо на него, и прямо посмотрѣлъ ему въ глаза. Молодой человѣкъ улыбнулся и продолжалъ стоять.

Но когда онъ опять повернулъ, чужой пошелъ за нимъ, на разстояніи шаговъ шести, напѣвая какой-то веселый мотивъ. У одного угла онъ остановился, медленно закурилъ сигару, громко засмѣялся, и исчезъ внизу улицы, за поворотомъ.

Для него было облегченіемъ, что этотъ другой ушелъ.

Пробилъ часъ. Какой былъ смыслъ ходить здѣсь взадъ и впередъ? А если свѣтъ дѣйствительно потухъ?

Ему пришло въ голову, что въ сущности,

онъ долженъ былъ бы радоваться, что свѣтъ не потушенъ.

Пока есть свѣтъ, они сидятъ въ гостиной; пока есть свѣтъ, сраженіе еще не проиграно.

Онъ рѣшилъ еще остаться и стеречь. Если архитекторъ выйдетъ прежде, чѣмъ будетъ потушенъ огонь, то это будетъ значить—это будетъ значить—да, онъ собственно самъ не зналъ что, но ему казалось что-то, во всякомъ случаѣ, менѣе дурное.

И онъ ходилъ назадъ и впередъ, а свѣтъ не погасалъ. И каждый разъ его глаза встрѣчались съ тихимъ ровнымъ свѣтомъ въ окнѣ.

Одинъ разъ ему показалось, что онъ видитъ тѣнь за гардиной, но когда онъ всмотрѣлся ближе, ничего нельзя было увидѣть. Никакой жизни, никакого движенія за голубыми занавѣсками. Онъ вытянулся и прислушивался напряженно, не услышитъ ли онъ въ тишинѣ ночи голосовъ, но все было тихо.

А дождь шелъ и шелъ этой темной, облачной ночью. На улицахъ въ немногихъ зажженныхъ фонаряхъ, мерцалъ матово-желтый туманъ, съ красной точкой посреди, пламя газа.

Онъ такъ промокъ, что не чувствовалъ больше дождя. Сигара, которую онъ держалъ въ рукѣ и попробовалъ закурить, такъ намокла, что ее можно было выжать, а перчатки совсѣмъ раз-

мякли; онѣ склеились въ безформенный комокъ, когда онъ ихъ стащилъ съ рукъ.

Онъ продолжалъ ходить взадъ и впередъ, хотя онъ былъ весь разбитъ, такъ утомленъ и измученъ. Его мозгъ отказывался соображать; онъ ходилъ взадъ и впередъ, потому что не могъ оторваться отъ освѣщеннаго окна. Его единственнымъ развлеченіемъ было, когда часы били каждую четверть часа; онъ прибѣгалъ къ разнымъ дѣтскимъ приемамъ, чтобы заполнить промежутки между боемъ часовъ. Онъ считалъ шаги, но запутывался, когда число становилось очень большимъ; потомъ онъ пробовалъ, до скольки онъ можетъ сосчитать между двумя четвертями часа, а когда проходили эти четверть часа, онъ не замѣчалъ, что онъ считалъ до ста, не запомнивъ, который разъ онъ досчитывалъ до ста.

Разъ во время счета онъ вдругъ вздрогнулъ: ему показалось, что онъ услышалъ шорохъ у входной двери, и когда онъ обернулся, ему показалось, будто тѣнь промелькнула и скрылась за ближайшимъ угломъ. Онъ бросился бѣжать, но нигдѣ не было ни души.

Погасили послѣдніе фонари. Вверху между домами побѣлѣлъ воздухъ отъ брезжущаго дня. Въ свѣромъ туманѣ стали возникать фигуры, женщины съ шальями на головѣ и мужчины съ короткими трубками въ зубахъ и узелками въ рукахъ.

Полицейскій и ночной сторожъ вновь появились, покинувъ свой нощлегъ, они встряхивались и потягивались въ холодномъ разсвѣтномъ воздухѣ.

Освѣщенное окно мерцало все блѣднѣй и слабѣй, и вдругъ, когда онъ обернулся, онъ увидалъ, какъ полоса свѣта исчезла.

Онъ увидалъ фигуру полицейскаго и ночного сторожа передъ домомъ на тротуарѣ. Въ то же мгновеніе мимо прошло нѣсколько рабочихъ. И тогда ему опять показалось, что между ними возникла тѣнь и затѣмъ исчезла.

Онъ быстро пошелъ къ нимъ; ему было стыдно бѣжать. Когда онъ дошелъ до дома, онъ поздоровался съ полицейскимъ. „Добраго утра“. Онъ посмотрѣлъ за уголъ — ничего не было видно. Пошелъ опять назадъ—да, свѣта больше не было.

Что же архитекторъ ушелъ? Былъ ли тамъ вообще кто-нибудь, или это было его воображеніе?

Итакъ напрасно. Онъ даромъ пожертвовалъ длинной ночью. Ни ясности, ни увѣренности!

Ждать еще? Нѣтъ—его старая прислуга вставала до пѣтуховъ. Былъ ли вообще архитекторъ, онъ никакъ этого не могъ уяснить себя.

Онъ плелъ домой; онъ чувствовалъ, какъ сыръ охватила его кольцомъ и тяжело легла на

грудь. Въ горлѣ у него было сухо, глаза горѣли, а лицо его было неподвижно какъ у мертваго.

Рабочіе, съ которыми онъ встрѣчался, взглядывали на него удивленно, а онъ самъ смотрѣлъ, не отрываясь, на плиты мостовой, и одна мысль неотступно стояла у него въ головѣ: полицейскій смѣялся надъ нимъ.

АМАЛІЯ СКРАМЪ.

Л Ъ Т О.

Пер. съ норвежск. К. Бальмонта и Ек. Андреевой.

Л ъ т о .

Ваша жена очень больна.—

Очень больна—что бы это значило? Если уж она такъ больна, то почему докторъ Гельтъ не прибавилъ въ депешѣ: Приѣзжайте немедленно! Или: Хочетъ васъ видѣть.—

Адвокатъ Кнагенъиельмъ сидѣлъ прямо въ маленькой коляскѣ, которая везла его на станцію. Его темные, коротко-подстриженные волосы были почти совсѣмъ скрыты станлеевской большой шляпой, и узкіе, голубовато-сѣрые глаза его, подъ прямыми густыми бровями, беспокойно бѣгали изъ стороны въ сторону, въ то время какъ онъ щурилъ ихъ отъ яркаго солнца. Онъ не переставая поворачивалъ изъ стороны въ сторону свою голову, какъ будто онъ искалъ кого-то. Руки его крѣпко обхватили ручку бѣлаго зонтика, который онъ держалъ между колѣнъ.

Молодая дама, въ свѣтломъ, въ большой соломенной шляпѣ и съ корзиночкой въ рукахъ,

ПРИМѢЧАНІЕ. Амалія Скрамъ—современная Норвежская писательница. Защитница женской свободы въ области чувства. К. Б.

изъ которой выглядывало купальное полотенце, показалась на краю дороги, залитой солнцемъ. Она подняла руку, чтобы защититься отъ свѣтлаго облака пыли, поднятаго его экипажемъ и отвернула лицо къ морю, но въ слѣдующую же минуту она быстро повернулась къ коляскѣ и закричала изумленно: «Куда это вы?»

Кнагенъиельмъ тотчасъ велѣлъ кучеру остановиться.

«Въ городъ», отвѣтилъ онъ.

Дама быстро къ нему подошла.

«Вы ни слова не сказали объ этомъ за завтракомъ. Можетъ быть это тайное бѣгство?» Она смотрѣла на него гнѣвно.

«Тотчасъ вслѣдъ за тѣмъ, какъ вы ушли, я получилъ депешу!»

«Что же это, дѣла?»

«Моя жена заболѣла», хотѣлъ сказать Кнагенъиельмъ, но внутреннее чувство его удержало, онъ не могъ произнести эти слова. Онъ только кивнулъ головой.

«Ахъ какъ досадно! Кто же со мной будетъ кататься на лодкѣ?»

«Ну, меня есть кому замѣнить. Домъ полонъ народа. И катеръ къ вашимъ услугамъ».

«Нѣтъ», сказала она коротко и недовольно покачала головой.

Онъ съ удовольствіемъ смотрѣлъ на ея юное

неправильное лицо, съ каштановыми волосами, которые выбивались изъ-подъ ея шляпы, и наслаждался упрямымъ, разочарованнымъ выраженіемъ ея ясныхъ глазъ, которые тепло свѣтились, какъ солнечные лучи въ горныхъ озерахъ. Онъ протянулъ ей свою красивую, сильную руку, которую она поспѣшно схватила.

«До свиданія, фрѣкенъ».

«Зачѣмъ вы уѣзжаете?»—она сказала это надувшись, и крѣпко обхвативъ его руку она раскачивала ее. «Лучше поверните назадъ и подвезите меня!»

«Это невозможно», отвѣтилъ онъ и улыбнулся печально.

«А когда же вы вернетесь?»

«Я не знаю», онъ высвободилъ свою руку и подвинулся въ глубь экипажа, но потомъ тотчасъ же повернулся къ ней и сказалъ съ улыбкой, которая теплымъ блескомъ освѣтила его нѣсколько жесткіе глаза и обнажила его большіе, бѣлые зубы изъ-подъ курчавыхъ усовъ: «Какъ только будетъ возможно, Фея Лѣта! Черезъ нѣсколько дней, я надѣюсь. Кучеръ, трогайте!»

Она сорвала съ головы большую соломенную шляпу и принялась махать ей и кричать ему вслѣдъ: «Да, конечно, вы должны сами доставить домой катеръ. И у меня еще масса...» Больше онъ ничего не разобралъ.—

Боже мой, какая она прелестная! Кнагенъ-иельмъ закурилъ сигару и откинулся на спинку экипажа. Какъ это на нее похоже, сорвать съ себя шляпу въ такую жару, только потому, что это было скорѣе, чѣмъ лѣзть за носовымъ платкомъ. Никогда еще онъ не встрѣчалъ такой обольстительной въ своей открытости и простодушіи молодой дѣвушки. Чего только не рассказала она ему о себѣ и своей жизни за тѣ дни, что они провели вмѣстѣ въ гостиницѣ,—правда, что они не разставались съ утра до ночи. И такъ это естественно вышло. Ей видимо совершенно не приходило въ голову, что въ этой близости молодой дѣвушки съ немолодымъ мужчиной, и къ тому же женатымъ, могло быть что-нибудь предосудительное. Никакихъ обязательныхъ предисловій вродѣ: вамъ не должно это показаться страннымъ, что я вамъ это говорю? Или: Богъ знаетъ, что вы теперь обо мнѣ подумаете, и т. д. Именно это и дѣлало ее такъ непохожей на другихъ, такой непосредственной. И ни малѣйшей тѣни кокетства, или желанія скрыть, какъ она имъ заинтересована. И при этомъ она ни чуточки не была влюблена, не страдала по немъ.

Ни чуточки.

Но онъ бы отлично могъ вызвать въ ней это чувство, если бъ онъ захотѣлъ. Если она не подозрѣвала, къ чему могло повести ихъ сближеніе

въ случаѣ, если бы оно продолжалось, то онъ очень хорошо зналъ къ чему могло, должно было оно повести. Онъ много думалъ объ этомъ вечеромъ и сегодня ночью, когда засыпалъ, взвѣшивалъ всѣ за и противъ, и сегодня утромъ, когда онъ проснулся, онъ твердо рѣшилъ, что онъ ее не потеряетъ изъ виду.

Подумать только, что въ его жизни наступить такая весна! Проведенные съ нею дни пролетѣли какъ минуты, и отъ нихъ въ его душѣ осталась одна освѣжающая сладостность. Овладеетъ доврчивостью этого молодого созданія, а потомъ, въ концѣ концовъ—да, потому что конечно, это кончится тѣмъ.—Но это современемъ. Чему быть, тому не миновать.

«Ваша жена очень больна». Онъ выпрямился и провель платкомъ по лбу. Какія у него мысли, и про себя ихъ сказать нельзя.

Впрочемъ, его жена была такая жесткая и холодная, нѣтъ, не то—но равнодушная, и это не то, но, если есть слово, которое еще болѣе равнодушно, чѣмъ равнодушіе, и одновременно съ этимъ тоже выражаетъ исполненіе долга, безукоризненность, привѣтливость—да, это именно то, что она была совершенна, до отвратительности совершенна, и что она въ силу своего совершенства ставила такія требованія.—Впрочемъ, нѣтъ—она брала людей такими, какими

они были, только до себя она ихъ не допускала.— И горда она! Чтобы когда-нибудь опуститься до ревности, хотя достаточно было поводовъ. Для нея это какъ будто не существовало, и такъ она относилась ко всему, что ей не нравилось, или чего она не понимала. Странное неумѣніе ориентироваться въ какой бы то ни было области, кромѣ своей. Въ сущности узость, странная узость при такомъ умѣ.

Да, они не подходили другъ къ другу. Ея теорія любить одного чѣловѣка была равносильна несенію „креста“, а потомъ еще это положеніе: отдаться всецѣло и навсегда своему возлюбленному и принять отъ него все, что нравилось и не нравилось, и любить одного его, своего избранника, во что бы то ни стало. Впрочемъ, въ этомъ было что-то прекрасное, любишь недостатки возлюбленнаго, какъ любишь слабыхъ и горбатыхъ дѣтей.—Она часто такъ и говорила. И конечно, это было прекрасно. Онъ понималъ это эстетически и могъ любоваться теоріей.—Но она! Она поступала такъ, она много лѣтъ проводила эту теорію въ жизни. Но въ концѣ концовъ и это кончилось.—И что въ сущности это означало? Или любить—по ея теоріи—одного чѣловѣка постоянно, вопреки всему, непрерывно, до самой смерти, или съ самаго начала отказаться отъ своей мысли. Но она этого не хо-

тѣла, она чувствовала себя такой сильной и непобѣдимой въ своемъ чувствѣ, пока она однажды не сказала ему словъ, и тономъ, котораго онъ не могъ забыть: «Теперь я вижу смыслъ въ моей любви».

И причиной этому было ея невѣроятное чувство собственной правоты. Увѣрена въ своей правотѣ она была, и въ любви своей, и не въ любви. Отсюда ея недостатокъ эластичности, ея ограниченная непрístupность, ея высокомерное представленіе о томъ, что она должна жить на развалинахъ своего счастья, какъ она однажды сказала.—Ну, и онъ въ такомъ случаѣ не хотѣлъ дать ничего другого. Она показала дорогу, по которой онъ и пошелъ.

Экипажъ остановился у станціи. Онъ выпрыгнулъ, заплатилъ кучеру и взялъ билетъ. Поѣздъ тотчасъ же подошелъ. Онъ сунулъ кондуктору полъ-кроны въ руку, и тотъ посадилъ его въ пустое купѣ II класса. Онъ вытянулся на сѣромъ бархатномъ съ коричневыми полосками сидѣньи, заложилъ руки подъ голову и сдвинулъ шляпу на затылокъ.

«Ваша жена очень больна» — гм, ни слова больше. Можетъ быть она сама потребовала, чтобы его не вызывали, или докторъ Гельтъ самовольно телеграфировалъ, противъ ея желанія. Это было похоже на нее, лежать тамъ и умирать, не видя

его. Она была такъ непоколебимо спокойна и уравновѣшена. Никогда ее ничего не выводило изъ равновѣсія. Безъ малѣйшей перемѣны въ лицѣ, она бы стала слушать, если бъ онъ сказалъ ей, что онъ хочетъ уѣхать въ Австралію, чтобы провести остатокъ своей жизни съ дикарями. Когда около недѣли тому назадъ, вдругъ онъ сообщилъ ей, что онъ дней на пятнадцать уѣдетъ на катерѣ, она сказала только: «Да, конечно, мой другъ, тебѣ это будетъ очень хорошо». Онъ подумалъ, она пожалуй захочетъ поѣхать съ нимъ, или предложитъ гдѣ-нибудь съ нимъ встрѣтиться. Она знала такъ же хорошо, какъ онъ, что въ такой поѣздкѣ встрѣчаешься съ дамами всякаго рода, и что на берегу моря при такихъ условіяхъ общеніе между дамами и мужчинами устанавливается болѣе скорое и легкое, чѣмъ обыкновенно. Но нѣтъ—ни звука.

— Да, да, мой другъ—какъ хочешь—какъ ты хочешь.

Можетъ быть вопреки всему было бы лучше, если бы она... потому что если теперь... кто знаетъ?

— Вѣдь бывало же, что и въ его года, и даже людьми гораздо, гораздо старше его, овладѣвала такая сильная любовь, что они порывали старыя отношенія и завязывали новыя; и не то, что она будетъ грустить отъ потери его—она навѣрно

уже оплакала его, но все же, провести остатокъ своей жизни одной и покинутой, ей было бы тяжело. Она бы никогда не заключила новаго брака, несмотря на то, что и въ тридцать четыре года она была красива и нравилась, и кромѣ того, была и добра и умна. Но она была не такая. Она разъ отдалась, всецѣло, и никогда больше не могла бы этого сдѣлать. За эти пять, шесть лѣтъ, когда они, живя вмѣстѣ, жили врозь—она ни разу не выдѣлила никого изъ мужчинъ, которыхъ она много встрѣчала, которые поклонялись ей, ухаживали за ней. Привѣтлива и любезна, и больше ничего.

Онъ приподнялся со вздохомъ и закурилъ сигару. — Да, для него это было хорошо, но ее можно было пожалѣть. Эта способность любить нѣсколько разъ въ жизни была самымъ драгоценнымъ даромъ человѣка. Новую влюбленность ощущать, какъ нѣчто новое и удивительное, какъ нѣчто несравнимое ни съ чѣмъ пережитымъ раньше...

Исполняешься того счастья, что волшебствомъ своимъ каждый день превращаетъ въ праздникъ, и гонить всякую тѣнь пустоты и скуки. И съ каждымъ годомъ любишь все лучше и искреннѣе.— Онъ вдругъ сжалъ губы, и рука, которую онъ держалъ съ сигарой у рта, медленно опустилась на колѣни.

... Зачѣмъ себя обманывать? Любишь жизнь, любишь то, что будетъ. Онъ! Онъ какъ разъ этого не могъ. Его этому хорошо научилъ его бракъ. Онъ былъ способенъ только опьяняться настроеніями, возбуждаться наслажденіемъ, чтобъ нравиться и привлекать женщинъ. Онъ могъ вдохновляться, загораться, впадать въ экстазь, все внѣшніе признаки любви и столь разнообразныя и настоящіе, что они самого его вводили въ заблужденіе. Но любовь—любить—о, нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ.—Мими, его жена—она умѣла любить, онъ—нѣтъ. Но что же изъ этого, и онъ пресѣкся, и сталъ радоваться тому, что онъ переживалъ сейчасъ. О, какъ хорошо было быть влюбленнымъ и чувствовать тотъ безумный восторгъ, который охватывалъ его каждый разъ, когда влюбленность начиналась! Если недолго длилась она, то тѣмъ сильнѣе былъ восторгъ.

Идти рука объ руку съ возлюбленной подъ тѣнистыми деревьями, по мшистымъ тропинкамъ, чувствовать себя возрожденнымъ и думать, что ничего не существуетъ кромѣ ихъ двоихъ.—Онъ наклонился, чтобы поднять свой бѣлый зонтикъ, скатившійся съ сидѣнья, и почувствовалъ въ сердцѣ длительную, сверлящую боль. Бѣлый зонтикъ внезапно напомнилъ ему первый годъ его супружества. Въ то время у него тоже былъ бѣлый зонтикъ, и онъ носилъ его всегда раскры-

тымъ, какая бѣ ни была погода, когда онъ возвращался со станціи, чтобы Мими, которая всегда шла къ нему навстрѣчу лѣсной дорогой, могла узнать его издалека. И когда онъ износился и долженъ былъ быть выброшенъ, она взяла его и сказала, что она всю жизнь будетъ его сохранять. Ея вымпель, ея великолѣпный бѣлый вымпель.

Онъ погладилъ съ нѣжностью зонтикъ, положилъ его въ сторону и ноздри его дрогнули.

Да, Мими его любила, не только словами и ласками, но во всемъ, что она думала, желала и дѣлала. Какъ мучилась она съ самаго начала каждымъ, самымъ маленькимъ разногласіемъ, какъ неослабно работала она и боролась изъ году въ годъ за сохраненіе ихъ взаимной любви, сама оставаясь всегда тою же. И всегда у нея была одна забота, чтобы ему было хорошо и радостно. Всѣ лучшіе годы своей ранней юности она провела въ этой борьбѣ. Шесть лѣтъ выдержала она, шесть прекрасныхъ печальныхъ лѣтъ—потому что это время все же было прекрасно, время, когда онъ былъ предметомъ этой беззаветной и безграничной нѣжности этого кроткаго существа, у котораго ничего не было на свѣтѣ, кромѣ него. Онъ почувствовалъ это только тогда, когда произошла перемѣна; громадная разница жить съ существомъ, такимъ какъ она, когда оно

любить, и жить съ тѣмъ же самымъ существомъ, когда любовь исчезла, умерла. Какъ она научилась такъ любить! Тѣ безчисленные разы, когда онъ оскорблялъ ее, намѣренно не замѣчалъ, когда они были въ обществѣ, онъ съ подчеркиваніемъ занимался другими молодыми дамами — отталкивалъ ее, унижалъ, когда она была всего милѣе и радостнѣе, насмѣхался надъ ней. Почему? Онъ подумалъ и нашелъ одно объясненіе: потому что онъ былъ такой. Онъ предавался настроеніямъ и фантазіямъ, она всегда руководилась своей большой, спокойной и дисциплинированной любовью. Для нея онъ былъ единственнымъ содержаніемъ и конечной цѣлью ея существованія, межъ тѣмъ какъ онъ всегда искалъ женщину, которая его бы отдалила отъ Мими, а потомъ—да, что потомъ? — Которая бы больше любила, лучше, разнообразнѣе... Ахъ, вздоръ!

Никого на свѣтѣ не было лучше Мими.

Было много манеръ любить—утверждалъ онъ, но она знала только одну. Ея любовь оставалась неизмѣнной, проявленія ея всегда тѣ же. Всегда она стояла съ распростертыми объятіями, всегда она была готова прикрывать его грѣхи и недостатки своей любовью. И именно это его утомило и надоѣло ему. Да, было время, когда она ему была противна, когда онъ почти нена-

видѣлъ ее за хладнокровіе, съ какимъ она принимала его оскорбленія, которыя другую довели бы до бѣшенства.

А когда случалось, что она теряла терпѣніе и произносила рѣзкія слова, ея гнѣвъ былъ исполненъ любви. Какъ тогда, когда она уѣзжала на нѣсколько дней, чтобы навѣстить своего больного брата, и онъ встрѣтилъ ее по возвращеніи такъ холодно, такъ злобно-холодно, чтобъ показать ей, какъ трудно удержать его—или... Богъ знаетъ почему собственно. Она посмотрѣла на него удивленно-просящимъ взглядомъ и сказала, что она все время радовалась увидать его радость по своемъ возвращеніи, но что она никакой радости не замѣчаетъ. «Ты же любишь меня, Эвиндъ, тогда зачѣмъ же эта игра. Подумай только, всѣ наши поступки имѣютъ послѣдствія». И когда онъ, выйдя поздно ночью, вернулся домой, она поднялась изъ глубокаго кресла и пошла къ нему навстрѣчу, заплаканная и улыбающаяся, и обвила его шею руками и прошептала, положивъ голову на плечо къ нему: «Дай мнѣ быть съ тобой, у меня ничего нѣтъ на свѣтѣ другого».

«Вашъ билетъ».

Онъ вздрогнулъ, сталъ рыться въ карманахъ и нашель билетъ. Затѣмъ закурилъ снова

свою потухшую сигару, откинулся и погрузился въ свои мысли.

Да, какъ случилось, что онъ больше ничего не значилъ для нея? Если въ первые пять, шесть лѣтъ онъ употребилъ всѣ силы на то, чтобы разрушить ихъ отношенія, то лучше онъ этого не могъ сдѣлать. А она всегда собирала обломки, и, орошая ихъ слезами, напрасно старалась изъ нихъ составить что-то, пока ей отъ этого не пришлось отказаться.

Тогда, когда ея мать умерла, и онъ пошелъ къ ней съ букетомъ розъ, которыя дала ему Мими, чтобы онъ еще разъ могъ ее увидеть передъ тѣмъ, какъ гробъ заколотятъ, эту мать, которая ему была ближе родной матери, на него нашло одно изъ его дурныхъ настроеній, и онъ дня три, четыре не говорилъ ни слова съ Мими, она тогда первая пришла къ нему, она была простужена и не выходила, принесла ему этотъ букетъ, и спокойно и кротно попросила его положить цвѣты въ гробъ. И когда онъ вернулся тогда, Мими стояла въ дверяхъ столовой, въ черномъ, заплаканная, она посмотрѣла на него, только посмотрѣла, ничего не сказала, потомъ ушла въ свою комнату, и тамъ осталась.

Да, тамъ осталась, не только въ этотъ вечеръ и въ эту ночь, а все послѣдующее время. И все, что бы онъ потомъ ни дѣлалъ, чтобы вы-

звать ее оттуда, и вернуть ее себѣ, все было бесполезно. Тогда она изъяла—вымпелъ изъ своего брака, ея вымпелъ, ея великолѣпный, бѣлый, праздничный вымпелъ. «Ея бѣлый праздничный вымпелъ», бормоталъ онъ и на глазахъ его были слезы.

Господи Боже мой, и почему онъ не могъ стать другимъ! И почему онъ не понялъ это во время. Это недовѣріе, которое портило его лучшія чувства. Если бы онъ только съ самаго начала зналъ, какая Мими, если бы онъ умѣлъ оцѣнить то, что она давала, но онъ никогда не вѣрилъ, что въ ея словахъ и поступкахъ было что-нибудь другое, чѣмъ у другихъ женщинъ, которыхъ онъ зналъ. — Когда они послѣ вѣнчанія поѣхали въ свадебное путешествіе и онъ остановилъ экипажъ у почты, чтобы пойти отправить депешу, она быстро сказала: «Я пойду съ тобой». И когда онъ улыбаясь возразилъ, что это неблагоприятно, она стала утверждать, что она никогда въ жизни не будетъ съ нимъ разставаться. И она пошла съ нимъ и стояла около него въ то время, какъ онъ писалъ телеграмму, съ растроганнымъ счастливымъ лицомъ. Тогда это ему показалось нѣсколько смѣшнымъ. Теперь онъ понялъ, что въ этомъ проявилась вся глубина ея чувства. О, Мими—сіяющее, кроткое созданіе, добровольно взявшая на себя крестъ, одна

между всѣми, умѣвшая любить — онъ склонилъ голову и спряталъ лицо въ рукахъ.—Если ты не любишь меня больше, если я никогда больше не увижу твоей улыбки, не увижу блеска въ глазахъ твоихъ!

Ея глаза были удивительные, ясные, кроткіе, счастливые, когда она была спокойна, а когда она была огорчена, блескъ исчезалъ и глаза ея становились некрасивы и мертвенны и напоминали рыбу слизь. Онъ видѣлъ съ ужасомъ и отвращеніемъ эту внезапную жуткую перемену въ ея глазахъ.

Но все же, жизнь съ тобой прошла не безслѣдно. Ты научила меня тому, что составляетъ самое драгоценнѣйшее достояніе моего сердца. Воспоминаніе о твоей любви сдѣлаетъ меня лучше и счастливѣе, какъ бы несчастливъ я ни былъ. Черезъ тебя я узналъ, что есть люди, которымъ можно вѣрить, и это—громадное приобрѣтеніе.

Поѣздъ остановился, онъ выпрыгнулъ изъ вагона и нанялъ экипажъ.

Упустить единственное, настоящее благо, которое дала ему жизнь, продолжалъ онъ думать, худшее, что можетъ случиться съ человѣкомъ. О, Господи, Господи! Онъ весь съежился и уж не могъ сдержать слезъ.

Неужели невозможно загладить?—Вернуть ея

прежнюю любовь, тихо, покорно ждать и на дѣлѣ показать, что сдѣлало съ нимъ ея крушеніе вѣры въ него. Не скоро бы это сдѣлалось, съ годами быть можетъ...

А хватило ли бы у него терпѣнія? Было ли въ немъ что для такого медленнаго превращенія?

«Ваша жена очень больна», пробормоталъ онъ опять, и вдругъ почувствовалъ, какъ страхъ подобно кольцу охватилъ его.

Но отчего бы Мими могла умереть? Она, такая молодая, здоровая. — Хотя, если докторъ Гельтъ телеграфировалъ, онъ, который никогда не говорилъ о болѣзни людей, когда они не были смертельны...

Но можетъ быть онъ нарочно написалъ такъ, чтобы испугать его: онъ былъ такимъ поклонникомъ Мими и всегда находилъ, что онъ ея не стоитъ.

А если правда?—Эта телеграмма доктора Гельта, правда, была странная.

Какъ медленно двигалась эта проклятая извозчичья лошадь. Онъ сжалъ руки, приподнялся и хотѣлъ закричать на кучера, но сѣлъ опять назадъ въ экипажъ.

Впрочемъ, если бы даже все и такъ было, онъ бы пріѣхалъ и бросился передъ ея кроватью, схватилъ бы ея тонкую узкую руку и смотрѣлъ бы въ ея потухающіе глаза съ горестью и раскаяніемъ

и умолялъ бы въ нѣмомъ отчаяніи объ единомъ словѣ, единомъ взглядѣ... Да, онъ такъ и видѣлъ, какъ беспомощно она бы покачала головой, отвернулась бы и глаза ея стали бы некрасивы и мертвенны и въ нихъ было бы выраженіе больного звѣря, который прячется, чтобы умереть спокойно. Такъ она была тверда, увѣрена въ своей правотѣ, благородна и одинока, даже на порогѣ смерти. Нѣтъ, она не была такой, но такой сдѣлалась.

Но Боже мой, это была не его вина, и не ея. Ничья вина. Это ужаснѣйшая случайность. Кто могъ одолѣть ее? Вѣдь и онъ страдалъ и боролся, чтобы снова завоевать ее себѣ, да и до тѣхъ поръ страдалъ—не изъ злобы онъ поступалъ такъ, а былъ такимъ, какимъ былъ. Они не подходили другъ къ другу. Они были слишкомъ различны. Въ этомъ все дѣло. Да, только въ этомъ.

Если бы онъ пожертвовалъ всѣмъ въ жизни, чтобы завоевать ее, ему бы это не удалось. Для этого нужны были слишкомъ большія перемѣны... Онъ съ ними бы не справился. Напримѣръ, далеко не ходить—Лѣтняя Фея—пожертвовать ей? Ни за что на свѣтѣ! Немного такихъ встрѣчь въ жизни. Нѣтъ, Лѣтнею Феей онъ не пожертвуетъ.

Онъ вышелъ изъ экипажа и быстро взбѣжалъ

по лѣстницѣ въ домъ, гдѣ онъ жилъ. «Нѣтъ, мой другъ, Лѣтняя Фея и я, мы созданы другъ для друга», повторялъ онъ про себя.

Онъ самъ себѣ отперъ дверь, и его поразилъ тяжелый запахъ: смѣсь карболовой кислоты и цвѣтовъ. Онъ прошелъ къ себѣ въ комнату, гдѣ лежало нѣсколько писемъ, на которыя онъ посмотрѣлъ, не трогая ихъ.

Какъ тихо здѣсь, подумалъ онъ, входя въ гостиную. На рабочемъ столикѣ Мими лежало ея вышиванье, на письменномъ столѣ бюваръ, изъ котораго выглядывалъ исписанный листокъ почтовой бумаги. Онъ посмотрѣлъ ближе и прочелъ:

Милый Эвиндъ!

Я чувствую себя такой больной сегодня вечеромъ, у меня болитъ горло и все тѣло какъ парализовано. Конечно, все это пройдетъ — а если нѣтъ?

О, милый, милый Эвиндъ, ты не знаешь, какъ много мнѣ надо сказать тебѣ, какъ во многомъ мнѣ надо просить прощенія у тебя. Я видѣла, какъ добръ ты былъ ко мнѣ въ послѣднiе годы, какъ тебѣ хотѣлось сблизиться со мной, но я не могла тебѣ помочь. Я все думала, что, когда мы оба состаримся, для насъ наступитъ настоящiй миръ и счастье. Я знала счастье; я стонала подъ тяжелымъ бременемъ любви, но ты, Эвиндъ, ми-

лый.—Человѣкъ бываетъ такимъ, какъ онъ созданъ, и этого никогда не надо забывать.

Если бы я знала, съ самаго начала поняла бы, какъ больна и разорвана твоя душа, но я поступала по предвзятымъ мыслямъ своимъ.

Какъ часто я хотѣла сказать тебѣ это, но мнѣ мѣшала какая-то странная робость. Но сегодня вечеромъ я должна съ тобою говорить.

Для меня ты былъ всѣмъ на свѣтѣ, и тогда, когда я уже не любила тебя, какъ прежде. Я ничего не знала и не хотѣла знать кромѣ тебя. Тайна жизни вдвоемъ заключается въ томъ, чтобы знать другъ друга и понимать до дна души, а не знать только себя одного.

Кончаю. Мнѣ все хуже и хуже. Пошлю дѣвушку за докторомъ Гельтъ. Какъ поправлюсь, буду продолжать писать и ты прочтешь это письмо, когда вернешься.—

Слезы навернулись на его глаза. Онъ положилъ письмо назадъ, въ бюваръ, и вдругъ ужаснулся окружающей тишинѣ.

Осторожно прокрался онъ въ столовую. Все было прибрано, но какъ-то мертвенно-пусто. Онъ остановился на минуту и посмотрѣлъ на дверь спальни Мими. Онъ тихо подошелъ и открылъ ее.

Онъ остановился на порогѣ блѣдный и неподвижный. Кровать была отодвинута на середину

комнаты. На кровати лежала Мими, покрытая простыней до плечъ. Ея свѣтлыя волосы были откинута со лба, и длинныя косы висѣли по сторонамъ ниже согнутыхъ локтей. Между пальцами, которые были скрещены на простынѣ, былъ положенъ букетъ розъ. Лицо было желто и остро, и кругомъ красиваго рта, съ нѣсколько опущенными углами, застыло выраженіе безконечной кротости и страданія. Одинъ глазъ былъ закрытъ, а вѣка другого была приподнята, и этимъ полуоткрытымъ глазомъ она неподвижно-вопросительно смотрѣла на букетъ розъ въ ея бѣлыхъ, какъ извѣсть, рукахъ.

АМАЛІЯ СКРАМЪ.

СТРАНА МАЙКА.

Пер. съ норвежск. К. Бальмонта и Ек. Струковской.

Страна Майка.

Маленькая Анита, скрестивъ голыя руки на груди, сидѣла на скамеечкѣ въ своей дѣтской, посреди маленькихъ кроватей, въ которыхъ съ закрытыми глазами лежали куклы. Она сама раздѣла куколъ и умыла, надѣла имъ ночныя рубашечки и положила ихъ подъ одѣяла, крѣпко укутавъ. И тогда сказала она старшей: Вспомни теперь стишокъ, изъ книги со сказками, что я столько разъ читала вамъ:

Смолкли всѣ крошки мои понемногу,
На небо имъ хочется, къ Богу— —
Такъ ты у воротъ Ему тихо шепни,
Что каждая слышала зовъ мой «Усни!»,
Что милыя тихія крошки
Въ одѣяльца запрятали ножки.

Потомъ она плотно задернула занавѣски у кроватей, чтобы свѣтъ висячей лампы не сдѣлалъ больно глазамъ куколъ, и сидѣла тихонько, ожидая, пока онѣ не уснутъ совсѣмъ.

«Ну, моя милая мышка, пора спать». Это была мать Аниты. Она быстро вошла въ дѣтскую.

«Шт, шт, мама», сказала шопотомъ Анита и

погрозила ей указательнымъ пальцемъ. «Ты будишь моихъ дѣтей, когда такъ громко говоришь».

«Да, это правда», тоже шопотомъ сказала мать. «Я всегда забываю, что надо быть потише, когда твои человѣчки въ постеляхъ. У нихъ нехорошая бабушка».

«О, нѣтъ, не нехорошая, потому что онѣ теперь уже полюбили тебя», и Анита утѣшая кивнула головою матери. «Немножко, ты понимаешь. Не такъ, какъ меня — онѣ мнѣ это сказали, и это тоже понятно, потому что я вѣдь ихъ мама, а ты только бабушка».

Мать стала на колѣни передъ маленькой Анитой, обняла ее и сказала: «Ты сегодня опять убаюкивала своихъ дѣтей пѣсенкой?»

«Нѣтъ, сегодня вечеромъ я не пѣла. Нельзя всегда пѣть. Потому что, если пѣть постоянно, имъ можетъ надоѣсть. Правда, мама?»

«Да, конечно. Но какъ же ты ихъ убаюкала?»

«Я имъ рассказывала про страну Майку» — сіяющими глазами и гордо закинувъ голову смотрѣла маленькая Анита на свою мать.

«Страна Майка—что это за страна такая, маленькая Анита?»

«О, это такая страна, это моя страна», отвѣтила Анита и восторженно улыбнулась. «Такая чудесная страна, гдѣ всегда свѣтло и тепло, гдѣ

солнце свѣтитъ каждый день и луна — каждую ночь.

«Тамъ цвѣты такіе большіе, какъ люди, и такіе прекрасные, какъ Богъ и Іисусъ. Но мы не видимъ ни солнца, ни луны, мы чувствуемъ только, что свѣтитъ и грѣетъ.

«Разскажи, разскажи еще!» просила мать и взяла Аниту на руки. Потомъ она сѣла на скамейку и посадила Аниту къ себѣ на колѣни.

«Почему тебѣ такъ хочется знать про страну Майку?» спросила Анита и спрятала смущенное лицо на груди у матери.

«Только потому, что я никогда не была въ странѣ Майкѣ. Я не знала даже, что существуетъ такая страна Майка. Разскажи мнѣ раньше, что ты дѣлаешь, чтобы попасть въ страну Майку?»

«Всегда, когда я закрываю глаза, я тамъ. И ночью, когда я сплю, я тоже въ странѣ Майкѣ. И знаешь, мама, иногда, когда солнце бросаетъ золото на картины въ комнатѣ, тамъ вдругъ дѣлается страна Майка».

«Что же ты дѣлаешь въ странѣ Майкѣ?»

«Какая ты любопытная», разсердилась Анита и недовольно посмотрѣла на мать. «Папа говоритъ, что никто не долженъ быть любопытнымъ и потому я больше тебѣ ничего не разскажу».

«Это не любопытство», сказала мать и нѣ-

сколько разъ поцѣловала Аниту. «Мнѣ бы только такъ хотѣлось знать что-нибудь о твоей странѣ Майкѣ».

«Она не моя, это ужъ ты повѣрь мнѣ, мама. Она принадлежитъ всѣмъ, всѣмъ. Я туда прихожу только въ гости. Но каждый разъ, какъ я тамъ бываю, меня называютъ Принцессой страны Майки».

«Принцессой страны Майки!» вскричала улыбаясь мать и подвинула ее на край колѣна.

«Принцессой» поправила Анита. «Нѣтъ, не Принцессой. Это такъ, какъ будто я тамъ одна, а тамъ такъ много, такъ много принцессочекъ!»

«Ну и о чемъ же говорятъ принцессочки другъ съ другомъ?»

«Ахъ, мама, опять любопытство», ворчливо сказала Анита и зѣвнула.

«Да, да, тогда лучше всего пойдѣмъ спать», и мать поднялась съ Анитой на рукахъ.

«Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ», закричала Анита сердито. «Еще совсѣмъ не поздно»—Анита опять зѣвнула.

Мать отнесла Аниту въ спальню, посадила на стулъ, и стала раздѣвать.

«Я скажу папѣ», угрожала Анита. «Папа говорилъ, что мнѣ не надо ложиться раньше восьми часовъ».

Скоро послѣ этого Анита въ одной руба-

шечкѣ стояла на скамейкѣ передъ умывальникомъ, а мать мыла ея лицо, шею и руки.

«Вотъ такъ, теперь ножки». Мать вылила воду изъ таза и снова наполнила его.

«Бу, какъ холодно, какъ холодно», вскрикнула Анита. «Нѣтъ, въ странѣ Майкѣ, это ужь вѣрь, мамочка, мы купаемся въ ванночкахъ изъ золота и вода падаетъ прямо съ свѣтло-голубого неба на самую середину ванночки, и вода какъ разъ такая теплая, какъ нужно».

«Вотъ, моя мышка, теперь ты готова. Хорошо быть чистенькой, когда ложишься въ постельку. Правда?»

«Да, мама. Но въ странѣ Майкѣ мы и такъ всѣ чистенькіе. Мы не можемъ въ странѣ Майкѣ быть грязными».

На Аниту надѣли ночную рубашечку и положили въ постель. «Покойной ночи, моя прелесть», сказала мама и поцѣловала ее.

Вдругъ Анита привстала на постелькѣ и воскликнула: „О, мама, мама! Ты должна знать, какъ весело въ странѣ Майкѣ! Тамъ король стоитъ цѣлый день на головѣ, и принцы съ утра до вечера ходятъ на рукахъ, и принцессочки кувыркаются на мягкой зеленой травѣ. И музыка постоянно играетъ, и всѣ принцессочки поютъ утреннія пѣсенки. А когда мы хотимъ кататься, мы ѣдемъ въ золотыхъ телѣжкахъ, и

маленькіе мальчики, въ серебряныхъ платьяхъ, съ длинными свѣтлыми локонами, цѣпляются за телѣжки и улыбаются бѣлыми зубками. И мы ѣдемъ не по большой дорогѣ, нѣтъ, мы ѣдемъ по небу, по голубымъ и бѣлымъ облакамъ, и потомъ мы пріѣзжаемъ къ воротамъ изъ бѣлаго пламени, которое насъ не жжетъ, и мы проѣзжаемъ черезъ нихъ. О, ты не знаешь, мама, какъ все это красиво».

«Но когда вы проѣзжаете черезъ ворота изъ бѣлаго пламени, куда вы тогда пріѣзжаете?»

«Тоже въ страну Майку, конечно! Страна Майка такая большая».

«Какъ бы я хотѣла знать, гдѣ эта страна Майка!»! Мать бережно взяла Аниту за плечи и опустила ее на подушки.

«Я знаю это, мама», сказала Анита. «Поди сюда, я тебѣ сейчасъ скажу».

Она обвила рученками шею матери, притянула ее къ себѣ и прошептала ей на ухо: «Ты знаешь, конечно, пѣсню о далекомъ морскомъ берегу, гдѣ былъ Рай? Такъ вотъ, Рай и есть страна Майка».

ДѢТСТВО и ЮНОСТЬ ИБСЕНА.

(ПО ИЕГЕРУ).

Переводъ съ норвежскаго К. Бальмонта.

Дѣтство и юность Ибсена.

Около 1720 года одинъ датскій шкиперъ, по имени Петеръ Ибсенъ, прибылъ изъ Мбена въ Бергенъ, гдѣ онъ приобрѣлъ права гражданства и женился на дочери одного заѣзжаго нѣмца. Это былъ прапрадѣдушка поэта Генрика Ибсена.

Дѣдушка его носилъ имя Генрика Петерсена Ибсена и также былъ шкиперомъ. Онъ обвѣнчался съ Венхе Дишингтонъ, дочерью заѣзжаго шотландца, приобрѣвшаго права гражданства, но умеръ еще до истеченія года послѣ своей свадьбы. Вдова вышла впоследствии замужъ за пробста Липпе въ Скіенѣ, и такимъ образомъ отпрыскъ семьи Ибсеновъ былъ связанъ съ этимъ городомъ. Отъ перваго брака у вдовы Генрика Петерсена Ибсена былъ сынъ, который родился уже послѣ смерти своего отца и также былъ названъ Генрикомъ.

Второй Генрикъ Ибсенъ женился въ Скіенѣ на дочери купца Плеснера. Какъ этотъ купецъ, такъ и его жена были по происхожденію нѣмцы. Но и этотъ бракъ былъ очень непродолжителенъ. Именно, Генрикъ Ибсенъ выбралъ дѣятельность

своего отца и дѣдушки, и корабль, капитаномъ и собственникомъ котораго онъ былъ, погибъ со всѣмъ экипажемъ вблизи отъ Гримштада. Только обломки и доска, носящая названіе корабля, были прибиты къ землѣ и сообщили объ несчастіи. Спустя годъ, вдова вышла за шкипера Оле Пауса, отъ котораго у нея родилось пятеро дѣтей. Сынъ ея отъ перваго брака назывался Кнудомъ и былъ отцомъ поэта.

Его мать называлась Маріей Корнеліей Альтенбургъ и была дочерью богатаго скіенскаго купца, который, какъ это тогда было въ обычаѣ, началъ свою карьеру въ качествѣ кораблехозяина; онъ также былъ нѣмецъ по происхожденію.

Во всѣхъ этихъ четырехъ поколѣніяхъ, къ датской фамиліи примѣшивалась чуждая кровь, нѣмецкая, шотландская, нѣмецкая и опять нѣмецкая. Если бы мы разсмотрѣли генеалогическія данныя съ материнской стороны, можетъ быть, мы и нашли бы, въ видѣ составной части, норвежскую кровь, но рассматривая происхожденіе Генрика Ибсена по прямой линіи, мы видимъ, что ни одна капля норвежской крови не играла никакой роли въ образованіи его темперамента, считающагося тѣмъ не менѣе «чисто-норвежскимъ».

Его происхожденіе проливаетъ свѣтъ на его внутреннее «я»; оно объясняетъ обособленное

положеніе Генрика Ибсена и его космополитизмъ; оно дѣлаеть понятнымъ, почему онъ могъ такъ легко порвать съ своей родиной и больше двадцати лѣтъ прожить въ добровольномъ изгнаніи.

Оно даетъ намъ также возможность угадать источникъ еще болѣе глубокихъ особенностей его натуры. Шотландскій пуританизмъ и идеализмъ, которые оба играли такую захватывающую роль въ исторіи Шотландіи и наложили свой отпечатокъ на философію страны, невольно бросаются въ глаза, когда смотришь на этого человѣка, чьи требованія по отношенію къ людямъ неумолимы, какъ требованія идеалиста, и чье міросозерцаніе мрачно, какъ міросозерцаніе пуританина.

И потомъ нѣмецкое вліяніе: способность нѣмца къ умозрѣнію, его пристрастіе къ чистой абстракціи, его склонность къ строго-последовательному и систематическому мышленію,— не находимъ ли мы всѣ эти черты въ индивидуальности Генрика Ибсена, и не оказали ли онѣ своего вліянія на образованіе его душевнаго склада?

Если мы хотимъ еще подробнѣе разсмотрѣть откуда онъ унаслѣдовалъ свои душевныя качества, мы должны въ особенности остановитъ свое вниманіе на его предкахъ по женской линіи. Ихъ вліяніе, повидимому, было самое значительное.

Бабушка его была, по тогдашнимъ возрѣніямъ, очень образованная женщина. Во всемъ, что волновало людей того времени, она принимала живое участіе. По своему характеру она отличалась строгостью и серьезностью и при этомъ была дѣйствительно религіозна, что въ ту эпоху, въ ея кругу, не было зауряднымъ явленіемъ. Объ ея дѣтяхъ отъ второго брака рассказываютъ, что они, за небольшимъ исключеніемъ, отличались сдержанностью и замкнутостью, дѣлавшими сближеніе съ ними затруднительнымъ.

Мать была также замкнутая натура, и ей было трудно вступать съ кѣмъ-либо въ какія-нибудь отношенія. Ея сдержанность съ годами перешла въ застѣнчивость, что въ большей или меньшей степени должно было унаслѣдоваться ея дѣтьми.

Темпераментъ предковъ по мужской линіи отличался болѣе свѣтлымъ характеромъ. Дѣдъ Генрика Ибсена отличался живымъ умомъ. У него былъ веселый нравъ и, по рассказамъ, онъ постоянно выдумывалъ одну шутку за другой.

Отецъ его унаслѣдовалъ строгость матери и живость своего отца. Черты эти выражались у него въ колкомъ остроуміи.

Это была жизнерадостная и общительная натура; при блестящемъ умѣ онъ всегда имѣлъ наготовѣ остроу, благодаря чему всѣ окружа-

ющіе любили его — и боялись, такъ какъ его шутки были не всегда добродушны; иногда онъ былъ язвителенъ и беспощаденъ по отношенію къ тѣмъ, кто такъ или иначе сумѣлъ возбудить его нерасположеніе. Очевидно, что сынъ унаслѣдовалъ отъ него въ зародышѣ способности, давшія ему возможность написать «Комедию любви» и «Союзъ молодежи».

При такихъ данныхъ наслѣдственности, въ качествѣ перваго ребенка, родился въ Скіенѣ Генрикъ Ибсенъ 20 марта 1828 года.

Скіенъ представлялъ изъ себя тогда, такъ же какъ и теперь, маленькій городокъ, застроенный деревянными домами и насчитывавшій едва 3,000 жителей. Но какъ ни малъ былъ городъ, однако въ немъ кипѣла лихорадочная жизнь, онъ отличался довольно значительными торговыми сношеніями и Кнудъ Ибсенъ, занятый, многоразличными дѣлами, жилъ въ самомъ центрѣ города.

О первыхъ впечатлѣніяхъ своего дѣтства Ибсенъ самъ написалъ и предоставилъ въ распоряженіе автора слѣдующее: «Когда нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ моемъ родномъ городѣ Скіенѣ улицы получили названія, — или можетъ быть были только переименованы, — мнѣ оказали честь и назвали моимъ именемъ одну изъ улицъ. Такъ, по крайней мѣрѣ, сообщаютъ газеты, а

также я это слышалъ отъ нѣкоторыхъ путешественниковъ, заслуживающихъ довѣрія. По ихъ описанію эта улица ведетъ отъ рынка внизъ къ гавани или такъ наз. «Muddring».

«Но если данное указаніе справедливо, то я не знаю, на какомъ основаніи эта улица должна носить мое имя, такъ какъ я не родился въ ней и никогда въ ней не жилъ.

«Я родился въ домѣ, стоящемъ на рыночной площади «Stockmans Gaard» (нужно читать «Горь»), какъ она тогда называлась. Этотъ «дворъ» находился какъ разъ противъ лицевой стороны церкви съ ея высокой лѣстницей и стройной колокольней. Направо отъ церкви стоялъ городской позорный столбъ, а налѣво находилась ратуша съ тюрьмой и домомъ умалишенныхъ. Четвертая сторона площади была занята классической гимназіей и реальнымъ училищемъ. Такимъ образомъ этотъ видъ былъ первымъ кругозоромъ, представившимся моимъ глазамъ. Строенія и строенія, никакой зелени, никакого свободнаго сельскаго ландшафта. Но воздухъ надъ этимъ четырехугольникомъ изъ камня и дерева былъ наполненъ цѣлые дни глухимъ стонущимъ шумомъ, который издавали Лангефось, Клостерфось и четыре другіе водопада, и среди шума и бушеванія этихъ водопадовъ прорѣзывались какіе-то пронзительные

звуки, походившіе то на плачь, то на крики женскаго голоса. Это были сотни желѣзныхъ пилъ, которыя работали около водопадовъ. Когда я впослѣдствіи читаль о гильотинѣ, я всегда вспоминаль объ этихъ пилахъ. Церковь была, безъ сомнѣнія, самымъ красивымъ зданіемъ въ городѣ. Когда въ концѣ прошлаго столѣтія, въ святочный вечеръ, въ Скіенѣ, благодаря неосторожности одной служанки, вспыхнулъ пожаръ, вмѣстѣ съ городомъ сгорѣла и старая церковь. Служанка, понятно, была казнена. Но городъ былъ снова застроенъ широкими и прямыми улицами, въ спускахъ долинъ, и на откосахъ горъ, и получилъ при этомъ новую церковь, о которой жители съ нѣкоторой гордостью говорили, что она выстроена изъ желтаго голландскаго желѣзняка копенгагенскимъ архитекторомъ и какъ разъ такой же вышины какъ церковь въ Конгсбергѣ ¹⁾. Эти преимущества я не сумѣлъ тогда оцѣнить надлежащимъ образомъ; но что привлекало мое вниманіе, такъ это бѣлый, толстый тяжеловѣсный ангель, который въ буднич-

1) Конгсбергъ на обѣихъ сторонахъ Лагена или Лангена въ южной части Нумедала въ 28 километрахъ на ю.-з. отъ Христіаніи; въ немъ есть большая каменная церковь 18 столѣтія. Церковь въ Скіенѣ выстроена въ 1777 г. Желѣзнякомъ называется голландскій сильно пережженный кирпичъ, при паденіи издающій звонъ.

ные дни съ чашей въ рукахъ виталь наверху подъ сводами, а по воскресеньямъ, когда происходило крещеніе дѣтей, тихо опускался книзу.

«Однако, пожалуй, еще болѣе, чѣмъ бѣлый ангель въ церкви, меня интересоваль черный пудель, жившій наверху, на колокольнѣ, откуда сторожъ ночью выкрикиваль часы. У этого пуделя были красные огненные глаза; но онъ рѣдко показывался. Собственно говоря, онъ заявилъ о своемъ существованіи, сколько мнѣ извѣстно, всего только одинъ разъ. Это было въ ночь на новый годъ, именно тогда, когда сторожъ сквозь пролетъ передней стороны прокричалъ «часъ». Тогда черный пудель взошелъ вверхъ по лѣстницѣ сзади него, тихо всталъ и посмотрѣлъ на него своими огненными глазами, только посмотрѣлъ, ничего больше, но сторожъ бросился черезъ пролетъ внизъ на площадь, гдѣ его нашли мертвымъ благочестивые люди, заблаговременно отправлявшіеся въ новый годъ къ ранней обѣднѣ. Съ этой ночи уже никогда больше сторожъ не выкрикиваль «часъ» въ пролетъ скіенской церкви.

«Это событіе съ церковнымъ сторожемъ и пуделемъ произошло, впрочемъ, задолго до моего времени, и позднѣе я узналъ, что подобныя происшествія въ старое время совершались также еще въ разныхъ другихъ норвежскихъ

церквахъ. Но церковный пролетъ сдѣлался для меня, въ то время, когда я былъ еще ребенкомъ, достопримѣчательнымъ, потому что тамъ наверху я получилъ первое сознательное и глубокое впечатлѣніе. Именно, моя нянюшка принесла меня однажды на колокольню и посадила тамъ въ отверстіи, въ то время, какъ сзади она, понятно, держала меня крѣпко своими вѣрными руками. Я ясно помню, какъ меня удивило то обстоятельство, что я, смотря на людей, идущихъ вниз, видѣлъ прежде всего ихъ шляпы.—Я заглянулъ въ наши собственныя комнаты, увидѣлъ оконныя рамы, занавѣси и мою мать, стоящую у одного изъ оконъ; я могъ даже поверхъ кровли дома осмотрѣть все пространство двора, могъ увидѣть, что тамъ стояла наша гнѣдая лошадь, которая была привязана у двери въ конюшню и мотала хвостомъ. У двери въ конюшню висѣло блестящее жестяное ведро. Но въ ту же минуту, какъ я все это увидѣлъ, внизу у воротъ нашего дома началась бѣготня, послѣдовали символическія помахиванья вверхъ; нянька торопливо схватила меня и поспѣшила внизъ. Больше я ничего не могу вспомнить, но впоследствии няня часто рассказывала мнѣ, что моя матушка увидѣла меня сверху, въ пролетѣ колокольни, и, громко вскрикнувъ, упала въ обморокъ, какъ это тогда водилось, и что потомъ, когда меня принесли къ

ней, она плакала, цѣловала меня и прижимала къ своему сердцу. Позднѣе, когда я былъ уже взрослымъ мальчикомъ, я никогда не проходилъ по площади, чтобы не бросить взглядъ на колокольный пролетъ. Мнѣ казалось, что съ этимъ отверстіемъ и церковнымъ пуделемъ у меня какъ будто какая-то особенная связь.

«Въ моей памяти сохранилось только еще одно воспоминаніе изъ этихъ первыхъ лѣтъ моей жизни. Отъ крестнаго отца, въ числѣ другихъ вещей, я получилъ въ подарокъ большую серебряную монету; на ней была видна мужская голова. У мужчины, который изображался на монетѣ, былъ высокій лобъ, большой горбатый носъ и выдающаяся нижняя губа; притомъ шея у него была совершенно голая, что я находилъ очень страннымъ. Няня пояснила мнѣ, что на монетѣ изображенъ «король Фридрихъ гех». Однажды я уронилъ монету на полъ, съ цѣлью поиграть ей; это имѣло дурной исходъ, такъ какъ монета укатилась въ щель. Полагаю, что мои родители увидали въ такомъ происшествіи дурное предзнаменованіе—потому что вѣдь это былъ подарокъ крестнику! Половицы были вынуты; долго и тщательно рылись и искали въ землѣ монету, но «король Фридрихъ гех» такъ и не показался больше никогда на Божій свѣтъ. Долго я не могъ освободиться отъ мысли, что

я—преступникъ; и когда полицейскій служитель, Петеръ Тискеръ, выходилъ изъ ратуши и шель повидимому къ нашему дому, я бѣжалъ обыкновенно изо всѣхъ силъ въ свою дѣтскую, и прятался тамъ подъ кровать.

«Мы, впрочемъ, не долго жили на торговомъ «дворѣ», на площади. Мой отецъ купилъ домъ большихъ размѣровъ, и мы перебрались въ него, когда мнѣ было приблизительно около 10 лѣтъ. Это новое жилище представляло изъ себя домъ, стоявшій нѣсколько выше надъ общимъ уровнемъ города. Въ новомъ домѣ было много большихъ комнатъ, какъ внизу, такъ и наверху, и семья наша вела здѣсь веселую, шумную жизнь. Но мы, мальчики, мало сидѣли дома. Площадь, гдѣ находились обѣ школы, служила для городской молодежи естественнымъ мѣстомъ сборищъ и сраженій. Въ классической школѣ царилъ тогда старый, знатный, чрезвычайно любезный ректоръ Эрнъ; первымъ лицомъ въ другой школѣ былъ «педель» Иверъ Фласрутъ, тоже стройный старикъ, одновременно съ исполненіемъ своихъ обязанностей въ школѣ, занимавшійся стрижкой волосъ и брадобрітіемъ. Между молодежью обѣихъ школъ происходили вокругъ церкви жаркія схватки; но такъ какъ я не принадлежалъ ни къ той, ни къ другой школѣ, я большей частью присутствовалъ лишь въ ка-

чествъ зрителя. Впрочемъ я и вообще, во время своего дѣтства, не былъ охотникомъ до споровъ. Гораздо болѣе притягательной для меня силой обладали вышеупомянутые позорный столбъ и ратуша съ ихъ мрачными, вызывавшими разныя предположенія, загадочными принадлежностями. Позорный столбъ былъ краснобурого цвѣта вышиной въ человѣческой ростъ; сверху онъ заканчивался большой круглой капителью, выкрашенной первоначально въ черный цвѣтъ. Тогда эта капитель выглядывала, какъ человѣческое лицо, нѣсколько перекошенное и въ то же время добродушно приглашающее къ себѣ. Съ передней стороны на столбѣ висѣла желѣзная цѣпь и на ней разомкнутая скобка, изгибы которой походили какъ бы на двѣ руки, готовыя, какъ мнѣ казалось, съ величайшимъ удовольствіемъ уцѣпиться вокругъ моей шеи. Между прочимъ, позорный столбъ уже нѣсколько лѣтъ былъ безъ употребленія, но я хорошо помню, что, несмотря на это, все время, пока я былъ въ Скіенѣ, онъ стоялъ на своемъ мѣстѣ. Существуетъ ли онъ теперь,—не знаю.

«Потомъ мое вниманіе останавливалось на ратушѣ. Въ ней, такъ же какъ и въ церкви, была высокая лѣстница. Внизу помѣщался тюремный подвалъ съ рѣшетчатыми окнами, выходившими на площадь. За рѣшетками я видѣлъ много блѣд-

ныхъ и мрачныхъ лицъ. Самое нижнее пространство въ этомъ погребѣ называлось «кельей для сумасшедшихъ». И, дѣйствительно, какъ это ни невѣроятно кажется мнѣ теперь, оно служило въ свое время помѣщеніемъ, куда запирали помѣшанныхъ. Въ «кельѣ» также были рѣшетчатые окна; но внутри за рѣшеткой было чрезвычайно маленькое оконное отверстіе, задѣланное плотнымъ желѣзнымъ листомъ, испещреннымъ маленькими круглыми дырочками, что ему придавало видъ рѣшета. Объ этой конурѣ рассказываютъ, между прочимъ, что она служила мѣсто-пробываніемъ для одного изъ очень извѣстныхъ въ то время преступниковъ, по имени Брейндаль; думаю также, что въ ней находилъ себѣ жилище убѣжавшій и снова пойманный крѣпостной, захваченный на площади. Объ этомъ послѣднемъ очевидцы рассказывали, что онъ, будучи приведенъ на мѣсто исполненія наказанія, плясалъ, но когда опять долженъ былъ вернуться въ келью, былъ прикованъ къ тачкѣ.

«Скиенъ представлялъ изъ себя во время моего дѣтства очень оживленный, шумный городъ,—совершенный контрастъ тому, чѣмъ онъ сдѣлался позднѣе. Частью въ самомъ городѣ, частью въ большихъ окрестныхъ имѣніяхъ жило много образованныхъ, состоятельныхъ и видныхъ семействъ. Близкія родственныя связи существо-

вали между большею частью этихъ семействъ, балы, обѣды и музыкальныя собранія слѣдовали другъ за другомъ и зимой и лѣтомъ. Часто въ городѣ наѣзжали также путешественники, и такъ какъ въ то время въ городѣ не было гостиницъ въ собственномъ смыслѣ этого слова, то приѣзжавшіе останавливались обыкновенно у друзей и родственниковъ. Въ нашемъ большомъ, помѣстительномъ домѣ почти всегда были чужіе посѣтители, и въ особенности во время Святковъ и ярмарочнаго сезона домъ былъ всегда полонъ и въ немъ съ утра до вечера шло угощенье. Ярмарки въ Скиенѣ бывали въ февралѣ,—и для насъ, мальчугановъ, это было особенно счастливое время; еще за полгода передъ этимъ мы начинали копить деньги, чтобы смотрѣть на фокусниковъ, канатныхъ плясунуновъ и объѣздчиковъ лошадей (hesteberiderne) и чтобы покупать въ ярмарочной лавкѣ пряники. Въ моей памяти осталось воспоминаніе о большомъ народномъ праздникѣ, продолжавшемся около недѣли.

«17-е мая ¹⁾ справлялось тогда въ Скиенѣ не особенно торжественно. Кое-какіе молодые люди стрѣляли за городомъ въ цѣль изъ кремневыхъ ружей или сжигали «вѣдьмъ» ²⁾,—вотъ и все.

¹⁾ Праздничный день въ Норвегіи, въ который устраиваются обыкновенно разныя народныя увеселенія.

²⁾ Маленькія самодѣльныя лягушки изъ соломы, наполненныя порохомъ.

«Я думаю, что эта сдержанность въ такомъ жизнерадостномъ городкѣ, какъ нашъ, просто объяснялась деликатностью по отношенію къ одному очень видному человѣку, имѣнье котораго находилось вблизи отъ города, и котораго по разнымъ причинамъ не хотѣли очень беспокоить.

«Но тѣмъ веселѣе проходила ночь на Ивановъ день; она праздновалась не всѣми сообща; мальчики и взрослая городская молодежь образовывали изъ себя пять-шесть отдѣльныхъ группъ, изъ которыхъ каждая была должна сама приготовить матеріалы для своего костра. Уже около Троицы мы начинали бродить по корабельнымъ верфямъ и мелочнымъ лавочкамъ и выпрашивать бочки изъ-подъ смолы. Съ незапамятныхъ временъ сохранился оригинальный обычай: чего не давали добровольно, то бывало уворовано, причемъ ни собственникъ, ни полиція никогда и не помышляли преслѣдовать подобные проступки. Такимъ образомъ каждая группа постепенно прибрѣтала цѣлую кучу пустыхъ боченковъ. Такое же присвоенное право имѣли мы по отношенію къ старымъ перевознымъ лодкамъ, валяющимся на землѣ. Еспи намъ удавалось утащить, при соблюденіи полной тишины, ту или другую лодку и хорошо спрятать свою добычу, мы прибрѣтали этимъ право собственности на нее, или во всякомъ случаѣ такія права никогда никѣмъ не оспа-

ривались. Украденная лодка въ день передъ Ивановой ночью съ триумфомъ шествовала черезъ улицу къ мѣсту, гдѣ намѣревались разложить костеръ. Наверху, въ лодкѣ сидѣлъ музыкантъ. Я самъ былъ много разъ свидѣтелемъ, однажды даже участникомъ въ такой процессіи».

Свѣдѣній, сообщаемыхъ здѣсь Ибсеномъ, вполне достаточно, чтобы составить себѣ понятіе о впечатлѣніяхъ, вынесенныхъ имъ изъ дѣтства.

Впечатлѣнія гнетущія, вызывающія печальное настроеніе, имѣли перевѣсъ. Строгій видъ церкви, мрачное зданіе тюрьмы, суровый позорный столбъ, ужасы дома умалишенныхъ,—все это, соединившись въ одно цѣльное впечатлѣніе, успѣло набросить тѣнь на юношескую жизнерадостность и рано приучило задумываться,—хотя ярмарочныя увеселенія и костры Ивановой ночи и дѣйствовали въ противоположномъ направленіи.

Скіенцы издавна приобрѣли репутацію очень религіозныхъ людей; сектантскія религіозныя движенія всегда имѣли здѣсь благодарную почву. Уже въ прошломъ столѣтіи городъ считался очагомъ піетизма, а во время пребыванія въ немъ Генрика Ибсена, въ немъ жилъ извѣстный своею дѣятельностью проповѣдникъ, Ламмерсъ, вызвавшій движеніе, которое съ тѣхъ поръ носить его имя. Изъ Скіена, какъ изъ центра, оно

распространилось потомъ по всей странѣ, всюду, вызывая броженіе умовъ. Сильнѣе всего, понятно, оно было въ самомъ Скіенѣ, и Ибсенъ былъ въ самомъ тѣсномъ соприкосновеніи съ этимъ движеніемъ, когда многіе изъ его родныхъ были имъ захвачены. Потомъ, воспоминанія изъ этой эпохи броженія послужили ему отчасти матеріаломъ для его «Бранда».

Также и въ другомъ произведеніи Ибсена— «Союзъ молодежи»—не безъ основаній усматриваютъ результатъ впечатлѣній, вынесенныхъ имъ изъ жизни въ родномъ городѣ.

Въ Скіенѣ была своя «аристократія», состоявшая изъ чиновнаго люда и старыхъ богатыхъ фамилій, живущихъ въ городѣ и въ окрестностяхъ; остальные представляли изъ себя «плебеевъ». Между двумя этими кастами была такая же непроходимая стѣна, какъ между горожанами и дворянами въ маленькихъ нѣмецкихъ государствахъ прошлыхъ столѣтій. Здѣсь невозможно было посредствомъ энергіи и дѣятельности возвыситься до того, чтобы перескочить эту стѣну; кто выдвигался впередъ, того каждый, на манеръ помѣщика Монсена («Союзъ молодежи»), считалъ выскочкой, хотя бы даже его положеніе никогда не было такъ прочно, какъ у этого послѣдняго; напротивъ, очень легко было быть исключеннымъ изъ этого круга, разъ чьи-нибудь

имущественныя отношенія переставали быть достаточными настолько, чтобы данная личность имѣла право вступленія въ этотъ кругъ.

Домъ Ибсена, благодаря положенію и родственнымъ связямъ главы семьи, принадлежалъ къ аристократіи и во время самаго ранняго дѣтства Генрика Ибсена служилъ нѣкоторымъ средоточіемъ общественной жизни города. Кнудъ Ибсенъ именно являлся такимъ человѣкомъ, который какъ своимъ остроуміемъ, такъ и другими общежительными талантами, умѣлъ собирать вокругъ себя общество; къ этому присоединилось еще то обстоятельство, что онъ былъ веселый хозяинъ, и ему доставляло удовольствіе имѣть большой и очень гостепріимный домъ.

Но когда Ибсену было около 8-ми лѣтъ, этой благополучной жизни внезапно насталъ конецъ. Отцу пришлось ликвидировать свои дѣла — и единственное, что осталось у семьи, это—небольшое, порядкомъ запущенное и заброшенное имѣнье, усадьба Венстобъ, лежавшая вблизи отъ города. Здѣсь семья Ибсена нашла, послѣ своего крушенія, убѣжище, и жизнь, которую она здѣсь вела, отличалась крайней бѣдностью и уединенностью, что составляло рѣзкій контрастъ по отношенію къ прежнему великолѣпію.

Если семья раньше совсѣмъ не замѣчала соціальной пропасти, существовавшей въ городѣ,

то въ черные дни тѣмъ глубже пришлось со-
знать ее. Новыя условія жизни, безъ сомнѣнія,
набросили рѣзкую тѣнь на семейную жизнь, и
Генрикъ Ибсенъ, какъ старшій ребенокъ, силь-
нѣе всего ощутилъ это вмѣстѣ съ родителями.
Онъ сразу почувствовалъ себя выброшеннымъ
изъ колена и рано познакомился съ испытаніями,
о которыхъ онъ говоритъ въ одномъ изъ пер-
выхъ своихъ стихотвореній (въ 1850 г.)

Кто на пышный пиръ житейскій
Не былъ въ гости приглашень,
Пусть тотъ будетъ тамъ, на волѣ,
Бурной ночью окружень!
Пусть какъ нищій, какъ бродяга,
Онъ на улицѣ стоитъ,
Пусть онъ съ завистью тревожной
Въ окна свѣтлыя глядитъ!

Во всякомъ случаѣ вѣрно то, что уже съ
раннихъ лѣтъ своей жизни онъ обращаетъ на
себя вниманіе необычной для ребенка серьез-
ностью. Онъ не игралъ въ тѣ игры, въ которыя
играютъ другія дѣти. Когда его четыре младшія
сестры возились на дворѣ, устраивая разныя
игры, онъ удалялся въ маленькую каморку, нахо-
дившуюся около входа въ кухню, и запирался
тамъ на крючекъ, съ цѣлью оградить себя отъ
безжалостныхъ выходокъ другихъ дѣтей. Здѣсь
онъ сидѣлъ въ страшномъ холодѣ, не только

лѣтомъ, но и зимой. «Для всѣхъ насъ», пишетъ его сестра въ вышеупомянутомъ письмѣ, «онъ совсѣмъ не былъ симпатичнымъ мальчикомъ, и мы дѣлали все, что только могли, чтобы помѣшать ему, бросая въ дверь и стѣну камни и снѣжные комья. Мы хотѣли, чтобы онъ игралъ съ нами въ наши игры; и если онъ не былъ въ состояніи выдерживать болѣе нападенія, онъ выскакивалъ на дворъ, съ тылу. Но такъ какъ онъ не обладалъ никакой ловкостью и насиліе было совершенно чуждо его характеру, его нападеніе этимъ и ограничивалось. Если онъ въ концѣ концовъ отгонялъ насъ на достаточно далекое разстояніе, онъ возвращался въ свою комнату».

Что же онъ тамъ дѣлалъ?

Прежде всего онъ сидѣлъ и занимался многими доставшимися ему старыми книгами. Въ этой комнатѣ онъ получилъ свѣдѣніе о старой книгѣ, упоминаемой Гедвигой въ 3-мъ актѣ его «Дикой утки», и слова, вложенныя здѣсь въ ея уста, могутъ быть разсматриваемы именно, какъ личное воспоминаніе автора изъ времени дѣтства. «Такъ вы и книги читаете?» спрашиваетъ Грегерсъ. — «О, да, когда я могу. Но это большей частью англійскія, а я англійскаго языка не знаю. Тогда впрочемъ я смотрю картинки. — Именно вонъ въ этой книгѣ—это большая тяжелая кни-

га — она называется: «Harryson's History of London». Ей навѣрное около ста лѣтъ; и въ ней пропасть картинъ. Прежде всего изображена смерть, песочные часы и какая-то дѣвочка. Это я нахожу противнымъ. Но тамъ много еще и другихъ картинъ, изображающихъ церкви, замки, улицы и большіе корабли, плывущіе по морю».

Когда онъ не былъ занятъ книгами, онъ занимался «магіей». «Нерѣдко онъ получалъ въ воскресные вечера позволеніе, выступить въ одной изъ комнатъ въ качествѣ мага», рассказываетъ дальше въ томъ же письмѣ, «и всѣ сосѣди получали приглашеніе присутствовать при представленіи. Я вижу его все еще явственно, какъ онъ въ своей коротенькой курточкѣ стоитъ за большимъ ящикомъ, украшенномъ всякой всячиной по этому случаю; здѣсь онъ показывалъ вещи, представлявшіяся удивленнымъ глазамъ зрителей волшебствомъ. Никто, понятно, не зналъ, что въ ящикѣ сидѣлъ младшій братъ Генрика, предварительно заставлявшій дать ему хорошее вознагражденіе. Въ противномъ случаѣ онъ грозилъ произвести шумъ, а это для Генрика было самымъ страшнымъ, что только могло случиться, поэтому онъ обыкновенно обѣщалъ сдѣлать все, что требовалъ другой».

Онъ также усердно занимался карандашомъ и красками. Онъ рисовалъ на картонѣ порядоч-

ное количество фигуръ въ блестящихъ одеждахъ, которыя потомъ вырѣзаль и наклеиваль на деревянные чурбашки, такъ что онѣ сами могли стоять. Послѣ этого онѣ образовываль изъ нихъ разныя группы, нѣкоторыя какъ бы ведущія живой разговоръ, другія съ такими минами, какъ будто онѣ хотѣли дать понять, что случилось что-то такое важное. Это были первые опыты сценической обстановки будущаго драматурга.

Единственной забавой на чистомъ воздухѣ, къ которой у него сколько-нибудь лежало сердце, была игра въ постройки. Этимъ онѣ по временамъ занимался съ большимъ жаромъ. «Между прочимъ», пишетъ сестра, «я помню одну крѣпость, по моимъ тогдашнимъ понятіямъ настоящее чудо искусства; постройка ея потребовала отъ него и отъ его младшаго брата долгой работы. Но крѣпость не должна была долго существовать; какъ только она была готова, онѣ взялъ ее приступомъ и разрушилъ до основанія». Вѣроятно онѣ читаль о какомъ-нибудь историческомъ событіи и хотѣлъ его оживить такимъ образомъ.

Генрикъ Ибсенъ посѣщаль тогда реальное училище въ Скіенѣ, которымъ завѣдывали два кандидата теологіи. Онѣ занимался тамъ обычными ученическими предметами и учился также немного латыни. Въ особенности его заинтере-

совало преподаваніе Закона Божія. По цѣлымъ часамъ онъ могъ просиживать съ своимъ учебникомъ, отыскивая въ Библии указываемыя въ немъ мѣста. Гальворсенъ въ своихъ выпускахъ «Словаря Норвежскихъ писателей» ¹⁾, трактующихъ объ Ибсенѣ, приводитъ еще нѣкоторыя, крайне симпатичныя, черты изъ школьной жизни Ибсена, и я не могу удержаться, чтобы не включить ихъ сюда. «Генрикъ Ибсенъ», рассказываетъ онъ, «ходилъ въ небольшую среднеобразовательную школу; онъ выказывалъ крайній интересъ къ исторіи и Закону Божію и по воспоминаніямъ учителей былъ тихимъ мальчикомъ съ рѣдкостными глазами и незаурядными способностями къ рисованію; но кромѣ этого послѣдняго, его склонности не отличались рѣзкой опредѣленностью. Одинъ школьный товарищъ помнитъ объ немъ нѣсколько лучше и отмѣчаетъ какъ особенно выдающіяся черты: свѣтлый умъ, легкое пониманіе, живой, раздражительный, вспыльчивый характеръ, злой языкъ, склонность къ насмѣшкѣ, но вмѣстѣ съ тѣмъ дружеское обращеніе и чувство товарищества. «Онъ былъ», прибавляетъ тотъ же самый другъ юности, «цѣлой головой выше всѣхъ насъ. Съ большимъ жаромъ читалъ онъ всеобщую исторію, въ особенности древнюю,

¹⁾ Halvorsen «Norsk Forfatterlexikon».

и выказывалъ замѣчательную глубину пониманія». «У меня въ душѣ»,—пишетъ тотъ же рассказчикъ въ 1875 году, «возстаетъ воспоминаніе о томъ, какая тишина была въ классѣ, когда Ибсенъ читалъ вслухъ свою письменную работу, гдѣ онъ приблизительно слѣдующимъ образомъ рассказывалъ, какой онъ видѣлъ сонъ:

«Во время одного путешествія по высямъ горъ, мы, будучи исполнены отчаянія и изнеможенія, были захвачены мракомъ ночи. Какъ нѣкогда Іаковъ, легли мы спать, положивши свои головы на камни. Мои товарищи скоро задремали, но я самъ не могъ спать. Наконецъ усталость взяла свое; тогда, во снѣ предо мной предсталъ ангель и сказалъ: «Встань и слѣдуй за мною!»—«Куда ты хочешь вести меня среди этой тьмы?»—спросилъ я.—«Пойдемъ», сказалъ онъ,—«я хочу показать тебѣ зрѣлище людской жизни въ ея дѣйствительномъ, неприкрашенномъ видѣ». Тогда я пошелъ за нимъ, весь исполненный робости, и мы все спускались, точно по огромнымъ ступенямъ, пока скалы не превратились надъ нами въ величественный сводъ, и передъ нами предсталъ громадный мертвый городъ, хранившій на себѣ всѣ ужасные слѣды смерти и разложенія,—отцвѣтшее, поблекшее и угасшее величіе. И надо всѣмъ этимъ—брезжущій свѣтъ, подобный тому, какой распространяютъ по кладбищу церковныя

стѣны и выкрашенные въ бѣлое надгробные кресты, — и въ еще болѣе сильномъ освѣщеніи, — блѣдные скелеты, наполнявшіе безконечными рядами все темное пространство. Паническій страхъ ощутилъ я, при взглядѣ на зрѣлище, открывшееся въ той сторонѣ, гдѣ стоялъ ангелъ: «Вотъ взгляни», сказалъ онъ — «все суета». Тогда вдругъ поднялся гулъ, точно отъ первыхъ слабыхъ порывовъ начинающейся грозы, точно тысячеголосый тяжелый вздохъ, и онъ разросся въ стонущую бурю, такъ что даже мертвецы задвигались и стали протягивать ко мнѣ свои руки. И съ крикомъ я проснулся, мокрый отъ холодной ночной росы». — Безспорно, это замѣчательный языкъ для ребенка, не достигшаго еще 15-ти лѣтняго возраста, — а именно въ такомъ возрастѣ Ибсенъ прекратилъ свое ученіе, и вдвойнѣ замѣчательный тѣмъ, что уже въ этой странной дѣтской романтикѣ звучитъ тонъ, согласующійся съ основнымъ настроеніемъ будущаго творчества вполне созрѣвшаго поэта. По этому поводу самъ Ибсенъ говоритъ, что хорошо помнить, какъ написалъ сочиненіе, поставившее его на нѣкоторое время въ натянутыя отношенія съ учителемъ норвежскаго языка, человѣкомъ вообще «отличнымъ». Именно, учителю пришло въ голову, что мальчикъ списалъ сочиненіе изъ какой-нибудь книги, и, когда онъ высказалъ свое предположеніе въ

классъ, «я», говоритъ Ибсенъ, «опровергъ его болѣе энергичнымъ образомъ, чѣмъ это могло ему быть пріятнымъ».

Когда Генрику было 14 лѣтъ, его родители опять переѣхали въ Скиенъ. По истеченіи нѣкотораго времени, онъ былъ подтвержденъ и затѣмъ оставилъ родныя мѣста, для того чтобы добывать кусокъ хлѣба и поискать счастья въ жизни. При тогдашнемъ его матеріальномъ положеніи не могло быть и рѣчи о выборѣ призванія, къ которому у него была наибольшая склонность; онъ долженъ былъ удовольствоваться тѣмъ, что требовало наименьшихъ затратъ и что скорѣе всего могло дать ему возможность найти себѣ пропитаніе.

У Ибсена было желаніе сдѣлаться художникомъ. Поэтому онъ съ постоянно возрастающимъ жаромъ занимался рисованіемъ красками, и даже продолжалъ эти занятія, когда уже выступилъ въ качествѣ писателя. Какъ великъ былъ его талантъ въ данномъ отношеніи, я не могу высказать въ настоящую минуту никакого сужденія, такъ какъ мнѣ не удалось видѣть ни одного его опыта въ этой области искусства ¹⁾. Но что тутъ было болѣе, чѣмъ поверхностное увлеченіе,

¹⁾ Боткенъ-Ганзенъ называетъ его въ біографіи, помѣщенной въ «*Illustreret Nyhedsblad*» за 1863 годъ, удачнымъ диллетантомъ въ сферѣ живописи.

это доказываетъ его глубокой интересъ къ образовательнымъ искусствамъ, сохранившійся у него по прошествіи столькихъ лѣтъ до настоящаго времени. Единственный видъ собственности, къ которому Ибсенъ выказалъ себя до сихъ поръ расположеннымъ, это—картины, и во время своихъ частыхъ и долговременныхъ поѣздокъ въ Италію, онъ собралъ небольшую, хорошую коллекцію картинъ изъ эпохи Возрожденія; онъ гордился этой коллекціей и, не обращая вниманія на издержки, возилъ съ собою всюду, гдѣ только оставался на болѣе или менѣе продолжительное время. Его вѣрныя и тонкія сужденія объ образовательныхъ искусствахъ также показываютъ въ немъ способности живописца.

Само собой разумѣется, однако, что во время юности не могло быть рѣчи о развитіи этихъ способностей; средства семьи были слишкомъ ничтожны для этого, и потому его отправили въ Гримштадъ, для приобрѣтенія фармацевтическихъ познаній. Шестнадцати лѣтъ онъ покинулъ семью и родной городъ, чтобы никогда болѣе, исключая нѣсколькихъ кратковременныхъ посѣщеній, не возвращаться сюда.

Что же дала ему жизнь тамъ, въ его родномъ городѣ? Она съ самыхъ первыхъ дней наложила гнетъ на его душу. Она вызвала въ немъ страхъ и отвращеніе къ принудительнымъ мѣрамъ, при-

мѣняемымъ государствомъ по отношенію къ лицамъ, ставшимъ въ антагонизмъ съ общественнымъ порядкомъ, или вслѣдствіе собственной вины, или вслѣдствіе несчастныхъ обстоятельствъ. Тюрьма, домъ умалишенныхъ, орудіе казни, общественное мнѣніе, запечатлѣлись въ его сознаніи какъ символы угрозы. Контрастъ между бѣдностью и благосостояніемъ—одно изъ первыхъ пережитыхъ имъ впечатлѣній. Когда онъ сдѣлался достаточно взрослымъ, онъ хорошо познакомился съ тѣмъ и съ другимъ, чтобы имѣть ясное пониманіе ихъ и также скоро онъ научился чувствовать различіе въ общественномъ уваженіи, какимъ пользуются богатые и бѣдные. Все это развило въ немъ замкнутость, зародыши которой онъ уже носилъ въ себѣ, онъ сосредоточился на самомъ себѣ, сдѣлался не разговорчивъ, сдержанъ и серьезенъ. Настоящая его жизнь заключалась не въ отношеніяхъ съ людьми, его окружавшими; онъ жилъ въ мірѣ своихъ идей и грезъ.

Настроенный такимъ образомъ, Генрикъ Ибсенъ оставилъ родной городъ и отправился въ свое новое мѣстопребываніе. Онъ вступилъ въ него, какъ было уже сказано, на 16-мъ году и оставался тамъ почти до двадцати-двухъ-лѣтняго возраста, проживши слѣдовательно въ этомъ захолустьи болѣе пяти лѣтъ.

Гримштадъ еще болѣе ничтожный городокъ, чѣмъ Скіенъ. Когда Ибсенъ тамъ жилъ, въ немъ было не болѣе 800 жителей.

Какъ и большинство норвежскихъ городовъ, лежащихъ на востокъ отъ Христіаніи, онъ представляетъ изъ себя небольшой сборный пунктъ кораблей, стоящихъ на рейдѣ, пунктъ основательный и солидный. Благосостояніе здѣсь сопровождается комфортомъ. Мысли жителей такого маленькаго городка не отличаются широтой кругозора, всякій выходитъ за двери своего дома обыкновенно только для того, чтобы спросить «благополучно ли прибылъ корабль», или чтобы свести послѣдніе счета за кладѣ. Только изрѣдка большія событія, совершающіяся въ европейскомъ мірѣ, забрасываютъ слабую волну и сюда въ приморскіе города; въ такихъ случаяхъ здѣшніе жители, сталкиваясь другъ съ другомъ на улицѣ, сочувственно обмѣниваются двумя-тремя словами о послѣднихъ извѣстіяхъ, покачиваютъ головами и идутъ дальше своей дорогой. Въ такомъ городѣ имѣется клубъ, аптека, парикмахерская и гостиница. Аптека представляетъ изъ себя городскую биржу, куда сходятся всѣ досужіе люди поговорить «о событіяхъ дня», въ особенности о городскихъ происшествіяхъ, которыя всегда считаются самыми важными. Всѣ здѣсь знаютъ другъ друга вдоль и поперекъ; ни одна подроб-

ность семейной жизни не остается неизвѣстной. Всѣ другъ съ другомъ кланяются; самому богатому человѣку отвѣшиваютъ самый глубокій поклонъ, кто менѣе богатъ, тотъ получаетъ поклонъ менѣе глубокій, и такъ далѣе, кончая рабочимъ, котораго удостаиваютъ только кивкомъ головы, въ то время какъ онъ почтительно стоитъ съ фуражкой въ рукахъ. Если какой-нибудь чужестранецъ прїѣзжаетъ въ такой городъ, онъ удивляется на всѣ эти почтительные поклоны, которые онъ получаетъ отъ встрѣчающихся ему бѣдныхъ людей и чувствуетъ себя при видѣ такого низкопоклонства крайне непріятно. Это происходитъ отъ того, что онъ не знаетъ патриархальныхъ обычаевъ, но простой человѣкъ знаетъ ихъ и считаетъ повидимому за лучшее къ нимъ примѣняться, когда онъ встрѣчаетъ на улицѣ хорошо одѣтаго господина, даже если и неизвѣстно, кто это такой. Въ такомъ городѣ все идетъ размеренно, спокойно, и медленно; у всѣхъ много свободнаго времени, а притомъ, какъ извѣстно, «торопиться не годится»; чего не сдѣлаешь сегодня, право, можно сдѣлать завтра. Все, что выходитъ за уровень обычной посредственности, считается эксцентричностью; личныя особенности рассматриваются какъ недостатки характера; каждое необычно сильное проявленіе

жизни считается сумасбродствомъ, а сумасбродство—преступленіемъ.

Но тамъ, за городомъ, лежитъ море, могучее и свободное море, приносящее въ маленькій, тихій городокъ деньги, бракованные товары и новѣйшія парижскія моды изъ этого безпокойнаго большого свѣта, что лежитъ далеко-далеко. Такимъ характеромъ отличается каждый маленькій городокъ, почти даже и въ наши дни, и такимъ характеромъ онъ во всякомъ случаѣ отличался въ юные годы Ибсена и еще долгое время спустя.

Жизнь Генрика Ибсена въ этомъ маленькомъ городкѣ хорошо извѣстна благодаря тому, что рассказалъ объ ней онъ самъ въ предисловіи ко второму изданію «Катилины». Извѣстно, что эти пять лѣтъ были годами развитія и броженія идей. Онъ носился съ смѣлыми планами относительно будущаго и свободными, независимыми мыслями. Онъ не хотѣлъ довольствоваться карьерой аптекаря; онъ хотѣлъ прежде всего взобраться ступенью выше по соціальной лѣстницѣ, намѣревался сдѣлаться студентомъ и изучать медицину. И одновременно съ этимъ начали впервые проявляться его писательскія способности. Онъ долженъ былъ отвоевать себѣ свободные часы для изученія интересовавшихъ его вопросовъ и изъ этихъ отвоеванныхъ свободныхъ часовъ онъ долженъ былъ еще удѣлять минуты для творчества.

✓ Это было время 1848—49-го года. Февральская революція и послѣдовавшія за ней въ другихъ странахъ событія вызвали во всей Европѣ безпокойное броженіе, отразившееся и въ душѣ юноши Генрика Ибсена. Онъ слѣдилъ за теченіемъ событій, насколько это было возможно для аптекарскаго ученика въ Гримштадѣ, и съ юношескимъ жаромъ сталъ на сторону борцовъ за свободу. Настроенія этой эпохи отразились въ тогдашнихъ его стихотвореніяхъ. Такъ, когда въ августѣ 1849 года мадьяры потерпѣли рѣшительное пораженіе, онъ написалъ пламенное стихотвореніе «Къ Венгріи», гдѣ онъ высказываетъ свою скорбь относительно ихъ пораженія и неуспѣха дѣла свободы; но въ концѣ стихотворенія онъ ищетъ утѣшенія въ той мысли, что пораженные венгерскіе герои вольности также, какъ и тѣ, которые умерли на эшафотѣ и обагрили нѣмецкую землю своей кровью, будутъ служить для грядущаго поколѣнія яркимъ блестящимъ примѣромъ.

Юныя силы, въ грядущемъ, низвергнуть весь
гнетъ тиранніи;
Бурно, какъ вихорь осенній, встанетъ мо-
гучая рать,—
Имя погибшихъ мадьяровъ, геройское, слав-
ное имя
Смѣлому воинству будетъ—лозунгомъ свѣт-
лымъ звучать!

Около этого времени онъ также написалъ рядъ сонетовъ по поводу войны Даніи съ Германіей, о чемъ онъ говоритъ въ предисловіи къ «Катилинѣ». Это были двѣнадцать сонетовъ, носившіе призывное названіе: «Проснись Скандинавія!» Воззваніе къ норвежскимъ братьямъ. Произведеніе это явилось въ нѣкоторомъ родѣ предвѣстникомъ «Брата въ нуждѣ», гдѣ молодой авторъ въ горячихъ выраженіяхъ утверждаетъ, что Норвегія и Швеція должны поспѣшить на помощь къ Даніи, если онѣ хотятъ спасти свою честь и обезпечить свою будущность, какъ самостоятельныхъ государствъ.

Что молодой человѣкъ въ подчиненномъ положеніи держался такихъ мыслей и притомъ выражалъ ихъ въ стихахъ, это не могло, конечно, остаться незамѣченнымъ въ такомъ захолустьи, тѣмъ болѣе, что «въ важныхъ случаяхъ» онъ не могъ сдерживать себя и высказывался самымъ страстнымъ образомъ, вполне согласно съ своими стихотвореніями. Этого было достаточно, чтобы всѣхъ возстановить противъ себя. Такой молокососъ, какъ этотъ аптекарскій ученикъ, осмѣливался въ присутствіи старшихъ говорить о вещахъ, о которыхъ они даже не смѣютъ имѣть никакого мнѣнія, — нѣтъ, это было черезчуръ дерзко!

Но на этомъ дѣло не кончилось. Разъ прійдя

въ столкновение съ окружавшей средой, Ибсенъ не отступилъ съ поля сраженія. Онъ отличался боязливостью человѣка сдержаннаго, не рѣшавшагося выдвинуться впередъ, и застѣнчивостью, проистекавшей изъ опасенія навлечь на себя насмѣшки, но именно поэтому онъ отнесся какъ къ крупному событію къ тому факту, что своимъ образомъ мыслей онъ вызвалъ недоброжелательство, и вмѣсто того, чтобы уступить противнику, онъ самъ перешелъ въ наступательное положеніе. Юный неразвившійся гений устремилъ жало своей ироніи противъ этой кучки филистеровъ. «Я долженъ правды ради прибавить», шутливо говоритъ онъ, въ предисловіи къ «Катилинѣ», «что мое выступленіе въ свѣтъ не подавало никакой особенной надежды, чтобы общество, въ моей персонѣ, могло рассчитывать на увеличеніе гражданскихъ добродѣтелей, послѣ того какъ, благодаря эпиграммамъ и карриатурамъ, я вступилъ въ антагонизмъ съ многими изъ тѣхъ, кто заслуживалъ отъ меня лучшаго, и чью дружбу я по истинѣ высоко цѣнилъ. Вообще въ то время, какъ въ Европѣ переживались бурные дни, я вель войну съ тѣмъ маленькимъ міромъ, къ которому меня приковали мои житейскія отношенія и обстоятельства».

Нужно сказать, что вся эта война была бурей въ стаканѣ воды, но какъ характеристично для

Ибсена то, что мы находимъ здѣсь ясное указаніе на его позднѣйшее отношеніе къ «обществу».

Обыкновенно отношеніе между отдѣльной личностью и цѣлымъ обществомъ понимается, какъ самое гармонично-мирное. Общество есть соглашеніе между отдѣльными единицами о позволительности дѣлать или допускать тѣ или инныя вещи, благо цѣлаго есть также и благо отдѣльной личности. Общество является покровителемъ индивидуума, подѣ условіемъ, чтобы индивидуумъ исполнялъ по отношенію къ нему извѣстныя обязательства, клонящіяся къ поддержанію и усиленію взаимной системы охраны, на которой зиждется существованіе общества и обеспечивается равномѣрное, нормальное движеніе впередъ, составляющее для него конечную цѣль.

Но отношеніе между обществомъ и индивидуумомъ, существующее теперь, вовсе не такъ идиллично и мирно, какъ это представляется съ вышеописанной точки зрѣнія; отношеніе это имѣетъ свои темныя стороны; самая худшая изъ нихъ—наклонность общества предъявлять чрезмѣрныя претензіи по отношенію къ отдѣльнымъ личностямъ. Общество постоянно выказываетъ стремленіе простирать свое контролирующее вліяніе на тѣ области, куда ему доступъ долженъ быть загражденъ, оно выказываетъ на-

клонность устанавливать для личности правила и законы въ тѣхъ сферахъ, гдѣ личность имѣетъ полное право быть совершенно независимой. Напримѣръ, въ воззрѣніяхъ и убѣжденіяхъ индивидуумъ долженъ быть независимъ, ему должно принадлежать въ этомъ случаѣ верховное право рѣшенія, и однако какъ разъ здѣсь общество склонно возвеличивать мнѣнія большинства на степень обязательнаго правила, и осуждать личность, не преклоняющуюся передъ ними. Чѣмъ меньше по размѣру общественная группа, тѣмъ болѣе захватываетъ она въ свои руки частную жизнь, тѣмъ болѣе склонна она диктовать правила и тѣмъ менѣе выказываетъ она охоты признавать исключенія правомѣрными даже тамъ, гдѣ личность имѣетъ неприкосновенныя права. Въ этомъ кроется опасность не только для индивидуальной свободы, но и для самого общества; потому что прогрессъ общества обусловливается самобытностью личности, а самобытность какъ разъ представляетъ изъ себя исключеніе изъ общаго правила. Геній, въ силу такого обстоятельства, является неизбѣжнымъ и самымъ крупнымъ исключеніемъ, и, если общество суживаетъ сферу своей жизни до того, что въ ней нѣтъ болѣе мѣста генію, тогда въ силу необходимости этотъ послѣдній возстаетъ противъ общества, и въ противовѣсь тиранніи общаго

правила выставляетъ исключеніе въ качествѣ принципа.

Взятое, такимъ образомъ съ точки зрѣнія индивидуальной, отношеніе между личностью и обществомъ является не дружеской взаимной связью, а враждебнымъ столкновеніемъ. Общество въ данномъ случаѣ должно быть разсматриваемо, какъ деспотъ, а не какъ защитникъ индивидуума, какъ представитель гнета, а не представитель началъ, содѣйствующихъ развитію личности, и общепринятая правила являются орудіями пытки, посредствомъ которыхъ стараются или извратить или сузить индивидуальность съ тѣмъ, чтобы она пришла въ соотвѣтствіе съ общепринятымъ шаблономъ.

Такого рода дисгармонія между окружающей обстановкой и Генрикомъ Ибсенемъ успѣла установиться еще тогда, когда онъ былъ аптекарскимъ ученикомъ въ Гримштадѣ, и въ это время въ немъ уже дремало, хотя еще не ясное и не созрѣвшее, міросозерцаніе, которое такъ блистательно и такъ ярко обрисовалось впоследствии въ цѣломъ рядѣ зрѣлыхъ произведеній.

При такихъ обстоятельствахъ, приступилъ онъ, во время приготовленія къ экзамену на аттестатъ зрѣлости, и къ «Катилинѣ» Саллюстія и къ «Рѣчамъ противъ Катилины» Цицерона. Онъ съ жаромъ прочелъ эти сочиненія о древне-

римскомъ анархистѣ, и изъ-за морализирующаго лицемѣрнаго негодованія Саллюстія и словообильнаго адвокатскаго паэсса Цицерона передъ Ибсеномъ промелькнулъ образъ Катилины-революціонера.

Вазеніусъ взялъ на себя задачу доказать, что Катилина въ ибсеновской драмѣ представляетъ изъ себя подлинный образъ извѣстной исторической личности ¹⁾. Но какъ ни интересна эта попытка въ эстетическомъ отношеніи, она имѣетъ очень мало цѣны съ психологической точки зрѣнія, потому что мы не получаемъ здѣсь никакихъ свѣдѣній объ отношеніи поэта къ своему матеріалу. Пѣвецъ «Катилины» какъ разъ не имѣлъ никакого представленія объ историческихъ изысканіяхъ, на которыя ссылается финскій критикъ. Онъ зналъ только Катилину Цицерона и Саллюстія. Единственное умѣстное здѣсь историческое изысканіе, это—установленіе связи между произведеніемъ Ибсена и его источниками, съ цѣлью уясненія, какъ онъ поступалъ въ данномъ случаѣ. Здѣсь было бы достаточно указать главные пункты.

Между пониманіемъ личности Катилины со стороны Саллюстія и со стороны Цицерона нѣтъ

¹⁾ Valfrid Vasenius: Henrik Ibsens dramatiska diktning i dess första skede, estetisk undersökning, 50.

существенной разницы, кромѣ различія въ степени. Въ глазахъ и того и другого онъ прежде всего ни болѣе, ни менѣе, какъ необузданный искатель приключеній, у котораго на первомъ планѣ было удовлетвореніе своихъ страстей, и который, въ состояніи какого-то отчаяннаго бѣшенства, прибѣгаетъ къ самымъ безумнымъ средствамъ, когда не можетъ достигнуть своей цѣли на почвѣ законности.

Для Ибсена же онъ, напротивъ, прежде всего и больше всего—идеалистъ, пылающій негодованіемъ. Катилина Ибсена видитъ вокругъ себя всеобщую пошлость и мелочность и ужасается имъ, но въ то же время онъ самъ слишкомъ дитя этого растлѣннаго времени, чтобы быть въ состояніи успѣшно выступить въ качествѣ реформатора. Это—Катилина, который мыслить и чувствуетъ почти какъ Катонъ. Прочтите только характеристику римской жизни, какъ онъ дѣлаетъ ее въ первой же сценѣ:

Свирѣпствуютъ

Здѣсь нарушенье правъ и тираннія;
Республикой себя считаетъ Римъ;
Но граждане—всѣ низкіе рабы,
Ничтожные холопы предъ сенатомъ,
Готовые продать и честь и вольность.
Единодушье дней былыхъ исчезло;
Изсякъ свободный духъ минувшихъ лѣтъ,

И самъ сенатъ—лишь призракъ; положенье
Въ немъ—можно только деньгами купить.
Въ немъ цѣнится не право,—сила слова;
Въ немъ низость—на виду, и честь — въ
тѣни!

И поэтъ несомнѣнно желалъ, чтобы его по-
нимали буквально, когда онъ вслѣдъ за этимъ
заставляетъ Катилину описывать самого себя
такимъ образомъ:

Къ свободѣ полонъ онъ порывовъ страст-
ныхъ,
Онъ врагъ всѣхъ тѣхъ, кто хочетъ зло
творить,
Онъ другъ всѣхъ угнетенныхъ и несчаст-
ныхъ
И власть онъ смѣло жаждетъ сокрушить.

Или когда заставляеть его слѣдующее гово-
рить о своихъ планахъ:

Свобода гражданъ—вотъ къ чему стрем-
люсь я,
Мнѣ миль гражданскій духъ, что въ оно
время
Царилъ здѣсь. Снова вспомнить мы должны
О вѣкѣ золотомъ, когда за благо
Отчизны каждый римлянинъ охотно
И жизнь и достоянье отдавалъ,
Всѣмъ жертвуя—во имя правъ народа.

Въ другомъ мѣстѣ авторъ заставляетъ даже его назвать себя именемъ Катона, когда Катилина говоритъ о своихъ планахъ:

Когда-то я мечталъ. Какія думы
Великія тѣснились въ грудь мою.
Мнѣ грезилось: Икару я подобенъ,
Подъ сводъ небесъ высоко я парилъ,
И грезилъ я: мнѣ даровали боги
И молній блескъ, и громъ, всѣ силы неба.
И стрѣлы молній взявъ своей рукой,
Я ихъ низринулъ внизъ, на этотъ городъ.
Когда жъ блеснуло мстительное пламя,
Когда дымился Римъ, сожженный мной,—
Тогда я мощнымъ голосомъ воскликнулъ—
Воззвалъ друзей Катона изъ могилъ;
И тысячи тѣней пришли на зовъ мой
И ожили,—возсталъ изъ пепла Римъ.

Изъ всей этой рѣчи о гражданскомъ духѣ и гражданской свободѣ, изъ вспышки негодованія противъ гнета и несправедливости проглядываетъ революціонное настроеніе самого Ибсена. Какъ оно ни было обще и неопредѣленно, оно выразилось послѣ революціонныхъ движеній сороковыхъ годовъ въ литературной формѣ, именно въ «Катилинѣ». Февральская революція имѣла, какъ извѣстно, социальный характеръ и это было точкой соприкосновенія съ заговоромъ Катилины,

что дѣйствительно давало возможность сдѣлать его героемъ революціоннаго произведенія той эпохи, потому что программа Катилины была отчасти социалистической. Когда Цицеронъ рассказываетъ о немъ, что, по убѣжденію Катилины, «тотъ не можетъ быть истиннымъ защитникомъ дѣла бѣдныхъ, кто самъ не бѣденъ», тогда это является такой чертой, которой долженъ былъ бы воспользоваться поэтъ. Ибсенъ, однако, не обращаетъ почти никакого вниманія на этотъ пунктъ; онъ даетъ только свободный переводъ выраженія («Другъ всѣхъ угнетенныхъ и несчастныхъ»). Вотъ и все. Социалистическая сторона революціоннаго движенія очевидно не бросилась ему въ глаза и поэтому планы Катилины переработались у него въ политическіе и главнымъ образомъ неопредѣленные революціонные порывы, которымъ онъ далъ форму и которые онъ подвергнулъ поэтическому пересозданію сообразно съ требованіями другой исторической обстановки. Римъ время Катилины представлялъ изъ себя разлагающуюся республику. Поэтому планы Катилины должны были быть устремлены на воссозданіе стараго республиканскаго Рима, въ то время какъ революціонные дѣятели сороковыхъ годовъ хотѣли не возстановить старое государственное устройство, а создать новое.

Такимъ образомъ въ этомъ отношеніи въ «Катилинѣ» Ибсенъ далъ не что иное, какъ выраженіе собственныхъ чувствъ и настроеній тогдашняго времени, связавъ ихъ съ историческими событіями прошлаго. И это вѣрно даже въ томъ отношеніи, что въ уста Катилины авторъ вложилъ свои самыя затаенныя мысли и мечты. Въ письмѣ, уже упомянутомъ много разъ, сестра Ибсена рассказываетъ о разговорѣ, который она вела тогда съ братомъ во время одной изъ своихъ поѣздокъ на родину. Это было во время прогулки къ Капительсбергу — возвышенность, лежащая близъ Скиена, съ руинами старой монастырской церкви. Генрикъ сообщилъ ей, что «ему хотѣлось бы достигъ всего самаго свѣтлаго и совершеннаго въ томъ, къ чему приложимо названіе величія». — «Ну, а если бы достигъ этого, что было бы тогда?» спросила она. — «Тогда я бы желалъ умереть», отвѣчалъ онъ. Такое идеальное, мечтательное и полное безкорыстія, юношеское честолюбіе опять находить себѣ полное выраженіе въ слѣдующихъ словахъ «Катилины»:

О, если бѣ могъ я хоть одно мгновенье
Свѣтить, блистать падучею звѣздой,—
О, если бѣ было мнѣ дано свершить
Хотя одинъ прекрасный, гордый подвигъ
И имя «Катилины» передать

Вѣкамъ, его украсивъ вѣчной славой—
Тогда бѣ, съ восторгомъ все, что здѣсь
 мнѣ мило,
Оставилъ я подъ шумъ и громъ побѣды,
И поспѣшилъ въ безвѣстный мѣръ иной;
Я въ собственную грудь свой мечъ вон-
 зилъ бы,
Я умеръ бы свободнымъ, со словами:
«Я жилъ здѣсь на землѣ, я счастье зналъ!»

Но какъ ни близка поэту личность Катилины своими идеальными стремленіями, онъ долженъ былъ однако во время творческаго процесса отдалить ее отъ себя, чтобы создать основаніе для трагическаго исхода.

Когда великіе планы Катилины остаются неосуществленными, двѣ причины содѣйствуютъ этому. Во первыхъ, окружавшая его среда, ни чтожная и безсильная оцѣнить такіе широкіе и благородные планы и желавшая вести борьбу только въ виду преслѣдованія своекорыстныхъ интересовъ. Сознаніе этого толкаетъ Катилину къ разнымъ нигилистическимъ фантазіямъ всеобщаго разрушенія, которымъ онъ даетъ слѣдующее выраженіе:

О, если такъ, и если старый Римъ
Возстать не можетъ — новый пусть погиб-
 нетъ!

И гдѣ теперь изъ мрамора столбы
Стоять надменно—скоро тамъ, сквозь пламя,
Возстанетъ дымъ столбомъ; палаты, храмъ
Въ обломки превратятся: съ высоты
Низвергнуть будетъ гордый Капитолій!

Но онъ видитъ въ концѣ концовъ, что даже и такой отрицательной цѣли онъ не можетъ достигнуть «съ этой толпой жалкихъ трусовъ», примкнувшихъ къ нему только изъ нужды и изъ страсти къ грабежу. Тогда его лозунгомъ становится месть:

Отмщенья жажду я—за всѣ мечты,
За всѣ мои надежды! На меня
Враждебный рокъ сурово ополчился.
За жизнь разбитую отмщенья жажду я!

Такъ, шагъ за шагомъ, ничтожная среда отдаляетъ Катилину отъ его идеальныхъ плановъ, толкаетъ его къ отрицанію, разочарованію, жадѣ мести, и дѣлаетъ понятной его гибель.

Но кромѣ того, какъ уже сказано, есть другая причина, содѣйствующая его неудачѣ и заключающаяся въ самомъ характерѣ Катилины. Ибсенъ не сдѣлалъ изъ своего героя идеальную абстракцію. Онъ надѣлилъ его, конечно, многими личными качествами, ставящими его высоко надъ толпой; онъ представилъ его живымъ, мужественнымъ, сострадательнымъ и любящимъ

правду, и прежде всего онъ далъ ему идеальное стремленіе, обусловливающее за нимъ первое мѣсто въ ряду окружающихъ его лицъ; но при всемъ томъ онъ надѣляетъ Катилину самыми необузданными страстями. Ибсенъ ни минуты не сомнѣвается, что Цицеронъ и Саллюстій правы, когда они говорятъ, что Катилина велъ крайне распущенную жизнь и предавался самому дикому разгулу. Такимъ образомъ, получается диссонансъ въ личности, противорѣчіе въ душѣ Катилины, являющееся содѣйствующей причиной постигшей его судьбы.—Катилина предсталъ въ концѣ концовъ передъ Ибсеномъ, какъ человѣкъ съ широкими планами и съ страстнымъ желаніемъ совершить нѣчто великое и прекрасное, но въ то же время человѣкъ безъ всякой поддержки со стороны окружающей обстановки и безъ той цѣльности характера и непоколебимости воли, которыми долженъ обладать всякій, кто ставитъ себѣ грандіозную цѣль. Поэтому Ибсенъ и могъ говорить съ полнымъ правомъ въ предисловіи ко 2-му изданію драмы: «Многое и многое, около чего вращалась моя фантазія впоследствии—противорѣчіе между силой и желаніемъ, между волей и возможностью достиженія, между человѣчествомъ и личностью, между трагическимъ и комическимъ—все это уже при-

существовало здѣсь въ неясныхъ, туманныхъ намекахъ».

Противорѣчіе, обрисованное въ пьесѣ, является не только противорѣчіемъ въ природномъ характерѣ Катилины; оно воплощается также въ двухъ женщинахъ, Авреліи и Фуріи. Это не два женскія существа, а скорѣе два принципа, борющіеся около главнаго дѣйствующаго лица, въ то время какъ онѣ борются внутри самихъ себя. Можно даже почти сказать, что это собственныя мысли Катилины, принявшія видимую форму. Аврелія, жена Катилины, представляетъ изъ себя какъ бы его сокровенное «я»; все, что есть въ его натурѣ нѣжнаго и мягкаго, она можетъ вызывать въ извѣстныя минуты. Но весталка Фурія имѣетъ гораздо большее вліяніе на него; она, по своей натурѣ, находится въ гармоніи съ его дикими, страстными порывами; она воспаляетъ его и къ подвигамъ, и къ злодѣяніямъ. Она, въ одно и то же время, и ангель-хранитель, ведущій его на борьбу за великое и высокое, и богиня мести, вполне сознательно толкающая его къ гибели; потому что, любя Катилину, она въ то же время постоянно думаетъ о томъ, чтобы отомстить ему, такъ какъ онѣ соблазнилъ ея сестру Сильвію и сдѣлался причиной ея смерти.

Но, какъ бы ни были абстрактны и схема-

тичны обѣ женскія фигуры, въ нихъ однако можно видѣть очертанія тѣхъ двухъ женскихъ образовъ, которые долгое время постоянно владѣли фантазіей Ибсена и постепенно занимали мѣсто въ его творествѣ. Аврелія — представительница нѣжной любви, все отдающей и все приносящей въ жертву; она — первоначальный эскизъ цѣлой галлерей ибсеновскихъ женщинъ, и, какъ это всегда бываетъ съ первоначальными эскизами, она немного страдаетъ преувеличеніемъ. Ея преданность, доброта и нѣжность не знаютъ границъ; въ этомъ отношеніи она почти выходитъ за предѣлы человѣческой природы. Но въ то же время мы сразу видимъ здѣсь основныя черты позднѣйшихъ родственныхъ ей фигуръ.

Точно такъ же и Фурія, очевидно, является образомъ другой значительной, хотя и менѣе численной группы. Она — дикая и возвышенно-настроенная валькирія; въ этомъ смыслѣ она представляетъ изъ себя почти то же, что и Іордисъ. Когда она говоритъ о своей жизни:—

О, эта жизнь безъ подвиговъ, безъ дѣлъ,
Какъ тусклый свѣтъ, который угасаетъ!
Здѣсь нѣтъ простора для высокихъ чувствъ,
Желаній страстныхъ, цѣлей отдаленныхъ!
Вокругъ меня тѣснятся эти стѣны;
Нѣмѣетъ жизнь, надежда угасаетъ,

Идетъ къ концу неслышно блѣдный день,
И мысль не завершается поступкомъ!

—передъ нами явственно предстаетъ фигура Юрдисъ. Разница заключается только въ томъ, что Фурія въ качествѣ весталки прикована къ храму Весты, въ то время какъ Юрдисъ связана съ усадьбой своего мужа, Гуннара, и когда Фурія, минуто спустя, предлагаетъ Катилинѣ бѣжать вмѣстѣ въ далекія, чуждыя страны и начать тамъ новую жизнь, богатую высокими стремленіями и подвигами, тогда невольно приходитъ на память, что Юрдисъ дѣлала точно такое же предложеніе Сигурду. Даже жажда мести по отношенію къ любимому человѣку была у нихъ общей, хотя причины были разныя, и обѣ въ концѣ концовъ губятъ любимаго человѣка, чтобы соединиться съ нимъ въ царствѣ тѣней, разъ жизнь отказала имъ въ такомъ соединеніи.

Когда былъ написанъ «Катилина», Ибсень, насколько онъ можетъ припомнить, не читалъ никакихъ драматическихъ писателей, кромѣ Гольберга и Эленшлегера ¹⁾. Въ «Катилинѣ» есть

¹⁾ Людвигъ Гольбергъ (1684—1754) — родоначальникъ новѣйшей Датской литературы, основатель національнаго театра. Основной тонъ его творчества—рѣзко-сатирическій. Кромѣ поэтическихъ произведеній, онъ написалъ еще исторію Дании и Норвегии.—Адамъ Эленшлегеръ (1779—1850)—одинъ изъ самыхъ выдающихся датскихъ поэтовъ, представитель романтической школы. Главная его заслуга

нѣчто, что могло бы указывать на римскія трагедіи Шекспира; въ особенности при чтеніи послѣдняго акта, невольно припоминаешь послѣдній актъ шекспировскаго «Юлія Цезаря»; но Ибсенъ зналъ тогда Шекспира только по имени, такъ что не можетъ быть никакой рѣчи о его вліяніи. Когда Генрикъ Ибсенъ готовился къ экзамену, ему во многихъ отношеніяхъ пришлось быть самоучкой; такимъ же самоучкой онъ былъ и какъ начинающійся драматическій писатель. Тѣмъ болѣе достопримѣчательнымъ произведеніемъ является для насъ «Катилина» въ драматическомъ отношеніи. И отъ Эленшлегера онъ не Богъ знаетъ чему научился. Этотъ послѣдній только навелъ его на мысль воспользоваться пятистопнымъ неримованнымъ ямбомъ; въ построеніи стиха сказывается мѣстами вліяніе Эленшлегера, но порывистой юношеской силѣ, которая еще не перебродила, трудно держаться разъ установленной схемы. Неримованный пятистопный ямбъ на большомъ протяженіи кажется Ибсену слишкомъ однообразнымъ; онъ пользуется

заключается въ томъ, что онъ возсоздалъ древнюю Скандинавскую поэзію. Лучшія его произведенія, — каковы «Боги Сѣвера», «Гаконъ Ярль», «Алладинъ или волшебная лампа», — пользуются общеевропейской извѣстностью. Кромѣ литературной дѣятельности, онъ служилъ также и наукѣ, въ качествѣ профессора эстетики въ копенгагенскомъ университетѣ.

стихомъ болѣе лирическаго характера и переходитъ къ длинному ряду рифмованныхъ ямбовъ, съ тѣмъ, чтобы закончить блестящими строфами, написанными хорееми и отличающимися страстнымъ лирическимъ характеромъ.

Весьма отличителенъ также и безпорядокъ въ сценической обработкѣ матеріала. Въ трехъ актахъ обстановка мѣняется не менѣе девяти разъ. Въ первомъ актѣ изобличается чисто-шекспировская безпорядочность въ перемѣнѣ сценической обстановки; она мѣняется пять разъ, т.-е. почти столько же, сколько въ немъ выходовъ. Но уже во второмъ актѣ дѣло обстоитъ лучше; въ немъ только три выхода и все дѣйствіе происходитъ на одномъ и томъ же мѣстѣ. Авторъ, видимо, при сочиненіи пьесы выработалъ большое умѣнье пользоваться драматической формой.

Еще своеобразнѣе самое драматическое развитіе. Здѣсь собственно, нѣтъ ни слова о борьбѣ; ни одинъ изъ противниковъ Катилины не появляется въ пьесѣ; дѣйствія такимъ образомъ здѣсь очень мало; драматической коллизіи, въ собственномъ смыслѣ слова, равнымъ образомъ, совсѣмъ нѣтъ. Фурія, правда, своей жадной мести ускоряетъ развитіе; измѣна Курія приводитъ чисто-внѣшнимъ образомъ къ катастрофѣ, а двуличіе Лентула представляетъ изъ себя эпизодъ, не

имѣющей никакого вліянія на ходъ событій. Коллизія отъ начала до конца является внутренней, совершаясь въ душѣ Катилины. При всемъ томъ, интересъ къ дѣйствию громаденъ. Въ энергіи, съ которой развивается психологическая сторона драмы, начиная съ самообвиненія Катилины въ первыхъ діалогахъ, начиная со всѣхъ этихъ разочарованій и заблужденій и кончая тѣмъ моментомъ, когда безуміе окутываетъ его представленія,—вездѣ въ этой энергіи теперешній читатель, «несмотря на юношескія несовершенства и недостатки пьесы», чувствуетъ талантъ, сказавшійся позднѣе въ области психологической драмы.

Большинству извѣстно, какая судьба постигла «Катилину», когда произведеніе было окончено авторомъ. Такъ какъ внѣшніе недостатки слишкомъ бросались въ глаза, драма не нашла благоклоннаго пріема ни со стороны театральнаго міра, ни со стороны издателей. Театральная дирекція отклонила пріемъ пьесы на сцену, одинаково вѣжливо и опредѣленно; и изъ издателей каждый требовалъ большее или меньшее вознагражденіе за напечатаніе пьесы безъ гонорара. Когда, несмотря на это, драма была напечатана въ Христіаніи, причемъ издержки изданія взялъ на себя одинъ изъ преданныхъ друзей поклонниковъ, судьба обошлась съ ней не особенно дружески. Среди студенчества пьеса, правда,

возбудила интересъ и имѣла успѣхъ; но критика нашла ее незрѣлымъ произведеніемъ, а общество отнеслось къ ней равнодушно. Въ то время какъ публика толпами стремилась въ театр—на какую-нибудь совсѣмъ ничтожную пьесу, вродѣ «Til saeters» («Въ пастушеской хижинѣ»), никого не находилось, кто пожелалъ-бы купить многообѣщающее произведеніе поэта, сдѣлавшагося впоследствии первымъ драматургомъ Норвегіи и вмѣстѣ съ тѣмъ однимъ изъ самыхъ выдающихся писателей міровой литературы. Несмотря на то, что одинъ изъ видныхъ въ то время эстетиковъ, профессоръ Монрадъ, возразилъ на нападки критики и сочувственно отозвался о произведеніи, разошлось всего на всего только 30 экземпляровъ книги. Однимъ изъ немногихъ, кто заинтересовался книгой, былъ мелочной торговецъ; онъ нашелъ бумагу, на которой она была напечатана, очень удобной для заворачиванья, и во время пребыванія Ибсена въ Христианіи купилъ у него и у его товарища цѣлую кучу экземпляровъ однажды вечеромъ, когда ихъ желудки были такъ же пусты, какъ и ихъ кошельки. «Послѣ этого у насъ прекратился недостатокъ въ предметахъ первой необходимости», замѣчаетъ лаконически Ибсенъ.

Портретъ, представляемый намъ «Катилиной» чрезвычайно интересенъ; но, какъ я уже замѣ-

тилъ, свойство матеріала и драматическая форма вынудили поэта настолько отдалить отъ себя Катилину, что между авторомъ и его героемъ являются только отдѣльныя точки соприкосновенія. Поэтому невозможно представить образъ Ибсена—юноши съ помощью одного Катилины. Необходимо воспользоваться еще другими матеріалами; нужно отмѣтить порывы болѣе личнаго характера, другими словами: письма или стихотворенія.

Само собой разумѣется, что Ибсенъ во время своего пребыванія въ Гримштадѣ, кромѣ своихъ воззваній политическаго характера, о которыхъ онъ говоритъ въ предисловіи къ «Катилинѣ», писалъ еще другія стихотворенія; но изъ этихъ первыхъ его лирическихъ опытовъ почти ничего не было напечатано. Сколько мнѣ извѣстно, всего на всего появилось въ «Христіанской Почтѣ» два стихотворенія, изъ которыхъ одно, между прочимъ, было посвящено памяти Эленшлегера. У самого Ибсена не сохранилось ни одной строчки изъ его тогдашнихъ стихотвореній; когда онъ въ предисловіи къ «Катилинѣ» говоритъ о своихъ политическихъ стихотвореніяхъ, онъ только руководится своими воспоминаніями и потому прибавляетъ осторожное «насколько я могу припомнить».

Благодаря чрезвычайно счастливому стеченію

обстоятельствъ, мнѣ однако удалось открыть, что его юношескія произведенія не совсѣмъ утрачены. На самомъ дѣлѣ, сохранилось нѣкоторое ихъ число, самымъ поучительнымъ образомъ дополняющее образъ молодого поэта, какимъ онъ намъ представляется въ «Катилинѣ».

Это—собраніе двадцати шести стихотвореній, красиво переписанныхъ въ маленькую переплетенную тетрадку. Одно изъ нихъ обозначено 1847-мъ годомъ, когда Ибсену было 19 лѣтъ; три—1848-мъ; тринадцать—1849-мъ; остальные девять—1850-мъ. Почти всѣ они написаны въ Гримстадѣ; только послѣднія, два или три, появились на свѣтъ, когда онъ уже уѣхалъ изъ этого города.

Напередъ можно подумать, что такое собраніе стихотвореній полно литературныхъ отзвуковъ, въ особенности если имѣть въ виду,—сообразно съ другими произведеніями,—что авторъ ихъ крайне поздно достигъ полной самостоятельности. И однако въ этихъ стихотвореніяхъ гораздо меньше подражательности, чѣмъ можно предположить. Форма вообще отличается легкостью, какой мы не могли бы допустить въ авторѣ «Катилины»; но особенной оригинальности въ ней незамѣтно. Тѣмъ болѣе оригинально содержаніе.

Около этого времени Вельгавенъ¹⁾ задавалъ тонъ въ Норвежской лирикѣ. Его «Новыя стихотворенія» (1845) создали эпоху, какъ въ области лирическаго стихотворенія, такъ и въ манерѣ изображенія природы. Это были романтическія «баллады о привидѣніяхъ», съ ихъ пристрастіемъ къ средневѣковой жизни и, кромѣ того, это была полная природной символики лирика лѣсныхъ нимфъ.

У Ибсена только въ одномъ мѣстѣ мы видимъ вліяніе этого рода, а именно въ стихотвореніи о «Mjølndräng'ъ» (работникъ на мельницѣ); здѣсь, сообразно съ обычной манерой того времени, мы встрѣчаемся съ поющими нимфами, съ русалками, играющими на арфахъ, и вообще со всѣмъ арсеналомъ романтизма. Во всемъ остальномъ Ибсенъ остается незатронутымъ этимъ вліяніемъ, вѣрнѣе онъ даже вполнѣ сознательно выступаетъ противъ него. Въ одномъ стихотвореніи, «Къ Норвежскимъ поэтамъ» (1850) онъ спрашиваетъ поэтовъ, зачѣмъ они мечтаютъ о далекомъ прошломъ, о погребенной старинѣ съ ея рассыпавшимися развалинами; неужели

¹⁾ Вельгавенъ (род. 1807 г.)—норвежскій поэтъ, авторъ знаменитаго цикла сонетовъ «Норвегія на разсвѣтѣ», гдѣ онъ поддерживаетъ мысль о необходимости создать самостоятельную Норвежскую литературу; стремленіе, къ которому примкнули Вергеландъ, Мунхъ, Мёе, Асбьорсенъ и др.—

они не могутъ сохранить творческій даръ, съ
тѣмъ, чтобы — остаться въ народѣ,

Который такъ жаждетъ увидѣть въ со-
зданьяхъ пѣвца
И горе, и радость свою, и стремленье къ
свободѣ.

Они такъ часто воспѣвали норвежскую при-
роду; но какъ они могли забыть о норвежскихъ
сердцахъ? Въ нихъ лежитъ сокровище, которое
норвежскіе поэты должны достать, потому что
задача ихъ — нарисовать картину народной жизни.

Въ этой первой поэтической программѣ Ибсена
уже видно предчувствіе своей собственной за-
дачи будущаго, хотя она должна была быть раз-
рѣшена не въ области эпического изображенія
народной жизни. Впрочемъ, онъ не дѣлалъ
тогда никакой попытки творить согласно съ
своими теоріями. Его стихотворенія изъ того пе-
ріода, когда былъ написанъ «Катилина», всѣ —
чисто личнаго характера; это его собственныя
настроенія, мысли и впечатлѣнія, которыя онъ
подвергаетъ своему анализу.

Здѣсь еще нѣтъ ничего изъ основныхъ чертъ,
которыя въ будущемъ должны образовать сати-
рика; небольшая скромная попытка изобразить
сатирически балъ, — вотъ и все, въ этомъ родѣ.

Основное настроеніе данныхъ стихотвореній —

скорѣе элегическое, чѣмъ сатирическое. На многихъ изъ нихъ лежитъ отпечатокъ нѣжной, мечтательной меланхоліи. Поэтъ чувствуетъ себя болѣе взволнованнымъ тишиной ночи, чѣмъ дневнымъ шумомъ; онъ принадлежитъ къ числу тѣхъ, которые находятъ лунный свѣтъ болѣе поэтическимъ, чѣмъ солнечный. Не менѣе шести стихотвореній изъ этой тетрадки трактуютъ настроенія, вызванныя луннымъ свѣтомъ. «Поездка по морю въ лунную ночь», «Мечты въ лунную ночь», «Возвращеніе съ бала въ лунную ночь», — эти заглавія достаточно характерны. Последнее изъ названныхъ стихотвореній представляетъ особенный интересъ въ данномъ отношеніи, такъ какъ оно уже заключаетъ въ себѣ мотивъ, разработанный въ одномъ изъ позднѣйшихъ превосходныхъ его стихотвореній:

Зала смолкла. -- О, какъ тихо, какъ спокойно
все вокругъ.

Тишь ночную не тревожитъ ни одинъ до-
кучный звукъ.

И на землю, что подъ снѣгомъ спитъ въ
объятыхъ сладкихъ сновъ,

Мѣсяцъ дремлющій бросаетъ изъ лучей
своихъ покровъ.

Прочь отсюда! Но съ тревогой, въ этотъ
часъ и въ этотъ мигъ,

Средь фигуръ воздушныхъ вижу я сильфи-
ды нѣжный ликъ...
Гаснетъ мѣсяцъ... Скоро будетъ сонъ
умомъ овладѣвать,
И душа начнетъ свободно въ морѣ чудныхъ
грезъ витать...

Какъ читатель видитъ, здѣсь уже заклю-
чается мотивъ, вложенный въ стихотвореніе
«Прочь»¹⁾; но мотивъ этотъ испыталъ то ха-
рактерное измѣненіе, что тихія грезы, озаренныя
луннымъ свѣтомъ, превратились въ ненастную
ночь, надъ картиной простирается тьма и бушу-
етъ осенній вѣтеръ. Стихотвореніе «Прочь» дало
поводъ Георгу Брандесу замѣтить, что это сти-
хотвореніе Ибсена стоитъ на ряду съ другими
лучшими его стихотвореніями и что «только въ
борьбѣ съ жизнью подъ Ибсеномъ былъ убитъ
его лирической пегасъ»²⁾. Но, если можно съ пол-
нымъ правомъ сказать, что поэту въ четвер-
томъ актѣ «Бранда» и въ сценѣ смерти Осе въ
«Пеерѣ Гинтѣ» недостаетъ лирическаго пегаса,
то эти юношескія элегическія стихотворенія, не-
смотря на всѣ ихъ несовершенства, доказыва-
ютъ, что онъ нѣкогда былъ. Они написаны авто-
ромъ, чья природная впечатлительность еще не-
достаточно была закончена въ той «соразмѣрен-

¹⁾ Digte, 53, „Borte“

²⁾ Moderne Geister, 421.

ной пылкости», которую Ибсенъ впоследствии воспѣлъ въ стихотвореніи «Сила воспоминанія» 1).

Но если онъ еще не былъ закаленъ, во всякомъ случаѣ его природное стремленіе къ уединенію уже развилось. Въ этихъ стихотвореніяхъ мы не находимъ ничего намекающаго на обычный въ юности духъ общительности; здѣсь нѣтъ ни одного стихотворенія, въ которомъ бы Ибсенъ говорилъ отъ имени группы; онъ постоянно говоритъ—«я», никогда—«мы»; вездѣ онъ одинокъ даже среди толпы.

Повсюду онъ является замкнутымъ въ себѣ мыслителемъ, для котораго собственная мысль имѣетъ болѣе цѣны, чѣмъ дѣйствительная жизнь, ее вызвавшая. Онъ стремится къ реальной дѣйствительности только затѣмъ, чтобы оплодотворить личную жизнь чувствъ и идей; разъ это произошло, дѣйствительность теряетъ для него значеніе.

Если онъ говоритъ объ осени и повторяетъ обычную жалобу поэтовъ, что блескъ лѣта былъ черезчуръ кратковремененъ, что всѣ цвѣты поблекли,—онъ находитъ утѣшеніе въ томъ, что для него остался, во всемъ своемъ пышномъ великолѣпнѣ, одинъ цвѣтокъ, — воспоминаніе;

1) Digte, 58, „Mindets magt».—

этотъ послѣдній оставшійся цвѣтокъ возбуждаетъ надежду на новую весну.

Если онъ не утѣшаетъ себя надеждою, то утѣшаетъ самимъ воспоминаніемъ о прошедшей веснѣ. Пусть весна коротка, но она живетъ въ нашей памяти; точно то же и въ человѣческой жизни. Счастье жизни подобно быстро-уходящему маю; но скорбные звуки сердечныхъ струнъ долго еще напоминаютъ о майскихъ дняхъ:

Въ нѣжномъ пѣньи звонкихъ струй,
Раздаются, умирая,
Вешній страстный поцѣлуй,
Пѣсни, смѣхъ и пляски мая.

Въ стихотвореніяхъ политическаго характера указывается значеніе воспоминанія въ народной жизни; оно поддерживаеетъ націю въ превратностяхъ судьбы. Народъ, не умѣющій искать «утѣшенія въ воспоминаніяхъ о славномъ прошломъ»— несчастный народъ.

Поэтъ подавляетъ свое сожалѣніе объ отъѣздѣ друга, окружая воспоминаніе объ ихъ дружбѣ нѣжнымъ обаяніемъ минуты разлуки; другое стихотвореніе называетъ воспоминаніе— прибѣжищемъ любящаго, при потерѣ любимаго человѣка.

Подобно Фальку въ «Комедіи любви», поэтъ сильнѣе вѣруеть въ возвышающее вліяніе ут-

раты и воспоминанія, чѣмъ въ счастливое обладаніе. Счастье должно быть краткимъ, иначе оно сдѣлается повседневнымъ, т. е. перестанетъ быть счастьемъ. Когда вы читаете всѣ эти прославленія воспоминанія, вы невольно вспомните слова Бранда:

Пусть утрата будетъ жребій твой,
Что утратишь, то всегда съ тобой! 1)

Мы видимъ такимъ образомъ, какъ широко развилась эта мысль въ жизни Ибсена, и отсюда можно понять, какую твердую почву почувствовалъ онъ подъ собой въ смыслѣ сознанія своей индивидуальности, замкнутой и идеалистически настроенной.

Но въ этомъ собраніи стихотвореній находятся также и стихотворенія менѣе нѣжнаго элегическаго характера. Я разумѣю стихотворенія, показывающія, что Ибсенъ уже въ двадцатилѣтнемъ возрастѣ питалъ то пристрастіе къ мрачному, меланхолическому и суровому, которое онъ такъ сильно проявилъ въ позднѣйшемъ творествѣ. Въ этихъ стихотвореніяхъ фигурируетъ не одинъ только лунный свѣтъ, въ нихъ царитъ ночь. Ибсенъ говоритъ, на примѣръ, о непріятномъ чувствѣ, охватывающемъ человѣка во время ночной грозы, или онъ сидитъ въ тем-

1) Заключительныя слова 4-го акта.

ный осенній вечеръ и, полный раздумья, устремляетъ свои взоры въ пылающую печь, въ то время, какъ на дворѣ воетъ вѣтеръ и дождь бьетъ въ окна. Онъ уходитъ вечеромъ на свое любимое мѣстопребываніе, въ уединенный, темный уголокъ въ лѣсу, и когда тамъ раздражается непогода, и вой бури смѣшивается съ криками совы, онъ чувствуетъ себя въ своей родной сферѣ; «дикій ужасъ», охватывающій его, является какъ бы нормальнымъ его душевнымъ состояніемъ:

Подъ шумъ дождя и вѣтра вой
Я чувствую полно,
И ликъ природы въ часъ ночной
Съ душою—за одно.

Наконецъ онъ рисуетъ себѣ полночный часъ на кладбищѣ и соединяетъ это представленіе со стариннымъ повѣрьемъ о пляскѣ мертвецовъ. Съ колокольни раздается двѣнадцать ударовъ, и, какъ въ гетевскомъ «Totentanz», или въ „Danse macabre“ Сэнъ-Санса, мертвецы встаютъ изъ могилъ и ведутъ на кладбищѣ свои дикіе хороры. Такъ выбиваютъ костями, а на пустыхъ черепахъ бьютъ барабанную дробь, пока колоколь не возвѣститъ часъ; тогда привидѣнія поспѣшно скрываются подъ могильными памятниками.—Такимъ образомъ, даже извѣстная любовь

Генрика Ибсена къ ужасному восходитъ къ его ранней юности.

Не менѣе интересна заслуживаетъ его рано созрѣвшая рефлексія. Въ одномъ стихотвореніи, которое написано имъ на двадцатомъ году жизни и носитъ названіе «Сомнѣніе и надежда», онъ уже является скептикомъ по отношенію къ ортодоксальному міровозрѣнію. Правда, пожалуй, что такое явленіе вовсе не особенная рѣдкость, но, несомнѣнно, рѣдко то, что двадцатилѣтній скептикъ скорбитъ о томъ, что онъ болѣе не ребенокъ и не обладаетъ болѣе дѣтскими чувствами, не имѣетъ дѣтской вѣры, служащей путеводной звѣздой.

Рѣдкимъ является и то обстоятельство, что двадцатилѣтній поэтъ,—возрастъ, когда вѣришь въ себя и увлекаешься грандіозными планами будущаго,—сомнѣвается въ своихъ силахъ и облекаетъ въ стихи это сомнѣніе. Въ самомъ старомъ стихотвореніи «Примиреніе» авторъ спрашиваетъ себя, не призракъ ли его творческая мечта. Повидимому, онъ очень склоненъ отвѣтить на вопросъ утвердительно, и въ концѣ онъ воспѣваетъ въ меланхолическихъ строфахъ волну, которая поднимается и мчится впередъ, но потомъ разбивается объ утесъ, не оставляя по себѣ никакого воспоминанія, потому что слѣдующія волны изглаживаютъ всякій ея слѣдъ.

Такими мыслями и фантазіями занималась юношеская мысль Ибсена въ часы его одиночества. И совершенно такъ же отличался онъ отъ обыкновенной молодежи, когда бывалъ въ обществѣ другихъ. Правда, онъ самъ говоритъ, что его воодушевленіе политическими идеями иногда становилось для другихъ докучнымъ и побуждало его высказывать беспощадныя сужденія; но это случалось не часто. Обыкновенно онъ больше старался думать, чѣмъ высказывать свои мысли. Одна дама, жившая тогда въ Гримштадѣ, рассказываетъ, что иногда онъ представлялъ изъ себя загадку за семью печатями.

Онъ производилъ впечатлѣніе мрачнаго, строгаго, почти непріятнаго человѣка. Нѣкоторыя изъ ея подругъ были очень расположены разузнать, что можетъ скрываться въ этомъ замѣчательномъ человѣкѣ; другія буквально боялись его. И этому нечего удивляться, потому что врядъ ли можно было представить себѣ человѣка, который бы менѣе походилъ на «кавалера», какимъ этотъ послѣдній является сообразно съ провинціальными дѣвическими понятіями.

Представьте себѣ, на примѣръ, что онъ на балу. Въ то время какъ другіе молодые люди безъ удержу веселятся и танцуютъ, онъ стоитъ въ углу и думаетъ, сколько горя и несчастья скрывается въ дѣйствительности за свѣтлой обо-

лочкой, думаетъ о томъ, что не одинъ изъ танцующихъ погружается въ вихрь вальса съ цѣлью забыть свои муки,—больше того, онъ даже находитъ своеобразное удовольствіе предаваться такимъ представленіямъ,—они являются для него по меньшей мѣрѣ такой же важной составной частью поэзіи бала, какъ танцы и веселье ¹⁾).

И въ своемъ одинокомъ углу онъ размышляетъ: «Что двигаетъ всѣми этими веселыми смѣющимися фигурами? Они пришли сюда въ надеждѣ найти радость и удовлетвореніе; нашли ли они то, чего искали, или напротивъ, зрѣлище бала представляетъ намъ идею о великой драмѣ человѣческой жизни?»

Что же разумѣется подъ этой идеей?

Ожиданіе, надежды и разочарованіе!

Въ этихъ трехъ словахъ обрисовывается вся человѣческая жизнь!—

Тотъ, кто въ такомъ юношескомъ возрастѣ при зрѣлищѣ человѣческаго веселья впадаетъ въ подобныя размышленія, занялъ уже въ жизни свое мѣсто отщепенца; онъ не созданъ для того, чтобы сдѣлаться веселымъ, жизнерадостнымъ эпикурейцемъ; его духъ и пережитыя имъ впе-

¹⁾ Подробный рассказъ въ одномъ изъ отдѣловъ собранія стихотвореній носитъ заглавіе: «Воспоминаніе о балѣ, житейскій очеркъ въ стихахъ и въ прозѣ».

чатлѣнія уже предназначили его для роли одинокаго мыслителя.

И даже, если онъ чувствуетъ на одну минуту желаніе присоединиться къ толпѣ, если онъ чувствуетъ симпатію къ какому-нибудь отдѣльному человѣку, тѣмъ не менѣе онъ опять быстро замыкается въ самомъ себѣ, подобно миногѣ, свертывающейся при малѣйшемъ прикосновеніи.

Въ его «Воспоминаніяхъ о балѣ» являются также и настроенія эротическаго характера; но это совсѣмъ своеобразная любовная лирика. Онъ еще раньше писалъ любовныя стихотворенія. Но они не посвящаются ни одной изъ женщинъ, живущихъ на землѣ; въ нихъ говорится только о «лицѣ призрака», которое вызвано въ воображеніи неудовлетвореннымъ и, быть можетъ, недостижимымъ желаніемъ. Ни одна черта въ этомъ лицѣ не заимствована у какого-нибудь земнаго существа. Но на балу онъ встрѣтилъ прекрасные черные глаза,—и тотчасъ же идеаль воплощается въ дѣйствительность: понятно, что дѣвушку, которую онъ могъ бы полюбить, онъ представлялъ себѣ именно такой. Онъ танцуетъ съ ней, онъ очарованъ, онъ пристально смотритъ въ ея чарующіе глаза; онъ находится на седьмомъ небѣ отъ восторга: «Что значитъ вся борьба и всѣ разочарованія жизни въ сравненіи съ такими минутами!» Но этимъ уже все и кончается для

него: «Судьба! возьми отъ меня этотъ избытокъ счастья;—не дай этому часу быть оскверненнымъ продолжительностью,—я испыталъ его, чего же еще больше?» — И Судьба услышала его; онъ узнаетъ, что дѣвушка, возбуждая въ немъ нѣжное чувство, уже обручена съ другимъ, и этимъ ея роль по отношенію къ нему оканчивается: она научила его, что значить ожидать, надѣяться и разочароваться. Для дальнѣйшаго развитія она больше не нужна, потому что это послѣднее происходитъ уже въ его внутреннемъ «я»—претворяется въ чувствѣ воспоминанія.

Въ этой чертѣ, характеризующей идеалистическую и чуждую дѣйствительности натуру Ибсена, не узнаемъ ли мы опять ту самую любовь, которую питалъ Фалькъ по отношенію къ своей невѣстѣ. Какъ характерны и для Ибсена и для Фалька слова: «Не дай этому часу быть оскверненнымъ продолжительностью!» Это—любовь, не имѣющая никакого отношенія къ будничной дѣйствительности. Она начинается идеальной мечтой, соприкасается съ дѣйствительностью только очарованіемъ ночи, проведенной на балу, и потомъ опять, въ качествѣ воспоминанія, переходитъ въ область идеальныхъ грезъ. Она подобна одной изъ тѣхъ кометъ, которыя, во время своихъ долгихъ странствованій по небесной лазури, показываются на мгновеніе въ

сферѣ пути, совершаемаго землей, чтобы тотчасъ исчезнуть опять въ неизмѣримомъ пространствѣ неба.

Вотъ образъ Генрика Ибсена, какимъ онъ обрисовывается передъ нами въ его первыхъ стихотвореніяхъ. Эти послѣднія только въ крайне неточномъ смыслѣ слова могутъ быть названы юношескими стихотвореніями, такъ какъ, если изъ нихъ можно что-нибудь усмотрѣть, это именно то, что у автора ихъ никогда, собственно, не было юности. Были у него, правда, идеальные порывы, мечты, юношескій жаръ, но онъ никогда не зналъ веселаго легкомыслія, составляющаго существенную черту молодости; онъ никогда не принадлежалъ къ тѣмъ, которые, пользуясь его выраженіемъ, «довольны игрой».

Но свойственнымъ юности богатствомъ задатковъ онъ обладалъ, какъ неиногіе. Всѣ геніальныя черты, которыя онъ развилъ, какъ поэтъ, уже находятся въ зародышѣ въ этихъ юношескихъ стихотвореніяхъ.

Однако нужно было много борьбы и много времени, прежде чѣмъ ему суждено было достигнуть полнаго развитія.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	стр.
ПѢСНЬ О СИГУРДѢ. Отрывокъ изъ Эдды.	7
ГУННАРЪ ГЕЙБЕРГЪ. Балконъ	21
ЕГО ЖЕ. Трагедія любви.	77
ІОНАСЪ ЛИ. Черная птица	175
ПЕТРЪ НАНСЕНЪ. Освѣщенное окно	185
АМАЛІЯ СКРАМЪ. Лѣто.	203
ЕЯ ЖЕ. Страна Майка	227
Дѣтство и юность Ибсена (по Іегеру)	235

18 4129

*ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ
АЛЬМАНАХИ*

КНИГА ПЕРВАЯ.

I.

А. СЕРАФИМОВИЧЪ. У ОБРЫВА.—А. КУПРИНЪ.
БРЕДЪ.—С. СЕРГѢЕВЪ-ЦЕНСКІЙ. ЛѢСНАЯ ТОПЬ.—
Н. ГАРИНЪ. КОГДА-ТО...—БОР. ЗАЙЦЕВЪ. ПОЛ-
КОВНИКЪ РОЗОВЪ.

II.

ГОРОДЪ: В. БРЮСОВЪ. ГОРОДЪ. (СТИХОТВОРЕНІЕ).
М. ДОБУЖИНСКІЙ. ГОРОДЪ. БУДНИ. ПРАЗДНИКЪ.
(РИСУНКИ). Л. БАКСТЪ. УЛИЦА (РИСУНОКЪ). Н. РЕ-
НИХЪ. ГОРОДЪ (РИСУНОКЪ).

III.

ЛЕОНИДЪ АНДРЕЕВЪ. ЖИЗНЬ ЧЕЛОВѢКА.

КНИГА ВТОРАЯ.

I.

В. МУЙЖЕЛЬ. ПОКА...—А. КОЙРАНСКІЙ. ХОЛОДЪ.—
И. БУНИНЪ. У ИСТОКА ДНЕЙ.—БОР. ЗАЙЦЕВЪ.
МАЙ.

II.

СТИХИ.

ИВ. БУНИНЪ. ПЕТРОВЪ ДЕНЬ. ПРОВОДЫ. ГЕЙМ-
ДАЛЬ. АЛЕКСАНДРЪ ВЪ ЕГИПТѢ.
СЕРГ. ГОРОДЕЦКІЙ. РУСЬ. ВЕСНЯНКА.
АЛ. БЛОКЪ. Н. Н. ВОЛОХОВОЙ. ЛЕГЕНДА.

III.

АЛЕКСАНДРЪ БЕНУА. „СМЕРТЬ“ 6 рис.

**ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ
АЛЬМАНАХИ**

IV.

СЕНТЬ ЖОРЖЪ ДЕ-БУЭЛЬЕ. КОРОЛЬ БЕЗЪ
ВЪНЦА.

*РАЗРЪШЕННЫЙ АВТОРОМЪ ПЕРЕВОДЪ СЪ ФРАН-
ДУЗСКАГО ЗИН. ВЕНГЕРОВОЙ И. В. БИНШТОКА.*

КНИГА ТРЕТЬЯ.

I.

ЛЕОНИДЪ АНДРЕЕВЪ. ТЪМА. — ИВ. БУНИНЪ.
АСТМА. — БОР. ЗАЙЦЕВЪ. СЕСТРА. — А. КУП-
РИНЪ. ИЗУМРУДЪ — А. СЕРАФИМОВИЧЪ. ПЕСКИ.

II.

АЛ. БЛОКЪ. стихи.

Г. ЧУЛКОВЪ. ЗОЛОТАЯ НОЧЬ. стихи.

III.

ФЕДОРЪ СОЛОГУБЪ. ТВОРИМАЯ ЛЕГЕНДА. РОМАНЪ.

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ.

I.

БОР. ЗАЙЦЕВЪ. АГРАФЕНА. — СЕМЕНЪ
ЮШКЕВИЧЪ.

ПОХОЖДЕНИЯ ЛЕОНА ДРЕЯ.

II.

ВАЛЕРІЙ БРЮСОВЪ. ИСПОЛНЕННОЕ ОБЪЩАНІЕ
ПОЭМА — АЛ. БЛОКЪ. КЛЕОПАТРА. ТЫ И Я
СТИХОТВОРЕНИЯ.

III.

ЛЕОНИДЪ АНДРЕЕВЪ. СМЕРТЬ ЧЕЛОВѢКА.

КНИГА ПЯТАЯ.

I.

ШАЛОМЪ АШЪ. САББАТАЙ ЦЕВИ.

II.

К. БАЛЬМОНТЪ. ЛИТВА.

III.

С. СЕРГѢЕВЪ-ЦЕНСКІЙ. БЕРЕГОВОЕ. — ЛЕОНИДЪ
АНДРЕЕВЪ. РАЗСКАЗЪ О СЕМИ ПОВѢШЕННЫХЪ.

КНИГА ШЕСТАЯ.

ЛЕОНИДЪ АНДРЕЕВЪ. МОИ ЗАПИСКИ (повѣсть). —
К. БАЛЬМОНТЪ. I. РЕВНОСТЬ (РАЗСКАЗЪ). II. КРИКЪ
ВЪ НОЧИ (РАЗСКАЗЪ). — АНДРЕЙ БѢЛЫЙ. ГОЛОСА
ВЪ ПОЛЯХЪ (стих.) — Н. МИНСКІЙ. ТРЕУГОЛЬ-
НИКЪ (стих.). ВИДѢНІЕ (стих.). — МОРИСЪ МЕ-
ТЕРЛИНКЪ. СИНЯЯ ПТИЦА.

КНИГА СЕДЬМАЯ.

ЛЕОНИДЪ АНДРЕЕВЪ. ЧЕРНЫЯ МАССКИ. АНА-
ТОЛЬ ФРАНСЪ. ИЗЪ КНИГИ РАЗСКАЗОВЪ ЖАКА
ТУРНЕВРОШЪ — Л. НИЛУСЪ. НА БЕРЕГУ МОРЯ. —
ӨЕОДОРЪ СОЛОГУБЪ. КАПЛЯ КРОВИ.

КНИГА ВОСЬМАЯ.

ЛЕОНИДЪ СЕМЕНОВЪ. I. У ПОРОГА НЕИЗБѢЖ-
НОСТИ. II. ЛИСТКИ. — М. РОЗЕНКНОПЪ. ГОРОДЪ. —
А. ЧАПЫГИНЪ. СБРАЗЪ. ПРОЗРѢНІЕ. — ВѢРА
ЯРОВАЯ. ТРИ КОМНАТЫ. — О МИРТОВЪ. КАШ-
ТАНЫ. — СЕРГѢЙ ГОРОДЕЦКІЙ. I. КРОТЫ. II. СКА-
ЛА. III. ЯРМАРКА. — ВЛ. ВОЛЬКЕНШТЕЙНЪ. Ю-
АННЪ ГРОЗНЫЙ.

СЪВЕРНЫЕ СБОРНИКИ.

КНИГА ПЕРВАЯ.

(2-ое издание).

Юенсъ Петеръ Якобсенъ. Могенсъ (пер. А. Острогорскій). Пусть розы здѣсь цвѣтутъ (пер. А. Блока). — **Зельма Лагерлѣвъ.** Семь смертныхъ грѣховъ (пер. С. Городецкаго). — **Августъ Стриндбергъ.** Преступникъ (пер. С. Городецкаго). — **Германъ Бангъ.** Четыре бѣса. Ея Высочество (пер. Ѳедора Сологуба). — **Оскаръ Левртинъ.** Зельма Лагерлѣвъ (статья). **Теодоръ Вольфъ.** Юенсъ Петеръ Якобсенъ (статья).

Цѣна книги 1 рубль.

КНИГА ВТОРАЯ и ТРЕТЬЯ.

А. Купринъ. О Кнутъ Гамсунъ. Кнутъ Гамсунъ. Мистерин. Пер. А. Острогорскій. Ола Гансонъ. *Sensitiva amorosa*. Пер. Ю. Балтрушайтиса. Цѣна 1 р. 50 к.

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ.

Юенсъ Петеръ Якобсенъ. Нильсъ Люне. Романъ. Пер. С. Городецкаго. **Гаральдъ Гефдингъ.** Потомокъ Гамлета (статья о Киркегоръ). **Соренъ Киркегоръ.** I. Несчастнѣйшій. II. Афоризмы. Пер. Ю. Балтрушайтиса. Цѣна 1 р. 20 к.

КНИГА ПЯТАЯ.

I. Альвинвистъ. Мельница въ Шельнуръ. **Августъ Стриндбергъ.** I. Высшая цѣль. II. Сказка о Сень Готардъ. III. Польлиста бумаги. IV. Соната призраковъ. **Я. Седербергъ.** I. По теченю. II. Мелкій дождь. III. Сатана, маюръ и придворный проповѣдникъ. IV. Воздаяніе за грѣхъ. V. Бездомная собака. VI. Тѣнь. Цѣна 1 рубль. Пер. Ю. Балтрушайтиса.

КНУТЬ ГАМСУНЪ.

СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

въ двѣнадцати томахъ.

Съ портретомъ автора и критико-біографическимъ очеркомъ.

Переводы исключительно съ норвежскаго
при ближайшемъ участіи:

К. Бальмонта, Ю. Балтрушайтиса и С. Полякова.

- Томъ I. Духовная жизнь совр. Америки. Голодъ.
" II. Мистеріи.
" III. Редакторъ Люнге.
" IV. Новь.
" V. Панъ. Сіеста.
" VI. У вратъ царства. Драма жизни. Закать.
" VII. Викторія. Въ сказочной странѣ.
" VIII. Мункенъ Вендтъ.
" IX. Поросль.
" X. Царица Тамара. Дикій хоръ.
" XI. Мечтатель. Воинствующая жизнь.
" XII. Подъ осенними звѣздами.

Вышли: томъ V. С о д е р ж а н і е: Панъ. Перев. С. Полякова.—Сiesta. Пер. С. Полякова. Цѣна 1 р. 25.

Томъ VI. У вратъ царства Пер. Э. Комиссаржевскаго. Драма жизни. Пер. С. Полякова. Закать. Пер. С. Городецкаго, Цѣна 1 р. 25.

Томъ VII. С о д е р ж а н і е: Викторія. Пер. Ю. Балтрушайтиса.—Въ сказочной странѣ. Пер. Балтрушайтиса Цѣна 1 р. 40 к.

Томъ IX. Поросль. Пер. К. Д. Бальмонта. Ц. 1 р.

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНІЙ

ГАБРИЭЛЯ Д'АННУНЦІО

въ 9 томахъ съ портретомъ автора и вступительной
статьей З. Венгеровой.

Переводы исключительно съ оригинала. Вал. Брю-
сова, Вяч. Иванова, Маріи Ватсонъ, Зин.
Венгеровой и Конст. Эрберга.

Томъ I. Эпископо.

- » II. Наслажденіе. Невинная жертва.
- » III. Разказы изъ Пескары.
- » IV. Дѣвы горь.
- » V. Огонь.
- » VI. Джіоконда. Лава. Мертвый городъ.
- » VII. Сонъ въ весеннюю ночь. Сонъ въ
осеннюю ночь. Дочь Іоріо. Стихи.
- » VIII. Франческа да Римини.
- » IX. Корабль. Стихи.

СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

Г. Д. УЭЛЛСА

въ 9 томахъ подъ редакціей В. Г. ТАНА съ портретомъ и предисловіемъ автора къ русскому изданію и вступительной статьей В. Г. ТАНА.

Переводы исключительно съ оригинала Н. А. Морозова, В. Г. Тана, К. Чуковского и др.

Томъ I. Странные рассказы.

- » II. Когда спящій проснется.
- » III. Грядущіе дни. Машина времени.
- » IV. Пища боговъ.
- » V. Борьба мировъ.
- » VI. Дни кометы
- » VII. Первые люди на лунѣ.
- » VIII. Невидимка. Островъ д-ра Моро.
- » IX. Предвкушенія.

Вышелъ томъ I. Содержаніе: Біографія и вступ. статья. Странные рассказы. Пер. В. Г. Тана и Чуковского. Цѣна 1 р. 25 к.

Томъ II. Когда спящій проснется. Пер. Ек. Прейсъ подъ ред. В. Тана. Цѣна 1 р. 25.

С. РАФАЛОВИЧЪ. «ОТВЕРГУТЫЙ ДОНЪ-ЖУАНЪ»
Цѣна въ переплетѣ 60 коп.

ФРАНКЪ ВЕДЕКИНДЪ. ТОМЪ I. «ГИДАЛЛА».
ПЕР. В. ВАСИЛЕВСКАГО. «МУЗЫКА». ПЕР. З. ВЕН-
ГЕРОВОЙ
Цѣна 1 р. 20 к.

ТОМЪ II. ЛУЛУ: а) «ВАМПИРЪ». ПЕР. ВС. МЕЙ-
ЕРХОЛЬДА;
б) «ЯЩИКЪ ПАНДОРЫ». ПЕР. ГИВЕРМАНЪ.
Цѣна 1 р. 25 к.

ФРАНКЪ ВЕДЕКИНДЪ. «ПРОБУЖДЕНИЕ ВЕСНЫ».
ПЕР. ПОДЪ РЕДАКЦ. ФЕДОРА СОЛОГУБА.
Цѣна въ переплетѣ 75 к. (разошлось).

АЛ. БЛОКЪ. ТРИ ПЬЕСЫ: «БАЛАГАНЧИКЪ».
«КОРОЛЬ НА ПЛОЩАДИ». «НЕЗНАКОМКА».
Цѣна 1 руб. 20 к.

ЕВ. ЧИРИКОВЪ. «МАРІЯ ИВАНОВНА». Комедія въ
4 д. Ц. 60 к.—С. НАЙДЕНОВЪ. «ХОРОШЕНЬКАЯ».
Комедія въ 4 д. Ц. 60 к.—С. СЕРГѢЕВЪ-ЦЕНСКІЙ.
«СМЕРТЬ». Пьеса въ 5 дѣйствіяхъ. Ц. 75 к.

ЛЕОНИДЪ АНДРЕЕВЪ. «ЖИЗНЬ ЧЕЛОВѢКА». Об-
ложка, заставки и концовки В. ЧЕМБЕРСА. Ц. 60 к.
(разошлось).

ЛЕВЪ СУЛЕРЖИЦКІЙ. «АНТОНЪ ЧЕХОВЪ И
ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ТЕАТРЪ» (готовится къ печати).

ЛЕВЪ СУЛЕРЖИЦКІЙ. «К. С. СТАНИСЛАВ-
СКІЙ И ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ТЕАТРЪ» (готовится
къ печати).

«ТЕАТРЪ»
(КНИГА О НОВОМЪ ТЕАТРѢ).
(Изд. 2-е).

СОДЕРЖАНІЕ:

А. ЛУНАЧАРСКІЙ. ТЕАТРЪ И СОЦІАЛИЗМЪ.—
Е. АНИЧКОВЪ. ТРАДИЦІЯ И СТИЛИЗАЦІЯ.—А.
ГОРНФЕЛЬДЪ. ДУЗЕ, ВАГНЕРЪ, СТАНИСЛАВСКІЙ.
—АЛ. БЕНУА. БЕСѢДА О БАЛЕТѢ. ВС. МЕЙЕР-
ХОЛЬДЪ. ТЕАТРЪ (КЪ ИСТОРИИ И ТЕХНИКѢ).—
ФЕДОРЪ СОЛОГУБЪ. ТЕАТРЪ ОДНОЙ ВОЛИ.—
ГЕОРГІЙ ЧУЛКОВЪ. ПРИНЦИПЫ ТЕАТРА БУДУ-
ЩАГО.—С. РАФАЛОВИЧЪ. ЭВОЛЮЦІЯ ТЕАТРА.—
ВАЛЕРІЙ БРЮСОВЪ. РЕАЛИЗМЪ И УСЛОВНОСТЬ НА
СЦЕНѢ.—АНДРЕЙ ВЪЛЫЙ. ТЕАТРЪ И СОВРЕМЕН-
НАЯ ДРАМА.

Обложка АЛ. БЕНУА.

Цѣна 2 рубля.

АЛЕКСАНДРЪ БЕНУА. «ГОЙЯ». Съ 40 репродук-
ціями изъ Proverbios, Capricios, Desastros della
gerra и др.

Обложка М. ДОБУЖИНСКАГО, украшенія С. ЯРЕ-
МИЧА.

Цѣна въ переплетѣ 2 рубля.

ОВРИ ВЕРДСЛЕЙ.

65 РИСУНКОВЪ, ИЗБРАННЫХЪ ПО УКАЗАНИЮ
СОМОВА.

Цѣна въ переплетѣ 1 р. 50 к. (разошлось).

Леонидъ Андреевъ. Царь Голодъ. Представленіе въ пяти картинахъ съ прологомъ. Рисунки Е. Лансере. Ц. 1 р.

Леонидъ Андреевъ. Т. V. Содержаніе: Иуда Искаріотъ и др. Елеазаръ. Жизнь челоѣка. Великанъ. Тьма. Ц. 1 р. 25 к.

Бор. Зайцевъ. Разказы. Книга I. (2-ое изданіе). Волки. Мгла. Тихія зори. Священникъ Кронидъ. Хлѣбъ, Люди и Земля. Деревня. Мифъ. Черные вѣтры. Завтра. Цѣна 50 к.

Бор. Зайцевъ. Разказы. Книга II. I. Полковникъ Розовъ. Молодые. Ласка. II. Любовь. Май. III. Сестра. Гость IV. Аграфена. V. Спокойствіе (Печатается). Ц. 1 р.

С. Сергѣевъ-Ценскій. Разказы. Томъ I. Тундра. Умру я скоро. Маска. Взмахъ крыльевъ. Дифтеритъ. Бредъ. Уголокъ. Вѣрю. Скука. Поляна. Погостъ. Молчальники. Садъ. Батенька. Убійство. Цѣна 1 руб.

С. Сергѣевъ-Ценскій. Разказы. Томъ II. Снѣжное поле. Мертвецкая. Кукушка. Гроза. Ясный день. Проталина. Ожиданіе. Пьяный Курганъ. Отъ трехъ бортовъ. Безстѣнное. Цѣна 1 руб.

В. Муйшель. Разказы. Томъ I. Мужичья смерть. Въ кухнѣ. Солдаты. Аренда. Бабья жизнь. Цѣна 1 руб.

Маркъ Криницкій. Разказы. Томъ I. Содержаніе: Тора-Аможе. Наслѣдственность. Необходимость жить. Тайна барсука. Матерія. Проклятѣе. Ефимъ. Слѣпецъ. Пошлость. Ложь. Оплоть общества. Цѣна **1 руб.**

Ведоръ Сологубъ. Мелкій бѣсъ. Романъ. (3-ье изданіе). Цѣна **1 р. 75 к.**

Ведоръ Сологубъ. Тяжелые сны. Романъ. (3-ье изданіе). Цѣна **1 р. 75 к.**

Ведоръ Сологубъ. Книга разлукъ. Разказы. Они были дѣти. Въ толпѣ. Голодный блескъ. Цѣна **1 руб.**

Шаломъ Ашъ. Разказы. Томъ I. Цѣна **1 руб.**

Шаломъ Ашъ. Городокъ. Поэма изъ еврейской жизни (Разошлось).

Г. Чулковъ. Анархическія идеи въ драмахъ Ибсена. Ц. **30 к.**

Н. Ковальскій. Терновый вѣнецъ. Разказы. Первый валъ. Весна. Только шагъ! Смѣхъ и плачь. Полуночное солнце. На черноземѣ. Человѣкъ, который... Тоска по родинѣ. Ц. **1 р.**

Октавъ Мирбо. 638 — Е — 8. (Путешествіе въ автомобилѣ). Единственный, разрѣшенный авторомъ, переводъ съ рукописи для издательства «Шиповникъ» (З. Венгеровой и Л. Бинштока). Цѣна **1 руб. 25 коп.**

Анатоль Франсъ. Разказы Жака Турнеброша. Единственный, разрѣшенный авторомъ, переводъ съ рукописи для издательства «Шиповникъ» (Н. Минскаго). Печатается.

- Анатолий Франсъ.** Островъ пингвиновъ. Единственный разрѣшенный авторомъ переводъ съ рукописи З. Венгеровой. Цѣна 1 р. 50 к.
- Байронъ.** Каинъ. Переводъ Ив. Бунина. Обложка, заставка и концовки Чемберса. Ц. въ переплетѣ 1 р. 50 к. безъ переплета 75 к.
- Евг. Тарасовъ.** Земныя дали. Вторая книга стиховъ. Обложка И. Билибина. Цѣна 60 коп.
- Н. Д. Бальмонтъ.** «Птицы въ воздухѣ». Строки напѣвныя. Обложка И. Билибина. Цѣна 2 р.
- Н. Д. Бальмонтъ.** Зеленый вертоградъ. Слова поцѣлуйныя. Обложка И. Билибина. Цѣна 2 р.
- Андрей Бѣлый.** Пепель. Цѣна 2 р.
-

А. Серафимовичъ.

ДѢТСКІЕ РАЗСКАЗЫ

съ рисунками Б. КУСТОДИЕВА.

Цѣна 1 р.

МОРЩИНКА.

Сказка А. Ремизова. Рисунки М. Довужинскаго.

Цѣна въ переплетѣ 50 к.